

АЛЕКСЕЙ ШИПИЦИН

ДЕВУШКА 2.0

Алексей Шипицин

Девушка 2.0

«Издательские решения»

Шипицин А.

Девушка 2.0 / А. Шипицин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4493-7794-4

Две тысячи лет прошло. И сейчас, в начале XXI века, обычной девушке Алёне из далекой сибирской глубинки суждено пройти тот же путь, что прошла и обычная девушка Мария из далекой римской провинции тогда, две тысячи лет назад... Или все-таки они обе — не обычные? И кто она, современная Девушка 2.0? И почему именно она? Кем будет ее сын? Зачем он призван в этот мир? И кто его отец? История повторяется? Нет... Всё оказывается гораздо сложнее.

ISBN 978-5-4493-7794-4

© Шипицин А.

© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ Случайности не случайны...	6
Часть первая – Даунсвинг	6
ПРЕФЛОП	6
ФЛОП	18
ТЕРН	49
РИВЕР	69
ШОУДАУН	81
Часть вторая – Апсвинг	92
ПРЕФЛОП	92
ФЛОП	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Девушка 2.0

Алексей Шипицин

© Алексей Шипицин, 2018

ISBN 978-5-4493-7794-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ Случайности не случайны...

Часть первая – Даунсвинг

ПРЕФЛОП

...Он взглянул на свои карты и слегка задержал дыхание, чтобы не выдать эмоции. Там были две дамы. Конечно, это не тузы и не короли, но тоже можно назвать «топ-парой», пусть и с натяжкой. «На безрыбье и рак рыба» – почти за час игры ему впервые пришла хорошая карта...

Все игроки до него сказали «пас» и сбросили карты. Он для вида выдержал паузу и выдвинул на центр стола столбик фишек – «повышаю, рейз».

Четверг, 23.00

Алена долго стояла возле своего подъезда, не решаясь открыть дверь и войти внутрь. Невидимый барьер отделял ее от родного дома. Невидимый, но непреодолимый...

Моросил мелкий холодный дождь, а она его даже не замечала. Уже давно стемнело, огромный дом весело и дружелюбно подмигивал ей множеством огоньков, словно приглашая: «Ну, что же ты стоишь, заходи».

Алена грустно посмотрела на окна своей квартиры. Два окна на пятом этаже. Свет горел только на кухне. Мама, видимо, не дождалась ее и села ужинать. В комнате, как всегда, работал телевизор – в темном окне мелькали бледные разноцветные тени.

Дождь усиливался, поднялся холодный промозглый ветер. Алена куталась в свой куцый плащик, но безуспешно – он нисколько не грел и не защищал ни от дождя, ни от ветра. А зайти в подъезд она не могла. Не хотела. Не было сил.

Она уже давно промокла насквозь, платье противно прилипло к телу, холодная дрожь накатывала волнами, и она никак не могла ее унять. Мокрые волосы облепили лицо. Косметика растеклась, но она не обращала на это внимания. Ей все было безразлично.

Мокро и холодно было вокруг. Но еще холоднее было внутри. Холодно и пусто.

Никто ее не видел, никого не было вокруг. Одна-одинешенька в огромном городе перед огромным домом. Там живут люди – разговаривают, ужинают, укладываются спать. Любят и ненавидят, радуются и ругаются. Живут. А она здесь одна, в темноте под холодным дождем. Как бездомная побитая собака. Но она и не хотела никого видеть...

Там, на пятом этаже, ее мама. Ждет ее, смотрит на часы, волнуется, переживает. Она предупреждала, что сегодня задержится. Но не настолько же!

А сейчас... Как подняться, как встретиться с ней, как посмотреть в ее глаза? Нет! Нет! Не могу!

Она даже не заметила, что крикнула это вслух.

Слезы смешивались с каплями дождя, она слизывала холодную влагу с дрожащих губ, и от ее солености становилось еще тоскливее.

Алена достала сигарету из сумочки, хотела закурить. Она курила очень редко, только за компанию с девочками, в подходящей обстановке. Но пачку иногда носила с собой – так, на всякий случай. И сейчас не удержалась, хотя и знала, что нельзя. Замерзшие пальцы никак не могли справиться с зажигалкой, сигарета сразу намокла. Она обиженно и грубо смяла ее и выбросила. Табачные крошки облепили мокрые пальцы. Это почему-то вызвало у нее такой

приступ брезгливости, что ее всю передернуло. Она ополоснула руку прямо в луже, плотнее закуталась в плащик и подставила лицо под капли дождя, пытаясь успокоиться. Глубоко вздохнула, но вместо вдоха вырвался громкий и жуткий всхлип, больше похожий на вой. Она испуганно оглянулась – не слышал ли кто. Сама себе горько усмехнулась. Дожила – уже волком вою...

Дождь монотонно шелестел по опавшей листве, глухо стучал по асфальту. Какой-то тревожный звон вмешивался в эту нудную безрадостную симфонию. Алена пригляделась – в луже поблескивала пустая консервная банка, и дождь барабанил по ее жестяному доньшку. Она забрела в лужу прямо в туфлях – плевать! – повозила банку ногой туда-сюда и вдруг изо всех сил пнула, подняв кучу брызг. Банка загрохотала по асфальту, резко нарушив гулкую тишину пустого ночного двора, врезалась в стену и, жалобно звякнув, затихла. Странно, но это немного успокоило Алену. Она подобрала слетевшую туфлю, обулась – и обреченно побрела в подъезд...

Но подняться по лестнице уже не смогла. Потом! Чуть позже. Только не сейчас. Она понимала, что это глупо, все равно надо идти домой. Но поделаться с собой ничего не могла.

Алена прижалась к батарее, надеясь, что ласковая волна теплого воздуха сейчас согреет ее. И тут же разочарованно всхлипнула – батарея была холодной и мертвой. Отопление еще не включили. Рано, осень только-только началась. Ей стало еще холодней и тоскливей. Хорошо, хоть ветра здесь не было...

Кто-то вошел в подъезд. Она испуганно вжалась в темный угол. Слава богу, не заметили. Она так и осталась стоять в темном углу возле батареи, потом присела на корточки, обхватив колени руками...

Вдруг чуть не вскрикнула от неожиданности – кто-то прикоснулся к ее ногам. Она вскочила в ужасе, сердце бешено заколотилось. Посмотрела вниз и невольно улыбнулась – кошка! Она даже обрадовалась – пусть тощее, облезлое, но все-таки живое существо. На людей ей сейчас и смотреть не хотелось, а кошка... Алена погладила бездомную кошку, та испуганно отскочила – привыкла уже, что на ее долю выпадают лишь пинки и удары. И, не веря своему счастью, прильнула к ногам Алены. Бедная кошка давно разучилась мурлыкать, они так и молчали в темноте – несчастная кошка и гораздо более несчастная Алена...

Сколько прошло времени, она не знала.

Алена и сидела бы дальше в своем укромном темном закуточке, спрятавшись от всего мира, но от неудобной позы затекли ноги. Пришлось встать, чтобы размяться.

Когда она снова вышла на улицу, дождь уже прекратился. От мокрого асфальта тянуло холодом, деревья тревожно шумели листвой. Промозглый ветер сразу хлестанул по ногам в мокрых колготках. Короткое платье и такой же короткий плащик не могли спасти, отдавая ее ноги на растерзание колючему обжигающему ветру.

Было очень поздно – дом весь спал. В ее квартире тоже не было света – мама, так и не дождавшись ее, легла спать. Ей рано вставать на работу...

Она подождала еще немного, потом все-таки поднялась к себе на пятый этаж. Кошка сначала бежала за ней, потом отстала. В подъезде было тихо и спокойно. Алена постояла перед своей дверью, не решаясь повернуть ключ. Наконец тяжело вздохнула и вошла.

Вот она и дома.

Ее сразу обдало родным запахом – так пахло только здесь, в ее квартире. Запахом ее жизни, ее духов, ее дезодорантов. Запахом свежести и еще чего-то неуловимого, но так любимого ею. В горле стоял комок. Она очень любила свою квартирку, ее ненавязчивый уют, ее спокойствие. Но сейчас чувствовала себя здесь совсем чужой.

Дома было тепло, но ей почему-то стало еще холоднее – озноб пронзил все тело до последней клеточки. Она проскользнула в ванную, разделась, скинула насквозь промокшие

пластик и платье. С трудом стащила мокрые липкие колготки. Закуталась в теплый домашний халат, но согреться это не помогло.

Тихо, на цыпочках, прошла в комнату. Мама спала на своей кровати. Как обычно, на спине, откинув в сторону натруженную руку. Дышала тяжело и прерывисто. Она всегда очень беспокойно спала.

Алена, не включая свет, в полутьме осторожно прошмыгнула в свой уголок, отгороженный большим шкафом. Она никак не могла успокоиться, руки мелко дрожали. Дверца шкафа предательски скрипнула, и в тишине комнаты тонкий комариный звук оказался неожиданно громким. Она в страхе замерла. Мама заворочалась, но не проснулась. Алена облегченно вздохнула и вытащила из шкафа свой походный рюкзачок. Взялась было за ноутбук, но передумала – достала из ящика стола планшет и засунула в рюкзак.

Потом встала и долго смотрела на маму. Свет из коридора хорошо освещал ее лицо, и она не могла оторвать глаз от него – такого спокойного и безмятежного, такого родного и любимого. Так быстро постаревшего за последние годы. У нее перехватило дыхание от любви и презрения. От любви к ней и презрения к себе. Ей казалось, что она сейчас поступает как предательница. Но придумать что-то другое она не могла...

Она только представила, что мама сейчас проснется, и она встретится с ее взглядом... Нет, лучше не надо! Она ничего не сможет маме рассказать и объяснить. Ничего! Но и промолчать тоже не получится...

Она на самом деле не знала, что могла бы сейчас сказать маме. Потому что ЭТОГО просто не могло быть. Не могло быть – просто потому, что не могло быть...

Она все еще не согрелась. Забраться бы под теплое одеяло, спокойно уснуть, а утром проснуться, как всегда... Но «как всегда» уже не будет. Никогда не будет. Она сейчас это так ясно поняла, что слезы снова начали душить ее. Она громко, надрывно всхлипнула, испуганно зажала рот рукой. Быстро-быстро накидала в рюкзак одежду из шкафа – почти не выбирая, только самое необходимое. Схватила в охапку джинсы, свитер и, уже почти рыдая, выскочила в прихожую.

Вдруг наткнулась на свое отражение в большом, во весь рост, зеркале. Почему-то сразу успокоилась, медленно подошла поближе. Внимательно вгляделась в свое лицо, словно впервые его увидела.

«Алена, ты соображаешь, что творишь?» – «Но у меня нет другого выхода».

«Ты уверена, что правильно поступаешь?» – «Нет, конечно. Но я должна что-то делать».

«А как же мама?» – «Когда все выяснится, я постараюсь ей объяснить. Она поймет».

«Ты сама-то уверена, что все может выясниться?» – «Нет. Но ведь ЭТОГО же не может быть! Просто потому, что не может быть...»

Она помотала головой, словно отгоняя наваждение. Осталось еще только начать самой с собой разговаривать. Снова взглянула на свое отражение, уже критически – и тут же пошла в ванную смывать остатки расплывшейся косметики. Залезть бы еще в горячую ванну, постоять под теплым душем! Но скоро начнет светать, мама проснется – ей на работу собираться. Она очень рано встает...

Одним движением смахнула в рюкзак туалетные принадлежности со своей полочки – зубную щетку, пасту и все, что там было. Быстро переодела белье, натянула джинсы, свитер, уже в коридоре – куртку, кроссовки, кепку. Снова взглянула в зеркало – обычная девчонка в обычной одежде. Ничего особенного. Собралась куда-то ехать. Таких тысячи. Вот только волосы... Натянула на голову, поверх кепки, еще и капюшон ветровки...

Спихватилась, вернулась на цыпочках в комнату – вытащила из ящика своего стола паспорт, сняла с полки томик Есенина.

Теперь все? Нет, не все. Так нельзя!

Она взяла ручку, одну из своих школьных тетрадок. Уже в коридоре, стараясь не шуметь, вырвала из тетрадки чистый листок. Посмотрела на обложку тетради – надо же, математика попалась, любимый предмет. Долго стояла, грызла ручку, еще раз взглянула на себя в зеркало, наконец быстро и решительно написала: «Мама, прости меня. Мне нужно срочно уехать. Так получилось. Потом я тебе все объясню. Целую. Алена».

Оставила листочек на тумбочке рядом с зеркалом и пошла. Но возле двери остановилась, секунду подумала, развернулась.

Достала из кармана куртки смартфон и вытащила из него симку. Положила ее сверху на записку. Вот теперь все.

Выключила свет, осторожно вышла на площадку и, закрывая дверь, еще раз бросила взгляд в родную квартиру. Так и запомнила эту геометрическую фигуру в полосе света, падающего из подъезда в темноту прихожей. Два прямоугольника на тумбочке – яркий белый, а на нем – маленький черный с отрезанным уголком...

Она вышла из подъезда и чуть не задохнулась от порыва мокрого ветра. Съежилась, сжалась в комочек, закуталась плотнее в куртку, натянула поглубже капюшон. «Куда теперь?»

Начинало светать, кое-где зажигались окна. Город просыпался.

Пятница, 10.00

Город уже давно проснулся и жил своей суетливой шумной жизнью. Под окнами общаги трезвонил трамвай, сигналили машины. Денис вышел на балкон – ну конечно, снова пробка. Ежедневная, как по расписанию. А тут еще две машины столкнулись на перекрестке. Даже не столкнулись, судя по всему, а так – чуть-чуть «поцеловались». Но теперь будут стоять, перегордив оживленную магистраль.

Ну ладно, как говорится, у вас – ваши проблемы, а у нас – наши. Денис, даже не покурив толком, вернулся в комнату. Некогда...

Куда же записал он этот номер телефона?

Что за дурацкая привычка записывать все самое нужное на отдельных листочках, квитанциях, чеках, а потом месяцами таскать их в карманах. Тысячу раз обещал себе завести нормальный блокнот-ежедневник и перенести все записи туда. Но зато как выручил его весь этот бумажный ворох, когда у него однажды украли телефон. Или сам потерял. Он тогда буквально за пару часов восстановил почти всю базу. С тех пор он не выбрасывал ни одну записочку, ни одну бумажечку. Только время от времени выгребал из карманов всю кучу скопом и складировал в ящике стола. Но этот номер телефона он записывал совсем недавно – значит, еще где-то в карманах.

Денис выуживал мятые записки и пытался разобраться, что там написано, а потом вспомнить – а что же это, собственно, значило. Куда же он все-таки записал телефон этого парня-компьютерщика? Денис, в отличие от многих своих друзей, никогда не «забывал» сразу в телефон номера посторонних, чужих людей. Там у него были только те друзья и близкие, которым он действительно частенько звонил. И всегда смеялся, например, над Пашкой – у того в памяти телефона скопилось не одна сотня номеров. Бедняга уже и вспомнить не мог, кто все эти «Сергей», «Тани», «Маши» и прочие. Мало того, он не раз попадал впросак, запутавшись среди своих «Лена», «Елена» и «Леночка» или, к примеру, «Катя-магазин» и «Катя-сауна». Денис много раз предлагал ему: «Почисти телефон, повыкидывай все лишнее». А в ответ слышал одно и то же: «А вдруг пригодятся». Зато у самого Дениса в телефоне был полный порядок. В телефоне – да. А вот в карманах...

Ни в брюках, ни в карманах костюма, ни в джинсах – нигде нужного телефона обнаружить не удалось. По известному закону та самая визитка оказалась в самом последнем кар-

мане, когда Денис, уже отчаявшись, проверял куртку на вешалке у двери. Ну конечно, они же в последний раз виделись на улице, в дождь. Тогда Клозе и дал ему свою визитку. Сразу бы вспомнил – не мучился бы столько. Ну ладно, хорошо хоть нашел. И хорошо, что догадался сразу на визитке нацарапать «Клозе», иначе ни за что бы сейчас не догадался, что «Виноградов Сергей Анатольевич, системный администратор Регионального аналитического центра» и есть тот самый Клозе. Он повертел визитку в руках. Судя по качеству бумаги и тиснению, этот «аналитический центр» был не бедной организацией. На обратной стороне визитки были записаны еще несколько телефонов, явно не имеющих никакого отношения к самому Клозе. Обычная история – у Дениса каждая визитка превращалась в мини-записную книжку. Еще бы – бумага плотная, мнется мало, теряется редко. Чьи это телефоны, Денис сейчас и вспоминать не стал, а сразу набрал наконец-то найденный номер.

– Слушаю, – ответил незнакомый голос.

Денис чуть было не ляпнул: «Клозе, это ты?», но вовремя сообразил – он же звонит Виноградову Сергею Анатольевичу.

– Это Сергей Анатольевич?

– Да. А это кто?

– Это Денис.

– Денис? Какой Денис?

– Ну, Денис. Из Берлоги. Каспер.

– А, понял, – голос сразу изменился, и Денис узнал Клозе. – Привет, Каспер.

– Привет, Клозе.

– Тихо, тихо. Я тебе перезвоню через десять минут. Твой номер у меня определился.

– Ладно, давай.

Клозе так прозвали вовсе не в честь знаменитого нападающего сборной Германии по футболу Мирослава Клозе. Господин Виноградов, как подозревал Денис, и в футбол-то отродясь не играл. Он был компьютерщиком. Классным. Как говорится, от бога. В молодости был хакером, потом окончил физфак универа, остепенился. В компьютерном деле для него секретов не существовало. Но, как обычно бывает, если человек в одном деле – гений, то в каком-то другом окажется в полной яме. И хоть ты наизнанку вывернись – ничего там не добьешься. Как не странно, для Клозе такой «ямой» был... английский язык. Казалось бы, компьютер-интернет и английский – они же как сиамские близнецы-братья, неразрывно связаны. А такой высочайший уровень знания компьютера и общения с ним, на каком находился Клозе, просто в принципе невозможен без знания английского. Оказывается, возможен. Нет, кое-что он, конечно, знал. По написанию слов понимал, что это слово означает. Этому ему вполне хватало. Но вот произношение... Правильно произнести хоть что-то он не смог бы никогда. Он читал и говорил по-английски по принципу «как пишется – так и говорится». Поэтому стандартная фраза «close files» в его варианте звучала как «клозе филес».

Клозе перезвонил ровно через десять минут. «Пунктуальный, черт. Понятно, в солидной фирме работает».

– Ну, рассказывай, Каспер. Ты, оказывается, Денис? Что, проблемы? Иначе бы не позвонил.

– Да тут, понимаешь, так получилось... Вот такое...

– Слушай, давай конкретно и сразу, – перебил его Клозе. – Если хочешь поболтать, тоже можно, но в другой раз. Если что-то надо, так и говори.

– Надо.

– Ну, не тяни!

– Спрятаться надо. Исчезнуть.

- Та-ак. Надолго?
 - На недельку. Для начала. А там видно будет.
 - Поня-ятно. Подумать надо. Ты меня очень здорово выручил тогда, в Берлоге. Так что я перед тобой в долгу. Ладно, постараюсь помочь. Вот что... Есть один вариант. Давай так. Через два часа, в двенадцать, приезжай в «Снежинку». Знаешь?
 - Знаю.
 - Бери паспорт, деньги...
 - Ну, это понятно.
 - Да подожди. Тапочки, кружку-миску-ложку, бритву-щетку-пасту, спортивную форму.
 - А это зачем?!
 - Там поймешь. Флюорографию давно проходил?
 - Что проходил? – Денис удивлялся все больше.
 - Флюорографию.
 - Давно, наверное. Не помню даже.
 - Ладно. Собирайся, приезжай. Решим. Все, до встречи.
- Клозе отключился.
- Так... Что за чушь? Какая флюорография, какие кружка-миска?

Денис вышел заранее. Все равно делать было нечего. А так хоть прогуляться по городу, развеяться. Успокоиться.

Он перепрыгнул через очередную лужу. Дождь в городе – всегда стихийное бедствие. Даже небольшой, не говоря уж о проливном ливне. Вот и сейчас – дождь еще ночью закончился, но на улицах стояли лужи и пока не собирались никуда исчезать. Ливневка, как обычно, забита напроць. Машины обрызгивали прохожих, те прыгали, выписывая невообразимые кульбиты. Причем самые большие и глубокие лужи скапливались именно на пешеходных переходах и на перекрестках. Где, как говорится, не перейти – не переехать. Не обойти – не перепрыгнуть.

Какая-то старушка с сумками, чуть не плача, обреченно готовилась забрести в маленькое озеро, перегородившее весь тротуар. Денис подхватил ее сзади, она и вскрикнуть не успела, и быстро пропрыгал по кирпичам и доскам, кем-то уложенным посреди лужи. Раз-два – и бабушка уже на другом берегу, даже ноги не замочив. Денис, не оборачиваясь на благодарные «охи» и «ахи», отправился дальше. Настроение улучшилось. Приятно, черт возьми, добрые дела делать. Так, мимоходом, невзначай...

Он уже третий год жил в этом городе, но все никак не мог привыкнуть к вечному разгильдяйству и безалаберности – начиная от грязи и мусора на улицах и заканчивая раздолбанными маршрутками с небритыми гастарбайтерами за рулем. И этот потоп после каждого дождя полностью вписывался в картину всеобщего бардака. Да и люди все какие-то злые, раздражительные, с напряженными, недовольными лицами.

Денис зашел в Торговый Комплекс – центральный универмаг города. Надо было купить одноразовые бритвы, зубную пасту и прочие мелочи из списка Клозе. Поднимаясь по ступенькам центральной лестницы, вспомнил, как прошлой зимой поскользнулся здесь и, не успев схватиться за перила, разбил затылок. Хорошо, шапка спасла. Но в травмпункт пришлось обращаться. Зато лестница была красивая – итальянской плиткой выложена. И никого не интересовало, что зимой она становится неимоверно скользкой. Но менять ее, конечно, никто и не собирался. Просто на лестнице поставили таблички – «Осторожно, скользко!» И все. Вот и приходилось всем покупателям подниматься-спускаться максимально осторожно и аккуратно. А, поскользнувшись, судорожно хвататься друг за дружку. В другом популярном месте, в Бизнес-Центре, где были такие же ступеньки, пошли дальше – уложили в центре лестницы красную ковровую дорожку, прикрыв коварные плитки. Народ, поднимаясь по этой

дорожке, чувствовал себя, наверное, как в Каннах или Венеции. А если пошел с краю лестницы, мимо дорожки, и сломал руки-ноги – твои проблемы...

В его родном маленьком Рябиновске все было по-другому. Городок был маленький, но чистенький, опрятный, обустроенный. Комбинат, как сейчас говорили – «градообразующее предприятие», несмотря на все перестройки, реформы, санкции и экономические катастрофы, продолжал успешно работать. Деньги водились и в бюджете города, и у жителей.

Денис взглянул на часы – надо бы поторопиться. Он хотел быть таким же пунктуальным, как Клозе, и появиться в «Снежинке» ровно в двенадцать, минута в минуту, поэтому решил сократить путь – пошел через парк. Но тут же пожалел об этом. Он сразу попал то ли в декорации к второсортному фильму ужасов, то ли в какую-то сюрреалистическую депрессивную картину. Вокруг возвышались засохшие черные деревья и кусты, сплошь затянутые серой паутиной. Ни одного зеленого островка не было видно в этих густых зарослях – только уродливые монстры тянули свои ветви, облепленные низко свисающими лохмотьями. В парке давно уже не гуляли ни мамы с колясками, ни влюбленные парочки, вообще никто. Дорожки были завалены толстым слоем опавшей листвы, слежавшейся и утрамбованной дождями, кругом валялись сломанные ветки и обрывки паутины...

Несколько лет назад на город свалилась напасть – откуда-то появились маленькие, но очень прожорливые гусеницы. Горностаевая моль, кажется, Денис точно не помнил. И за несколько лет превратились в главную проблему для городских властей и всего населения. Ежегодно кусты и деревья опрыскивали какими-то химикатами, заверяя, что уж в следующем году нашествия вредителей не будет. Но история повторялась. Мало того, гусениц становилось все больше, как будто химия их не уничтожала, а, наоборот, подкармливала. Потом начали вырубать зараженные деревья. И тоже безуспешно. На центральных улицах и аллеях еще как-то удавалось сдерживать наступление этой армии – там среди зеленых деревьев только изредка попадались обтянутые густой паутиной черные скелеты. Прохожие, сразу становясь молчаливыми и напряженными, испуганно обходили их подальше. А на парк, видимо, рукой все давно махнули – не хватало ни сил, ни средств.

Власти успокаивали, что для населения эти гусеницы опасности не представляют. Возможно, так и было. Для физического здоровья населения. А вот для психического... Очень даже представляли. Денис в этом тут же убедился, сделав всего несколько шагов по дорожке парка. Ему сразу стало жутко и тоскливо, как будто из него душу вынимают. Внутри все похолодело, руки и ноги не хотели слушаться. Здесь жили Дементоры...

Он невольно ускорил шаг, а затем вообще перешел на бег. Паутина клочьями свисала прямо над тропинкой, и ему приходилось поминутно пригибаться. Солнце, пробиваясь сквозь засохшие ветви, лишенные листвы, оставляло разноцветные блики на серой массе паутины, только усиливая мрачную неестественность и абсурдность картины. «Так, наверное, должна выглядеть дорога в ад»...

Почти бегом, на полусогнутых ногах, он выскочил из парка и несколько минут стоял, глубоко дыша, пытаясь успокоиться. Снова посмотрел на часы. Да, время он сэкономил, путь сократил. Но стоило ли оно того? От хорошего настроения не осталось и следа. И даже солнце не радовало, а только раздражало и злило, ослепляя и заставляя жмуриться...

Как он ни торопился, все равно опоздал. С этим он ничего не мог поделать. Это было как наказание какое-то. Он всегда и везде опаздывал. Как это получалось – он и сам понять не мог. И будильник ставил, и выходил заранее. Даже часы наручные стал носить постоянно, хотя друзья и посмеивались над этой его старомодной привычкой. Бесплезно. Ничего не помогало.

Вот и сейчас – вроде и вышел заранее, и не задерживался нигде, и путь пытался сократить. Но, когда зашел в «Снежинку», Клозе уже сидел за столиком в углу прямо под Чебурашкой и ел бутерброд. Денис взглянул на часы. Двенадцать ноль восемь. Ну как так!? Хоть плачь...

– Присаживайся, Каспер! – помахал рукой Клозе.

Денису досталось место под Карлсоном.

– Ешь давай. Голодный, наверное, – Клозе пододвинул ему тарелку с бутербродами и чашку кофе.

– Ага, – Денис не заставил себя уговаривать.

– У меня обед, – объяснил Клозе с набитым ртом.

Хотя они встречались до сих пор лишь несколько раз, Денис чувствовал себя в компании с Клозе легко и свободно, как со старым хорошим другом. Или со старшим братом. Потому, наверное, именно ему и позвонил сегодня утром.

Денис огляделся. Кафе «Снежинка» изначально задумывалось как детское заведение. Вот и украшали стены барельефы Дюймовочки, Бармалея и других мультяшек. Но так случилось, что рядом оказалось большое количество магазинов компьютерной техники, сервис-центров, интернет-салонов. И завсегдатаями «Снежинки» постепенно стали разного рода программисты, сисадмины и просто компьютерные гении. Безалкогольный статус кафе их нисколько не смущал – у этой публики другие интересы. Они часами просиживали за кофе с мороженым, обсуждая свои виртуальные проблемы. И «Снежинка» превратилась в своего рода «компьютерный клуб». Мама с детьми здесь тоже бывали, и детские праздники регулярно проводились. Но за несколькими столиками неизменно восседали длинноволосые дяденьки лет тридцати. Так что Денис нисколько не удивился, когда Клозе назначил встречу именно в этом кафе.

– Ты все взял?

– Все вроде, – Денис кивнул на пакет с вещами.

– А без «вроде»?

– Все.

– Ладно, твое дело, вообще-то. Тебе жить. Симку вытащи. Я не знаю, от кого ты прячешься и почему, и знать не хочу. Но останешься на связи – найдут. Кстати, родителей предупредил? Придумай что-нибудь. Срочная поездка какая-нибудь. А то искать будут, полицию подключат.

– Я же из общаги. Парням просто сказал, что на пару недель уезжаю. Никто и не спросил, куда и зачем. А родичам позвонил, сказал, что у нас практика в горах, там сотовая связь не берет. Мол, сам позвоню, как возможность будет.

– Ну ты врать. Какая практика в сентябре, учеба началась.

– Да они-то откуда знают? Для них что практика, что сессия, что семестр, что деканат – все одно загадка. С подружкой расстался еще месяц назад. Окончательно и навсегда. Новую еще не завел.

– Предусмотрительный. Какой курс?

– Третий.

– Политех?

– Политех.

– А-а. Тогда ладно.

– Что «ладно»?

– За пропуска уже не отчислят. Или бросаешь?

– Нет, надеюсь, вернусь.

– А специальность?

– Авиация.

Клозе расхохотался:

– Какая же практика в горах? Я думал, геолог, горняк или, например, эколог какой-нибудь.

– Ну, мало ли, вдруг самолет в горах упал где-то. Вот мы и ищем.

– Ага, студентов отправили на опознание трупов.

– Да ладно, предки поверили, ну и все.

– Просто впредь ври с умом, правдоподобно. Если уж вляпался где-то. А симку все равно вытащи. Если спецы заниматься будут, быстро местонахождение вычислят. Поверь уж знающему человеку.

Денис послушно вытащил симку из телефона, покрутил в руках и, не зная, что с ней делать дальше, протянул ее Клозе. Тот хмыкнул, но симку забрал:

– Что, сам себе не доверяешь? Если неможешь без телефона, купи новую симку. Но звонки фильтруй – сам соображай, кому можно звонить, кому нет. Если проще – кто может сдать, кто нет. Ты извини, что так жестко, но, судя по всему, ты влип крепко.

– Да. Как-то так.

– Я так и понял. Потому и помогаю. Но и сам думай.

Они доели бутерброды и пошли к выходу.

– Минералку купи, – проходя мимо стойки бара, посоветовал Клозе.

– Зачем? – удивился Денис.

– Понадобится. Не сомневайся, пригодится. Я ж говорю, поверь знающему человеку...

Денис в недоумении пожал плечами, но подошел к стойке. Симпатичная черненькая барменша, улыбаясь, уже протягивала ему пластиковую бутылку минеральной воды – услышала последние слова. Кокетливо улыбнулась:

– Что, на гулянку собрались? Да, минералка утречком в самый раз будет. Может, и я с вами?

– Да я бы с удовольствием пригласил, – растерялся Денис. – Только в другой раз, ладно?

Она шутливо надула губки:

– Ясно, к другим девочкам идете, да?

– Ой, да нет же, тут совсем другое дело, – начал было объяснять Денис.

– Пойдем, пойдем, – поторопил его Клозе. – Иначе ты тут и останешься. Я бы точно остался. А ты, Жанна, перестань клиентов охмурять, – он подмигнул девчонке за стойкой. Та засмеялась в ответ и демонстративно состроила Денису глазки.

Они вышли на улицу, Клозе открыл выдавший виды «Паджеро», припаркованный у входа:

– Бросай сумку. Паспорт возьми с собой. Сейчас я на работу, а ты идешь в больницу. Здесь рядом, возле рынка. Знаешь? Там проходишь флюорографию, платно всем делают, и без очереди.

– Зачем это все? Объясни! – взмолился Денис.

– Да скоро все поймешь, – отмахнулся Клозе. – Некогда сейчас. Мне надо на работе отпроситься и кое-какие дела срочные доделать. С готовой флюорографией подходишь сюда, к машине, и звонишь мне. Ах да, симку-то ты мне отдал. Ладно, стукнешь по колесу. Сработает сигнализация, я выйду. И поедем.

– Куда поедем-то?

– Каспер, ты мне надоел. Уже. Не задавай вопросов, если доверился человеку. Все, мне некогда. По колесу сильнее пинай, а то не сработает. Но только по колесу!

Через пару часов «Паджеро» остановился у серой панельной пятиэтажки.

Всю дорогу Клозе болтал по телефону, ловко управляя машиной одной рукой. И у Дениса не было никакой возможности донимать его расспросами. За два года он не успел как следует изучить город, но понял, что они заехали куда-то в Заводской район, на окраину города. Этот район был как «город в городе» и нравился Денису. Он ему напоминал родной Рябиновск. Здесь жили практически одни заводчане, и район выглядел относительно ухоженным.

– Все, приехали. Теперь ты будешь жить здесь, – Клозе вышел из машины и театральным широким жестом пригласил Дениса. – Прошу вас, сэр.

Денис вылез вслед за ним. И остолбенел.

На табличке у двери значилось: «Городской психо-наркологический диспансер. Заводской филиал». Он посмотрел наверх – на всех окнах были решетки. Балконы тоже были зарешечены.

– Ты что, – заикаясь, спросил он, – в психушку меня привез?!

– А-а, страшно?! – расхохотался Клозе. – Запомни, ты с этой минуты алкоголик. Не псих, не бойся, только алкоголик. И не наркоман, хотя их тут тоже полно. Оформим сейчас тебя анонимно, фио нигде зафиксировано не будет. Так что никто не найдет. Полежишь, как на курорте, в санатории. Кормят неплохо, лечить особо не будут, я Наталье Витальевне уже звонил, все объяснил. Так, организм малость почистят парой капельниц, успокаивающего дадут. Никакого вреда, одна польза. Отоспишься... Мужики сюда периодически оздоравливаться заезжают. Клозе плохого не посоветует... Даже завидую...

Пятница, 15.00

Юрий сам себе завидовал – не надо куда торопиться, никаких срочных дел, встреч, звонков. Никакой суеты. Сиди себе в мягком кресле, блаженно вытянув ноги, и ни о чем не думай. А впереди – полностью свободный вечер...

Как только самолет пошел на посадку, Юрий Петрович буквально прилип к иллюминатору и, не отрываясь, разглядывал сверху родной город. Все-таки восемнадцать лет здесь не был...

Аэропорт находился в черте города, и самолет шел по глиссаде прямо над городскими кварталами. Сколько помнил себя Юрий, столько и обсуждался в разных инстанциях вопрос о переносе аэропорта. Уже и площадки вроде бы подбирались, и проекты делались. Даже деньги выделялись. Но тут приходил очередной кризис – и все оставалось по-прежнему. Самолеты, как и прежде, взлетали и садились почти в центре города. А стоило произойти очередной катастрофе, как тут же снова создавались комиссии, проводились совещания, принимались важные решения. Как-то даже организовалась целая Дирекция по строительству аэропорта «Новый». Но вот прошло целых восемнадцать лет, а прилетал Юрий по-прежнему в аэропорт старый. И, судя по шикарному, ультрасовременному зданию аэровокзала, переносить его никто уже не собирался. Иначе зачем надо было вкладывать сумасшедшие деньги в такую умопомрачительную реконструкцию? Или, как обычно, деньги «пилили»?

Юрия никто не встречал. Да и некому было. Он никому не сообщал о своем визите.

За прошедшие годы он оборвал почти все ниточки, связывавшие его с родным городом. С родным ли? Сам он уже давно так не считал. Да, он здесь родился и вырос, но вся взрослая, самостоятельная жизнь прошла в Питере. Там он состоялся как человек, как специалист. Там были все друзья, коллеги. Там остались жена, дети. Семья. Питер теперь был родным. А здесь... Одни воспоминания. Да и вспоминать-то особо было нечего. Связи и контакты прекратились как-то сами собой. С некоторыми одноклассниками он первое время еще общался, в основном с Володькой Калиновским и Димкой Рокотовым. В школьные годы они вроде как дружили... А потом оказалось – и говорить не о чем. Как дела? Как работа? Как семья? Хотя семью его никто не знал. Так, дежурные вопросы. Зачем? Отправлял им приглашения на свадьбу, но они, естественно, не прилетели. С Вовкой как-то раз встречался, когда тот был в Питере в командировке. Созвонились, показал ему город, посидели в ресторане. Но домой его не приглашал.

И если бы не важное дело, наверное, так никогда и не прилетел бы сюда снова.

Дело-то всего на полчаса, но требовало его личного присутствия. Он продал родительскую квартиру. Отрезал последнюю ниточку.

Вещей у Юрия не было, только небольшой чемоданчик-дипломат с документами – дожидаться выгрузки багажа не надо. Он сразу вышел на привокзальную площадь. Здесь, видимо, недавно закончился дождь, кое-где еще стояли лужи. Юрий хотел закурить, по привычке похлопал по карманам в поисках сигарет-зажигалки. Спихватился – уже два месяца, как бросил. Жизнь заставила...

К нему тут же подскочила стайка мужичков: «Такси дешево не желаете?»

Он молча отмахнулся – нет, не желаю. Решил поехать в обычном рейсовом автобусе. Торопиться было некуда – весь вечер в его распоряжении. Да и хотелось по городу проехаться не торопясь, спокойно и размеренно.

Мать он давно перевез к себе в Питер. Сначала, когда родился сын, вызвал ее временно, помочь с внуком. Потом родилась дочь. Пришлось купить маме квартиру в Питере. Она и осталась. Но свою квартиру здесь продавать не хотела, все эти годы сдавала каким-то знакомым. Он знал, что втайне она не теряла надежды вернуться. Не нравилось ей в Питере, в чужом городе. Но так и не вернулась... Теперь же, когда мама умерла, а он вступил в права наследства, Юрий решил все-таки продать квартиру. Зачем она ему здесь? Все вопросы решил уже давно, через интернет. Друзья посоветовали хорошую, надежную риэлтерскую фирму, там быстро подыскали покупателя. Да он и цену не заламывал. Документы все согласовали. Ему оставалось только поставить несколько подписей. Завтра утром, в десять часов, его ждет директор агентства. А на три часа у него уже обратный билет. Он так и предупредил всех и дома, и в офисе, что улетает только на один день.

Сейчас в гостиницу, а по городу прогуляться и завтра будет пара часов. Хотя директор риэлтеров, Надежда Андреевна, во время их последнего разговора намекала что-то насчет банкета. По поводу очного знакомства, по поводу завершения сделки... Что ж, придется вежливо отказаться. Конечно, ее можно понять – квартира была по здешним меркам шикарная и престижная. В самом центре города, полнометражка в сталинке, с великолепным видом на набережную. Правда, ремонт давным-давно не делался. Но это мелочи. Она, видимо, неплохо заработала на этой сделке. Даже в выходной согласилась встретиться и всех нужных людей уговорила. Завтра будет суббота, но в другие дни у Юрия никак не получалось вырваться – на работе в последнее время, как он вышел из больницы, постоянный аврал... Надежда Андреевна гарантировала, что проблем не будет. И все ее специалисты выйдут на работу, и нотариус. И банкет...

Вообще очень симпатичная женщина, обаятельная, умная, веселая – он много с ней общался за эти два месяца. Правда, пока только в интернете. Может, флиртануть? Молодость вспомнить? Банкет – хороший повод...

Автобус отъехал прямо перед носом. «Эх, ждать придется...» – раньше он даже порадовался бы немножко. Есть, так сказать, «официальная причина» покурить спокойно, не торопясь. Но сейчас, когда и закурить нельзя, любое ожидание напрягало. К его удивлению, ждать не пришлось. Тут же подошел другой.

– До сквера идет? – он уже подзабыл все маршруты. Да они, скорей всего, давно изменились – несколько лет назад в городе открыли новый мост.

– Идет-идет до сквер, садись, – за рулем широко улыбался водитель родом откуда-то из южных стран ближнего зарубежья.

Автобус тронулся полупустой. Они отправлялись друг за дружкой – только отъезжал один, как тут же к остановке подруливал следующий.

Юрий сел на переднее сиденье, чтобы хорошо видно было и дорогу, и окрестности. Но его первое, вполне позитивное впечатление от города быстро откорректировалось реальностью. На первом же перекрестке автобус попал в пробку. К счастью, водитель был опытный и наглый. Где подрезая, где нещадно сигналив, прорвался быстро. Но это были еще цветочки. Через пару остановок – автобус постепенно заполнялся пассажирами – встали намертво.

– Здесь что, всегда так? – спросил он у водителя.

– Почти... Редко когда проскочишь. То дороги ремонтируют, то авария какая-нибудь. То просто в час пик попадешь. Жуть одна. Машин много развелось, дорога та же осталась.

Водитель попался словоохотливый, по-русски говорил неплохо, хоть и с акцентом.

– Так новый мост же недавно открыли. Что, не помогло?

– Как не помогло, помогло. Раньше даже просто жуть. Сейчас все-таки полегче.

«Ну, если это полегче, что же было раньше?»

– Но мы по новому мосту не ходим, его только частникам открыли, для легковушек. Все маршруты по-старому через центр. На рынке пробка, на сквере пробка, на старом мосту пробка. Жуть просто...

– А почему вас на новый мост не пускают?

Юрий рассеянно слушал его жалобы и от нечего делать разглядывал рекламки, которыми была обклеена стенка, отделявшая водителя от салона.

– Ждем, когда развязки достроят. А там частный сектор, сносить надо. Народу понапрописано – жуть. Сколько лет с ними воюют, а все расселить не могут.

Среди рекламы автошколы, новой косметической линии и сети компьютерных магазинов висел листок стандартного формата, распечатанный на принтере. Фотография улыбающегося молодого парня в белой футболке и текст:

«Пропал человек. Помогите найти!»

Ниже, чуть помельче, – фамилия, имя, отчество, возраст. Девятнадцать лет. Владимир...

«Рост ниже среднего (163 см), волосы русые, слегка вьющиеся, глаза карие, среднего телосложения. Был одет в джинсы синие, рубашку белую с темно-синими вставками, пиджак кожаный черный. Около 23 часов 1 сентября вышел из ночного клуба „Корсар“, собираясь ехать домой. Дома так и не появился. С тех пор его никто не видел».

И снова крупно: «Всех, знающих что-либо о местонахождении Владимира или способных как-то помочь поиску, просим звонить по телефонам».

Приводились номера мобильных телефонов отца, матери, брата. Тут же короткий городской номер, видимо, домашний. Номера в мессенджерах, адрес брата в скайпе, элэронка...

А рядом – еще один такой же листочек. Только на фотографии – симпатичная длинноволосая девушка. Елена...

«Помогите!»

Возраст – 21 год. Вышла из дома в 12 часов 27 августа, предположительно направляясь в центр города за покупками, и домой не вернулась. Местонахождение Елены в настоящее время неизвестно.

Просим... Приметы... Телефоны...»

Водитель продолжал рассказывать что-то про местную «жуть», но Юрий его уже не слушал. Праздничного, приподнятого настроения больше не было. Он вдруг представил, что должны чувствовать родители этих пропавших детей. Какую же безысходность, какое отчаяние! Чтобы вот так обратиться ко всему народу: «Помогите, люди добрые!»

Он попробовал представить, что было бы, если вот так пропали бы его Диана или Руслан. Вот как здесь – ушла из дома и не вернулась. Ушел из клуба, и больше никто не видел... В полицию бежать? Само собой. Но надежды на них мало... Да и ждут они какое-то время, кажется. А как жить это время? Как спать ложиться? Как на работу ходить? Вот где «жуть»...

Тьфу-тьфу-тьфу. Перекрестись, сплюнь через плечо, постучи по дереву.

Он помотал головой, пытаясь отогнать этот бред... Снова защемило сердце. Врач, выписывая из больницы, настоятельно рекомендовал не волноваться...

– Открой здесь, я выйду.

– Так сквер далеко! – удивленно открыл дверь водитель. Автобус все еще стоял в пробке.

– Ничего, я пешком пройдусь...

...Он для вида выдержал паузу и выдвинул на центр стола столбик фишек – «повышаю, рейз».

После него оставались еще трое игроков. «Хоть бы кто-нибудь из них заколлировал, сравнял, остался в игре!»

Слева от него сидела девушка. Симпатичная. Раньше они не были знакомы, хотя иногда и встречались здесь, в Заведении. Так, изредка кивали друг другу, но за столом вместе оказались впервые. Усаживаясь рядом с ним, она представилась: «Санни». Он усмехнулся – на «солнечную девушку» она совсем не была похожа. Жгучая брюнетка, ярко накрашенная. Чуть постарше его, красивая и ухоженная, она буквально излучала спокойствие и уверенность. И стиль игры соответствовал ее имиджу. Играла она так же – очень легко и уверенно, заходила в игру часто, но всегда по-разному. То агрессивно рейзила, повышая ставку, то просто сравнивала – играла колл. К проигрышам относилась очень спокойно. Но уже выиграла и несколько крупных банков.

Вся надежда была на нее – пусть заколлирует. Что она и сделала, почти без раздумий уравнив его ставку. Он вздохнул с облегчением – поиграем! «Сейчас двое оставшихся пасанут, и мы с ней вдвоем останемся». По его наблюдениям, те оба были очень осторожными и терпеливыми, играли тайтово, то есть в банк заходили редко, и только с хорошими картами.

Но один из них неожиданно для него остался. Причем не просто остался – он еще и повысил. Это был сквиз – игра на повышение против двоих, каждый из которых, в свою очередь, уже поставил. Ререйз против рейза и последовавшего за ним колла.

Все учебники покера настоятельно рекомендуют с карманными дамами в такой ситуации сбрасывать карты и спокойно идти пить кофе. Хотя тут и без учебников было понятно – тайтовый игрок вступает «в бой», да еще сквизом, значит, у него что-то должно быть. И «что-то» о-очень хорошее. Кстати, что же там у него? Два туза? Короли? Туз-король? Скорей всего, тузы или короли. С «туз-король», даже однамастными, он бы так не «нагнул»...

Но так долго не было хорошей карты... Эх, была – не была... Он все-таки заколлировал ставку.

Санни некоторое время сидела, играя фишками, перебирая их ярким красивым маникюром, а потом тоже сравняла. И тут он понял, что совершил ошибку. Если уж решил остаться в игре, надо было продолжать агрессию – не коллом играть, не сравнивать, а еще повышать, тем самым «выдавлив» ее из игры, заставив сбросить карты. А, может быть, и второй тоже испугался бы... Теперь же придется «биться» против двоих в большом, уже «разогнанном» банке. С не очень сильной, если сказать честно, рукой...

ФЛОП

...Он тихонько проклинал себя – в очередной раз не хватило решительности и агрессии. Обычная история. Не в первый раз повторяется. Надо было рейзить, еще повышать! Сколько раз он уже наступал на эти грабли – хорошо и агрессивно начинал, а в самый ответственный момент вдруг «притормаживал» и в результате проигрывал более смелому игроку. Хотя у того, возможно, и карты были хуже. И вот снова...

Стоп! Успокойся, надо играть дальше.

Девушка-дилер выложила на стол три карты флопа. Он сразу даже не поверил – на столе лежала дама. Еще одна дама. Третья...

Ему просто повезло, теперь у него был сет – три карты. Вообще, имея на руках пару, даже очень мелкую, ты всегда надеешься на «сет». А вдруг выпадет третья? И двенадцать процентов вероятности стоят того, чтобы рисковать.

Он сейчас начинал разыгрывать своих дам не на сет, а как топ-пару, пусть и не самую «топовую». Но попал в сет. Те проценты сработали...

Так, надо успокоиться. Снова внимательно посмотрел на три карты флопа. Итак, дама, десятка и восьмерка. Вполне безопасный для него стол – нет ни короля, ни туза. Дама и восьмерка – одной масти, обе пиковые. У кого-то могло собраться флеш-дро, не до конца собранный пиковый флеш. И кто-то мог получить готовый стрит, имея на руках валета и девятку. Но, судя по активной игре на префлопе, такая связка вряд ли «дожила» бы. Получается, что у него – самая старшая рука из всех возможных.

Санни посмотрела на него и вдруг улыбнулась. Очень по-доброму, ободряюще. Не как противник-оппонент, а скорее как старшая сестра. Он попытался улыбнуться в ответ. И понял, почему ее называют «Санни».

Третий соперник сразу поставил – бет. Все правильно, типичный конт-бет, продолженная ставка. Понятно, здесь и сейчас у него нет выбора. Если ты был агрессивен на префлопе, продолжай и на флопе. Но ставить конт-бет в двух игроков? На чем же он играет? Все-таки тузы или короли? Конт-бет очень часто бывает блефом, когда ты не попал во флоп и надеешься, что и у оппонентов та же беда...

Да что гадать, сейчас проверим. Он не просто сравнял коллом, он повысил – рейз. Санни снова улыбнулась и заколлировала. Третий сбросил карты – пас. Они остались в игре вдвоем...

И снова ошибка. Он, сконцентрировавшись на третьем, совсем упустил из виду Санни. С чем же играет она? Насчет того стало все понятно. Получив на префлопе хорошую руку, что-то вроде туз-король, решил переставить их в надежде, что они оба сбросят. Но его рука «не доехала», флоп ему не подошел, не выпали ни туз, ни король, и его конт-бет на самом деле оказался просто блефом.

Но что же было на руках у Санни?

Пятница, 16.00

– Бей! – сквозь шум трибун она услышала возбужденный голос Кирьякова. – Вот сейчас! Давай же! Маваши!

Но было поздно – соперница уже закрылась. Она опять упустила момент.

А сама тут же пропустила. Удар был не сильный, но, как всегда, обидный.

– Вазари! – объявил судья. Оценку снова заработала не она, а соперница.

Соперницей ее была Татьяна, фамилию Алена не помнила. И сейчас, когда судья вызывал их пару на татами, не запомнила. А зачем? Алена знала, что проиграет. Знала это и Танька. Они были давно знакомы, встречались не раз, в том числе и в прошлом году, и тоже на Кубке. И тогда Алена тоже проиграла ей, пропустила в самом начале маэ-гэри, потом еще маваши. Татьяна заработала вазари, а потом иппон – чистую победу. Вот и сейчас:

– Иппон! – снова чистая победа.

Но особой радости в глазах у Татьяны заметно не было. Потому что Алена несколько часов назад уже стала чемпионкой, завоевала свой очередной Кубок. Как и год назад, и два. Только не в кумите, а в ката. Алена никогда не любила кумите, единоборство, бой один на один. Ее коньком всегда были ката. И уж тут равных ей не было. И Татьяна это прекрасно знала. Да и все остальные – тоже...

У Алены даже мурашки пошли по коже, так ясно она вспомнила это бесподобное ощущение – босыми ногами ступить на жесткое белоснежное татами. Мир вокруг сразу меняется. Она давно поняла – ради этого момента стоит часами, сутками, месяцами проливать пот, а иногда и кровь на изнурительных тренировках...

Старенький обшарпанный пазик, натужно воя, взвизгивая и постанывая, лениво полз в гору. Алена специально заняла место на последнем сиденье. Рядом втиснулась пожилая дородная тетка с кучей сумок, зажав Алену в самый угол. Она и не сопротивлялась, укуталась до самого носа в куртку и отвернулась к окошку – все, ее ни для кого нет.

Она безуспешно пыталась уснуть. Но стоило только закрыть глаза, как издевательски всплывала все та же навязчивая мысль:

«ЭТОГО не может быть! Просто потому что не может быть».

И она старалась заполнить голову мыслями о чем-нибудь приятном. Поэтому вспоминала то, что на самом деле приносило ей удовольствие. Ее карате.

До третьего класса она занималась танцами. Она еще ходила в садик, когда мама привела ее в «Звездочки» – очень известный в городе детский ансамбль. Отдать дочку в «Звездочки» – это был своего рода эталон качества семьи. Квартира в новостройке, японская машина, мама в салоне красоты, дочка в «Звездочках». Руководителем «Звездочек» была старая мамина подруга, так Алена и оказалась в этой элитной привилегированной компании.

Занятия были очень интенсивными. Девочки должны были поддерживать уровень – участвовать в конкурсах, занимать места, желательно первые. Группы часто выезжали в другие страны на международные конкурсы. Но Алена ни разу не ездила. Не сказать, что она плохо занималась – у нее все хорошо получалось. Врожденные гибкость, чувство ритма, музыкальность помогали ей легко осваивать самые сложные движения. Просто танцы не доставляли ей удовольствия, танцевала она «без огонька», как по обязанности. Раз уж приходится танцевать – буду танцевать. Преподаватели это, конечно, видели, и особую ставку на нее не делали. Занимается – и ладно...

А в третьем классе она впервые подралась. Первого сентября, в первый же день учебного года.

Пришла домой вся грязная, в разорванной кофте. Ни маме, ни отцу она ничего не сказала, несмотря на длительные расспросы. Мама была в шоке, а отец, бывший десантник, обратил внимание на разбитые в кровь костяшки рук и в то же время полное отсутствие синяков и ссадин, и просто спросил:

– С кем дралась, с мальчишками или девчонками?

– С пацанами...

– Ясно, – он многозначительно хмыкнул, а на следующее утро отвел ее к Кирьякову.

Так закончилась история ее танцев и началась новая история – история ее карате. С первого же занятия она поняла, что здесь ей понравится.

В автобусе было шумно. Она надеялась, что скоро весь автобус уснет, и никто не будет мешать ее воспоминаниям. Но, чем громче распалялся пазик, тем громче становились голоса ее случайных попутчиков. А тут еще компания на передних сиденьях разгулялась. Она поняла, что они ехали то ли на свадьбу, то ли со свадьбы. Судя по тому, что сегодня была пятница, – на свадьбу. Там доставали бутылку, закуску – видимо, решили «разогреться» перед мероприятием...

Тесный салон пазика тут же заволокло резким сивушиным перегаром («Самогонку, что ли, пьют?») и почему-то ароматом поджаренных семечек («Семечками закусывают?»). И стало совсем невозможно.

Она достала смартфон: «Осиротел, бедняга. Как ты теперь без симки? Оказывается, как просто в современном мире исчезнуть для всех, спрятаться – вытащил симку, и все, тебя ни для кого нет».

Но как плеер смартфон работал. Алена вставила наушники и включила «Pink Floyd». Папа был фанатом классического рока, еще с молодости увлекался. Дома была большая коллекция старых магнитофонных кассет. Вся эта коллекция со временем оцифровалась и перекочевала в компьютер, но кассеты отец не выбрасывал – память все-таки. И после его смерти Алена перенесла их в свой шкафчик.

Она с детства знала лучшие композиции «Deep Purple», «Queen», «Led Zeppelin», «The Animals» и других монстров рока. Знала тексты и переводы лучших песен, многие – наизусть. А вот «Битлз» отец, как ни странно, не любил.

Сейчас она выбрала «Wish you were here», один из ее любимых дисков. И на сорок с лишним минут душа ее могла спокойно отправиться в плавание... «По волнам моей памяти». Так, насколько она помнила, назывался один из дисков в папиной коллекции. Давида Тухманова, кажется.

Классический перевод названия этого концерта «Pink Floyd», «Жаль, что тебя здесь нет...», ей не очень нравился, и она предпочитала второй вариант, менее распространенный, но тоже правильный: «Жаль, что ты не здесь...»

Она считала, что смысл в этом, альтернативном переводе, немного другой и гораздо более глубокий. И так созвучен ее нынешнему состоянию. «Я сейчас сама... не здесь».

Каким праздником для нее был день, когда отец купил ей первое кимоно! Никакое самое нарядное платье не доставило бы столько радости и удовольствия. Это был, наверное, один из самых замечательных дней всего ее детства. Она помнила до сих пор это неожиданное, но такое приятное ощущение жесткой, плохо гнущейся ткани на теле. Она думала, что кимоно таким и должно быть, и будет всегда. Как же она удивилась и даже расстроилась, когда оказалось, что буквально после нескольких тренировок и стирок кимоно стало мягким и... как бы сказать... обычным, что ли.

А тогда она долго выглаживала свою обновку. Ткань плохо гладилась, но она не торопилась, тщательно и с удовольствием проглаживала каждый шов. Мама иронизировала: «Ты бы так свою школьную форму в порядок приводила». Потом долго крутилась перед зеркалом, училась завязывать пояс. Тот пояс был еще белым. Это уже потом она стала «зарабатывать» цветные пояса. Но первый, белый, помнила до сих пор. Он тоже был жестким, практически негнушимся, и никак не хотел завязываться.

Даже перед сном она не сняла этот шикарный папин подарок, так и легла спать в кимоно вместо пижамы. Она как чувствовала, что это – ее новая одежда на долгие годы.

Она была единственной девчонкой во всей группе. Но ее это нисколько не смущало. Она с первого же занятия чувствовала себя здесь уверенно и спокойно, почти как дома. Ей здесь было комфортно, даже уютно. Это ее ощущение передавалось и другим, поэтому ее никто не задирал, все общались к ней как с равной.

Кирияков сначала пытался опекать ее, давать какие-то облегченные задания. Но она возмущалась и даже обиделась. Тот с удивлением и уважением посмотрел на нее и, видимо, решил, что из девчонки что-то может получиться. Во всяком случае, тренировать ее он начал по-настоящему, на перспективу. Но у самого Кириякова не хватало времени для углубленной индивидуальной работы с ней – почти тридцать человек в группе, и каждый требует внимания.

И «шефство» над ней взял чуть ли не с самой первой тренировки Сергей. Она обратила внимание на него сразу, как только вошла в зал – он единственный был в черном кимоно. Она подошла к нему и сразу спросила:

– Ты тут самый крутой?

– Почему, – удивился он.

– Черное кимоно, наверное, круче, чем даже черный пояс, – объяснила она.

Он рассмеялся, но поневоле разговорился с этой непосредственной смешной рыжей девчонкой. С тех пор они подружились. Он был уже взрослый, учился в институте, у него был черный пояс, но это нисколько не мешало их дружбе.

А на следующей тренировке он был уже в обычном, белом кимоно. В черном Алена его вообще больше не видела.

Автобус остановился. Здесь, в маленькой деревушке с названием Большая Елань, посреди дороги, автобусы всегда делали остановку. Пассажиры могли сходить в туалет, покурить, а желающие – и перекусить в придорожном кафе. Алена даже не стала выходить из автобуса – боялась, что эти вдруг нахлынувшие воспоминания исчезнут, растворятся в суете.

Она поправила наушники. Дошла очередь до лучшей композиции, как она считала, созданной «Pink Floyd» за долгие годы своего творчества – «Shine on you crazy diamond», «Сияй, безумный бриллиант». Тринадцать с половиной минут шикарной музыки и голоса Роджера Уотерса в начале концерта и двенадцать – в конце. Вообще это была классная идея Уотерса – разделить мистический, неземной «бриллиант» на две части, а в середину вставить напряженную «Welcome to the Machine» в исполнении Дэвида Гилмора и не менее напряженную «Have a Cigar» приглашенного Роя Харпера...

Она могла часами говорить и спорить о рок-музыке, но сейчас просто наслаждалась этими волшебными звуками явно не от мира сего...

Вымученная за три года в «Звездочках», натренированная там на постоянное изучение новых и новых движений и комбинаций, она с легкостью осваивала ката. Те же гибкость и кошачья пластика, что помогали ей в танцах,годились и здесь. Причем даже в гораздо большей степени. Сначала она воспринимала ката просто как своего рода танцы, только более интересные, более резкие, четкие.

Самую первую ката, хейян-шидан, она выучила буквально за три дня. И, довольная собой, продемонстрировала Сергею. Тот, конечно, ее похвалил, а потом объяснил, посмеиваясь:

– Ты, «звездочка», выучила именно танец. Просто очередность движений. Да и то каждое из них делаешь не правильно.

Она обиженно надулась.

Он улыбнулся и продемонстрировал ей настоящую шидан, показывая и объясняя каждое движение. Оказалось, это вовсе и не танец, а имитация боя с несколькими воображаемыми противниками.

– Вот смотри, самое первое движение, ты выставляешь вперед согнутую ногу и прямую руку параллельно бедру. Да, это красивое движение. Особенно в твоём исполнении, – улыбнулся он.

Она тут же сделала это самое первое движение из хейян-шидана, выставив вперед ногу и выбросив прямую руку:

– Кья!

– Молодец. Красиво. Но совершенно не правильно. На самом деле ты сейчас пыталась поставить блок гэдан-барай. Блок против удара ногой. Название это можно перевести как

«блок, все сметающий на своем пути». Вдумайся в название и представь, насколько мощным должно быть движение твоей руки, чтобы отбить удар ногой! Поэтому рука начинает двигаться от противоположного плеча, чтобы получить разгон. И насколько крепко должна стоять твоя нога! Эта стойка называется кокуцу-дачи. Вот смотри. Линия, проведенная от коленки, должна попасть в середину большого пальца.

Он продемонстрировал.

– Теперь сделай правильно. Молодец. Запомни и отработай до автоматизма. Теперь займемся задней ногой. Она тоже должна стоять не так...

После нескольких занятий она полностью разобралась с этой самой простой ката для начинающих. Когда на одной из тренировок она выступила с уже выученной ката перед Кирьяковым, тот удивленно взглянул на Сергея:

– Твоя работа?

Сергей только смущенно улыбнулся. Он и сам не ожидал, что ей будет все так легко даваться.

Потом пришла очередь хейян-нидана, потом сандана. С остальными хейянами, а их всего было пять, она разбиралась уже самостоятельно. Но это были все простые, учебные ката, а ей хотелось чего-то посложнее, «настоящего».

– Не торопись, – успокаивал ее Сергей, – твоя задача сейчас в совершенстве, идеально освоить уже то, что знаешь.

– Я уже освоила!

– Это тебе только кажется. Даже я еще дорабатываю, шлифую. Не торопись. Каждая последующая ката базируется на предыдущих. Что-то плохо выучишь, потом скажется...

Он был вынужден постоянно притормаживать ее:

– Еще раз повторяю, не торопись. Почувствуй ритм, ты же музыкальная, танцами занималась. Каждая ката делается в четко определенном ритме, с паузами и ускорениями. Пойми логику, смысл этого ритма, где именно и почему надо остановиться, подождать, а где разогнаться.

И в самом деле, она начинала чувствовать внутреннюю структуру каждой ката.

– Ката – эта сама суть карате, – объяснял ей Сергей. – Основатели карате, причем не только шотокана, но и других стилей, считали, что ката достаточно для изучения карате. А кумите совсем не обязательно.

– Я с ними совершенно согласна.

Он рассмеялся:

– Вижу.

Так, под чутким руководством Сергея, она и начала постигать основы карате. Кирьяков, судя по всему, был не против «отдать» ее в крепкие руки Сергея. Он вообще ему безоговорочно доверял, и во время своего отсутствия именно Сергея оставлял вместо себя. А отсутствовал тренер довольно часто – он был еще действующим спортсменом и постоянно выезжал то на соревнования, то на семинары. Тренировки под руководством Сергея ребятне нравились даже больше – он так ясно и подробно все рассказывал и объяснял: смысл и назначение каждого удара и блока, особенности стоек, очередность движений в ката и так далее.

Они с Сергеем иногда оставались после тренировок вдвоем, и он гонял ее, пока она могла стоять на ногах и хоть немного двигаться. Отец мужественно дожидался, ни разу не возмутился, не поторопил – он видел, что ей самой это очень нравится, и она готова тренироваться хоть круглые сутки.

Сергей объяснил ей основной принцип карате:

– Каратист никогда не нападает первым, но бьет первым.

– Как это? – не поняла она.

– Подумай хорошо, сама поймешь. Почему все хейяны начинаются не с удара, а с блока? Но имей в виду, что блок – это не просто защита, это и нападение. Каждый блок можно считать и ударом, то есть его надо делать так, чтобы и блок нанес максимальный урон сопернику.

Тетка-соседка запихивала в свои сумки-пакеты свертки с чебуреками-позами, купленными здесь, в придорожной забегаловке.

– В деревню отвезу, внучат угостить, – извиняющимся голосом объяснила она Алене, увидев, что разбудила ее.

«В деревню, где натуральное мясо, везти эти... полуфабрикаты, – Алена удивилась. – Хотя там, наверное, и нет уже этого самого натурального мяса. Говорят, коров почти никто и не держит».

– Бедрами двигай, бедрами. Движение от бедра. Тебе это должно легко даваться. И стойка ниже, – снова раздался голос Сергея. – Бьет не только рука, в удар вкладывается энергия всего тела, от ступни до кулака. А идет через бедро. Так что бедрами...

– Ну, ты спи, спи. Устала, видно, бедняжка. Скоро поедем, уже поели все. А ты что, милая, и поесть-то не вышла?

Алена молча отвернулась.

– Ну, ты спи, спи...

«Скорей бы уж поехали».

– В шотокане всего двадцать шесть ката.

– Сколько?! Двадцать шесть?!

– Да, двадцать шесть.

– Ого! – она обрадовалась. – И я их все буду знать?

– Не сразу, конечно. Если не бросишь, то рано или поздно выучишь все. Вот именно ты сможешь.

– А ты все знаешь?

– Нет, конечно. У меня ведь еще только второй дан. Вот давай, сделай все пять хейянов подряд, без остановки.

Она сделала и, мокрая, запыхавшаяся, снова подошла к Сергею:

– И что?

– Примерно так будет выглядеть одна из высших ката. Я имею в виду – по количеству движений. Хейяны – они не легкие, не простые, как многие думают. Ты, наверное, тоже?

Она кивнула.

– Они такие же, как остальные ката, и требуют такого же внимания и тщательной работы. Просто они короткие, поэтому с них и начинают.

Однажды Сергей ей предложил:

– А сделаешь шидан в другую сторону?

– Как... в другую? – не поняла она.

– Зеркально. Обычно ты начинаешь поворотом налево, а сейчас сделай направо. Гэдан-барай всегда делаешь левой рукой, а сделай правой. И так далее.

Ей стало интересно. Она попробовала, но тут же запуталась. Сама рассмеялась. Попробовала еще раз. Потом еще. Не получилось. Нахмурилась, закусил губу. Медленно, обдумывая каждое движение, сделала. Повторила. Потом быстрее. И победно посмотрела на Сергея. Он рассмеялся:

– Молодец! Теперь давай вдвоем. Я делаю обычную ката, а ты зеркальную. Потом меняемся.

И в пятницу на тренировке они показали шоу!

Она всегда ждала пятницу. Тренировки проходили три раза в неделю: понедельник, среда, пятница. По понедельникам они занимались кумите, спаррингами. По средам – кихоном, отработкой техники. Тренер привозил щиты-маты, и они без усталости колотили по ним, отрабатывая удары руками и ногами. А потом была пятница. Ката. Ее день.

Она наравне со всеми занималась и кумите, и кихоном – не хуже и не лучше остальных. Но ждала пятницу. Ей безумно нравилось, когда в конце тренировки вся группа, все тридцать человек одновременно и синхронно выполняли ката. Сначала медленно, фиксируя каждое движение под команды тренера:

– Ич, ни, сан, ши, го...

Потом самостоятельно. Одновременный четкий топот ног, одновременные громкие выдохи... И одновременный оглушительный «кья!»

Иван Петрович ставил Алену чуть впереди всей группы как своеобразный эталон, образец, и все остальные подстраивались под ее ритм, старались копировать ее движения. Кирьяков и радовался, и удивлялся ее успехам. И немного опасался – а сможет ли он вырастить из этой подающей надежды талантливой рыжей девчонки настоящего мастера? На его глазах она превращалась в каратистку. А Сергей в тренера.

Автобус все еще стоял у придорожного кафе. Алена вздохнула и снова закрыла глаза...

Пятница, 18.00

Денис с трудом открыл глаза. Голова была тяжелая, как с похмелья. Он сел на кровати, озираясь вокруг, и не сразу сообразил, где он.

– А, проснулся, бедолага. Иди, поешь, мы ужин тебе принесли.

Он постепенно приходил в себя. Огляделся.

Палата, четыре кровати, по две у стенок. На одной, ближе к двери, сидит он сам. Кровать напротив аккуратно заправлена – ничейная, никем не занята. На двух оставшихся сидят два мужика. На ближней к нему – худой, седоватый, аккуратно подстриженный. Напротив худого, возле балконной двери – плотный, круглолицый в тельняшке. Вспомнил, он же знакомился с ними. Ага, худой – это Олег, инвалид. У него проблема то ли с ногами, то ли с поясницей, ходит с трудом, но без палочки. Хотя палочка вон стоит, прислонилась у кровати, на всякий случай. А второй – Геннадий, бывший прапорщик из училища. Как он сам представился: «Бывших прапорщиков не бывает». И они здесь вроде как постоянные жильцы. Денис так и не понял, как такое может быть, но они оба живут здесь довольно давно, уже несколько лет, кажется.

Денис попытался ответить, но во рту все пересохло, язык не ворочался. Безумно хотелось пить. Он вытащил из пакета бутылку минералки и, судорожно открутив пробку, жадно присосался к горлышку. «Спасибо, Клозе», – вспомнил черненькую барменшу из «Снежинки». Жанну, кажется...

– Что ты воду-то хлебашешь? Вон, чайник включай. Рядом с тобой, тебе ближе.

– Ага, умоюсь только, – Денис перевел дыхание.

– Да ты включи, а потом иди умывайся. Пока умываешься, он и закипит, – распоряжался прапорщик.

«Обрадовался. Есть теперь, кем покомандовать».

– Что-то я вырубился... – словно оправдываясь, пробормотал Денис.

– А ты как хотел? – рассмеялся Геннадий. – Тебе же капельницу воткнули. Всем втыкают...

То-то медсестра, введя ему иглу капельницы в вену, привязала потом руку к кровати: «Когда уснешь, ворочаться будешь. Не уснешь? Уснешь, уснешь».

Первый же тип, которого он встретил в коридоре, вогнал его в ступор. Небритый мужик в застиранной белой футболке и вытянутых спортивных, в дырявых тапочках брел, подволакивая ноги, держась рукой за стену. Но больше всего поразили его глаза – совершенно пустые, какие-то бесцветные. И выражение лица... Денис тут же вспомнил «Обитель зла» и чуть ли не бегом проскользнул мимо, в туалет.

Но умыться спокойно не удалось.

Туалет был совмещен не только с умывальником, но и с курилкой. Несмотря на открытую форточку, сизая дымовая завеса стояла стеной. Денис, хоть и сам курил, чуть не задохнулся. Да плюс еще резкий, бьющий в нос запах хлорки. На деревянных лавках сидело несколько человек разного возраста изрядно помятой внешности, все курили. А в единственном умывальнике какой-то мужик... стирал носки.

– Что, умыться? – он повернулся к Денису. – Шас, погоди, заканчиваю.

– Ладно, я потом, – Денис хотел уже выскочить обратно в коридор.

– Да все уже, иди, умывайся.

Умываться почему-то расхотелось, Денис только наскоро ополоснул лицо, хотел было почистить зубы, но передумал.

«Курить, видимо, бросать придется».

Когда он вернулся в палату, чайник уже закипел. На стуле у двери сидел какой-то хмурый мужик в шлепанцах, смотрел телевизор.

– Чай наливай, – тут же начал командовать прапорщик. – Заварка только в пакетиках. Позвони своим, пусть нормальный чай принесут, а то эта труха ни уму, ни сердцу. Сахар там же, в шкафу. Смотри, не просыпь. А то завтра Петровна тебе выдаст. Тут строго следят, каждый день чистоту проверяют. Ужин в чашке.

На ужин была жареная рыба и картофельное пюре.

– Куда так много? – удивился Денис.

– Бери сколько надо. Вечер длинный, потом еще поедим. Хлеб-то что не взял? Бери-бери, с хлебом ешь. Без хлеба расход еды слишком большой. А ты, Пасечник, завтра готовься, – продолжил он какой-то разговор с мужиком на стуле.

– Да не полезу я. Не могу, – хриплым голосом лениво отнекивался тот.

Было сразу понятно, что полезет.

– Ага, какой ты хитрый, Бортник. Как телевизор смотреть, так это ты можешь. Каждый день сидишь, как прописался, барракуда. А как антенну поправить, так не могу? А кто может? Я? Или вот Олег полезет? Или новенького заставим?

– Ладно, Генка, не ворчи только. Сделаю завтра.

– То-то. Тогда иди у Михалыча ключи от чердака заberi, пока не ушел. А то завтра суббота, его не будет.

Этот Пасечник, он же Бортник ушел.

– Денис, ты в компах разбираешься? – подал голос Олег.

– Ну-у, мал-мало. Только как юзер. Но достаточно опытный. Как-то так. На сисадмина, конечно, не потяну. А что?

– Помочь сможешь? Я тут ноутбук прикупил, надо кое-что сбросить, кое-что скачать.

– Да без проблем! Где он у тебя?

– Внизу, в сейфе.

– Тащи, позанимаемся.

Олег, тяжело поднявшись, проковылял к двери. Хотя двери как таковой не было. Дверей здесь вообще не было. Ни в одной палате.

Геннадий снял покрывало с пустующей кровати и прицепил на гвоздики, занавесив дверной проем:

– На ночь вешаем. Наркоманы всю ночь шарахаются. А они как зомби. Открыто, значит можно, обязательно вломятся. А покрывало висит, все – табу, нельзя. Как собаки...

После еды Денису, как обычно, захотелось покурить. Что ж, придется идти в курилку. Он достал сигареты, уже направился к двери-покрывалу.

– Ты куда, на балконе кури.

– А можно?

– А почему нет? Наши все там курят. Я-то сам не курю. А Олег всегда там. Ну, если хочешь, можешь в курилку к наркоманам сходить.

– Нет, уж лучше на балконе.

– Только бычки вниз не бросай. Там пепельница есть.

Балкон был очень хозяйским, обжитым. Если бы не решетка, Денис мог подумать, что попал в самый обычный жилой дом. В углу стоял старый шкаф без дверей, забитый какими-то кастрюлями, банками и прочим барахлом, тут же тумбочка, коробка с картошкой, ящик с продуктами, у двери – два стула, видимо, для комфортного курения. Не хватало только еще каких-нибудь лыж да велосипеда.

Пепельницей оказалась литровая банка, уже наполовину заполненная окурками.

«Да, крепко они тут обжились».

Денис сообразил, что эти «постоянные жильцы» больницы прячут на балконе все свое имущество на случай каких-нибудь проверок и комиссий – в палате полный порядок, а на балкон никто не заходит. А если что, то балконную дверь тумбочкой можно загородить – мол, не пользуемся, закрыта...

Напротив, во дворе жилой пятиэтажки, бригада то ли таджиков, то ли узбеков перекрывала крышу на одноэтажном пристрое. Рядом была навалена куча перлита. Один из рабочих внизу нагребал его в ведра, цеплял веревки, а трое других поднимали заполненные ведра наверх и рассыпали утеплитель по крыше.

«До темноты работать будут». От нечего делать Денис стал наблюдать за производственным процессом. Вспомнил отцовскую присказку: «Человек готов бесконечно смотреть на три вещи – как горит костер, как бежит вода и как кто-то другой работает»...

Он и покурить-то толком не успел, как на балкон заглянул Геннадий:

– Иди, тебя зовут!

– Кто? – опешил Денис.

– Иди-иди, таблетки получай.

– Таблетки? Зачем?

– Ха, ты же алкоголик, вот тебя и лечат.

Отстояв очередь к дежурной сестре среди наркоманов и настоящих алкоголиков, Денис получил целую горсть таблеток разных размеров и цветов.

«И что с ними делать?» – в задумчивости вернулся в палату.

– Ты таблетки-то не ешь, – тут же объяснил Геннадий. – Зачем тебе это, паря, надо? Организм садить. Дай-ка гляну. Вот эту маленькую – можно. Это глицин. Под язык и сосать. Вот эту коричневую тоже можно. Это карсил, печень восстанавливает. А эти все...

Он встал и выкинул их на улицу через открытую балконную дверь.

– Психотропики всякие. Будешь по стенкам ходить и языком еле ворочать.

В палате уже был и Олег.

– А ноутбук?

– Чуть позже, они таблетки сейчас выдадут, потом из сейфа заберу.

Шторка-покрывало на двери отдернулась, заглянул Пасечник со своим прокуренным голосом:

– Завтра не получится. Только в воскресенье.

– А что так? – удивился Геннадий.

– Откуда я знаю? Михалыч сказал, ключи даст только завтра вечером. Дела какие-то, – он пожал плечами и исчез за тряпичной дверью.

– Молодец, значит, антенну наконец наладим, – вдогонку крикнул Генка, но потом не удержался и все-таки ворчанул: – Еще один день с помехами смотреть, барракуда.

– А почему вы его то Пасечником, то Бортником зовете? – спросил Денис.

– Да это одно и то же. Пчеловодом он был. А бортник – это по-старорусски, – начал объяснять Олег.

Прапорщик тут же заспорил:

– Совсем не одно и то же. Бортник по деревьям лазил, по дуплам. Мед от диких пчел собирал, тогда ульев и пасек еще не было.

– Да какая разница, – отмахнулся от него Олег. – Все одно. Дикие, домашние. Мед один.

– Не скажи. У диких мед лучше.

– Пасеку он держал, – не обращая внимания на прапора, Олег снова повернулся к Денису. – Богатая была пасека, ульев много. Не помню, сколько, он как-то говорил. Но много.

– И что?

– Клещ сожрал пчел его. Американский какой-то, то ли калифорнийский, то ли колорадский. Всех сожрал, подчистую.

– И не подавился, – хмыкнул Геннадий.

– Вот он и ушел в запой, – продолжил Олег. – Потом сюда попал. С тех пор здесь.

Денис неожиданно расхохотался. Олег и Геннадий с недоумением и немного с испугом переглянулись. Они много повидали здесь. Вдруг и у этого «крышу снесло»?

– Да я, – давась от смеха, объяснил Денис, – просто вспомнил свое первое знакомство с пчелами. Сеструха старшая замуж выходила, ну, и поехали мы с родней новой знакомиться. А там дед тоже пчел держал. Ульи в огороде стояли. Я еще пацаном был, мне же интересно – как они живут, как в улей залазят. Первый раз видел. Но слышал где-то, что они дыма боятся. А я курил уже. Ну, закуриваю сигарету и давай дымить им прямо в дырочку.

И Олег, и Геннадий дружно расхохотались, повалившись на кровати. Им уже было все понятно:

– Они ведь не переносят запах табака!

– Да и алкоголя тоже.

– А я-то откуда знал? Дым, он и есть дым. А они как озверели, все повывлетали оттуда, и на меня. И давай жалить! Я ору, как дикий, и ну бежать по огороду. А они не отстают! Хорошо, бочка стояла с водой, большая такая...

– Двухсотлитровая, – уточнил прапорщик.

– Я в нее и нырнул, как был, в одежде. Голову высуну, чтоб вздохнуть, а они, гады, летают надо мной, жужжат. Родня вся выскочила из дома, и старая, и новая. Стоят, ржут. А мне-то не до смеха! Потом дед их отогнал. Как-то так...

– Это же полезно, – раздался голос Пасечника. Они обернулись. Тот снова сидел на стуле у двери и слушал рассказ Дениса, даже не улыбнувшись. – Лечение даже такое есть, пчелиными укусами. Не помню, как называется. Апитерапия какая-то. А над пчелами вы зря смеетесь.

– А кто над ними смеется, – удивился Геннадий. – Мы не над пчелами, мы над ним смеялись. С сигаретой на пасеку. Ты-то должен понимать.

– Пчелы, они целители. Мед не только для здоровья телесного, физического. А еще и для морального, душевного. Не раз испробовано, проверено. Поругался с женой, поставь чашку

меда где-нибудь в комнате, тут же помиришься. Настроение плохое, съешь пару ложек меда, и танцевать готов.

– Ну, ты скажешь, – тут же затеял спор Генка. – А, может быть, ты с женой совсем не из-за меда помирился? А если б мед не поставил, что – так и не помирился бы?

Пасечник молча встал и ушел. Видимо, спорить с прапорщиком здесь не очень любили.

– А это еще не все, – продолжил Денис. Ему нравилось, как живо и непосредственно реагировали мужики, слушая его байки. Как дети. Но так ничего и не рассказал.

В палату, чуть не оторвав покрывало, ввалился какой-то красномордый здоровяк. Денис даже не успел его разглядеть как следует – тот, ни слова не говоря, завалился на свободную койку, отвернулся к стене и тут же захрапел.

– Антоха опять нажрался, скотина. Хоть ботинки бы снял, барракуда, – лениво и привычно ругнулся прапорщик.

– Он что, тоже ваш? Ну, постоянный... Тоже здесь живет? – спросил Денис.

– Иногда, – как-то неопределенно ответил Олег.

– И много тут таких? Ну, как вы...

– Было больше. Копченого дочь забрала. Мамай вот в кардиологии оказался недавно, сердечко прихватило. Может быть, вернется скоро, – начал перечислять Геннадий, поглядывая на Олега, как бы советуясь, не забыл ли кого. – Чукчу к «пограничникам» отправили. Этот уже не вернется...

– Куда отправили?

– На четвертый этаж.

– А что там?

– Там те, кто «с головой не дружит». Еще не полноценные психи, но уже и не человеки. Пограничное состояние называется. Понятно?

– Ага...

– Колян повесился месяц назад. Остались мы вдвоем. Антоха не в счет, его скоро попрут отсюда. Тут же закон простой. Живи, но не пей. А он видишь, как заливает. Так что мы да Пасечник.

– А почему он не с вами живет?

– Мы не пускаем. Характер у него тяжелый, неуживчивый.

– Ага, у тебя очень «уживчивый», – хмыкнул Олег.

Геннадий что-то пробормотал в ответ и, забрав опустевший чайник, пошел за водой.

– Не хочет Бортник на Колькину койку ложиться, – объяснил Олег. – Вот Антоху выгонят, тогда переедет. А так... Вроде раз тот повесился, то и место его «грехом» пропитано.

Денис, поняв, что сидит сейчас как раз на той самой Колькиной койке, весь напрягся и собрался уже привстать, но Олег его остановил:

– Да ты не переживай, ты ведь не первый, кого сюда селят после Кольки. Все живы остались, выписались.

«Ага, успокоил. Давай, Денис, лежи теперь и радуйся».

А уже в следующее мгновение Денис начал понимать, куда он попал...

Из-под кровати прапорщика выползло что-то темное и мохнатое. Денис подавился чаем, собрался было прокашляться, но тут же совсем задохнулся. Маленький, но невероятно страшный монстр полз медленно, с остановками, переставляя короткие когтистые лапы. Блестящая змеиная голова то появлялась, то пряталась... Денис так и сидел, не в силах двинуть ни ногой, ни рукой.

Он, конечно, не раз смотрел разные триллеры и ужастики, хотя к любителям этого жанра себя не относил. Иногда признавался себе, что бывало даже страшно. Но чтобы вот так, воочию

столкнуться с чем-то подобным?! Самому становиться действующим лицом какого-то сюжета фильма ужасов ему не хотелось.

«Ну, Клозе, ну, благодетель... Куда он меня засунул? Ох, и выскажу я ему всю свою великую благодарность».

Денис тут же вспомнил мужиков-зомби в коридоре и курилке. У тех, наверное, тоже все начиналось с подобных видений. В зомби превращаться совсем не хотелось...

Он зажмурил глаза, помотал головой, пытаясь отогнать видение: «Глюки начались? Или это капельница еще действует?»

Открыл глаза, надеясь, что все пропало. Но нет – маленькое чудище не исчезло, мало того, оно направлялось прямо к нему, постукивая когтями по линолеуму и поблескивая черными глазами. Денис инстинктивно поджал ноги и с трудом прошептал:

– Что... Это?

– Где? – отозвался Олег. – А, это наша Бяка.

– Кто?!

– Бяка, – Олег взял монстра на руки и ласково погладил меховую спинку. – Черепашка наша...

– Это... черепаха?!

– Ну да. Бяка. Пока обычной черепахой была, Букой звали. Она же молчит все время, не мяукает, не гавкает. Не пищит даже. Бука букой.

– Откуда она здесь?

– Генка не может без животинки жить. Всю жизнь кошек да собак держал. А тут нельзя. Вот он и завел черепаху.

– А почему она такая... Мохнатая...

– Так ему же не просто животинка нужна. А чтоб еще и гладить можно было. Черепаху как гладить? Она же твердая и холодная, как... Как череп. Вот он и приклеил ей на панцирь остатки от старой шапки.

– Приклеил? Чем приклеил?

– Клеем, чем еще. Сначала ПВА пробовал, но «Момент» лучше держит. Теперь и гладить можно. На, погладь.

– Нет-нет, – как-то судорожно отказался Денис, все еще не пришедший в себя.

«Что я вообще здесь делаю?!»

Он почувствовал, что злость и раздражение начинают заполнять все его существо. Злость на все и на всех – на этих мужиков, на эту палату, на Клозе. На Бяку несчастную, в конце концов. И на самого себя, по дурости вляпавшегося в эту тупиковую и безвыходную ситуацию. Именно «по дурости». Точнее и не скажешь...

«Так, спокойно, это просто тильт». Тильтом игроки в покер называют вот такое состояние, когда эмоции начинают подчинять себе разум. «Ты же профессионал. Вот и справляйся».

Он лег на греховную Колькину кровать, закрыл глаза, вытянул руки вдоль тела, как по стойке «смирно». У него был проверенный способ для борьбы с тильтом – релаксация.

«Сейчас, всего несколько минут. Лишь бы никто не мешал».

Пятница, 18.30

«Лишь бы никто не мешал», – подумала Алена, представив, что вот-вот пассажиры начнут возвращаться в автобус, снова шуметь, галдеть, толкаться...

«Pink Floyd» закончился. Теперь пришла очередь не менее любимого «Deep Purple». Для начала, чтобы немного взбодриться, она выбрала «Smoke on the water» – «Дым над водой». И тут же получила заряд адреналина – легендарный жесткий рифф Блэкмора на гитаре,

одновременным щипком двух пальцев... Постепенно к нему присоединяются хай-хет, электро-орган, барабаны, бас-гитара. И нарастает ритм, и растет напряжение.

«Smoke on the water And fire in the sky».

«Дым над водой

И огонь в небесах».

А еще было тамешивари – разбивание досточек. В киокушинкай-карате, например, тамешивари входит даже в программу соревнований, там разбивают по пять-десять досок сразу – кулаками, локтями, ногами...

Но она занималась шотокан-карате, а в этом стиле тамешивари не очень культивировалось. Поэтому досточки они разбивали только на экзаменах. Как она боялась этих досточек перед своей первой сдачей, тогда еще на желтый пояс. За кумите, кихон и тем более за ката она не переживала – это все она знала и выполняла уверенно. А вот досточка... «Вдруг не разобью?!»

Отец попросил дядю Гришу сделать несколько досточек. Тот работал трудовиком в школе, у него были и станки, и материал.

– Размер тридцать на тридцать, толщина два сантиметра, из сосны. Но главное, чтобы доска была сухая-сухая, аж звенела. Чтоб пальцем шелкнул, и она треснула...

Дядя Гриша принес три досточки. Две она решила разбить дома, для пробы.

Она натянула на правую ногу накладку-защиту. Кирияков еще на первых занятиях предупредил, чтобы все купили эти накладки – и на руки, и на ноги. Ножными они пользовались редко, иногда только на кумите. Они были громоздкими, неудобными, в них было жарко. Но на тамешивари они были незаменимы – защищали ногу от пальцев до колена. А вот ручные, Алена в шутку называла их «варежки», использовались постоянно. В кумите Кирияков без них просто никого до боя не допускал. Алену же заставлял надевать их еще и в кихоне.

– Эти накладки защищают не соперника, как в боксе. Они защищают твои же руки. Видишь, костяшки в них открыты, бей пожалуйста, а все твои тонкие косточки от пальцев до запястья прикрыты. Чтобы их не сломать. Так что только в накладках! Тем более ты девчонка, у тебя кисти слабее...

Отец держал досточку перед собой в вытянутых руках, отставив ногу назад для упора. Алена приготовилась, примерилась...

Вспомнила, как наставлял ее Сергей:

– В тамешивари нет ничего страшного. Это скорее вопрос психологии, а не силы или техники. Главное, поверить в себя. Поверить, что ты это можешь. Тогда досточку и ребенок разобьет. И бей не прямо по досточке, а как будто насквозь, в точку за ней...

Ну, все. С богом... Маваша! Кья! Досточка разлетелась с первого же удара. Она и не ожидала. Вторая тоже. Оказалось, ничего страшного! Третью досточку она так же уверенно разбила на экзамене. От пояса к поясу толщина досточек увеличивалась, но дядя Гриша приносил все такие же сухие деревяшки, и проблем у нее не возникало. Потом она стала снабжать его досточками и других ребят из группы. Главное – сухое дерево!..

А пацанам нравилось тамешивари. Где еще можно показать силу и резкость? Да и досточки маленьким запрещалось руками разбивать – только ногой. А то ли дело кирпич ребром ладони расколошматить! И вот после тренировок они стали собираться за школой и разбивать кирпичи и пустые бутылки. Алена как-то присоединилась к ним – из любопытства. Но постепенно вошла в азарт:

– Дайте мне попробовать!

Мальчишки расступились, пропустили ее вперед:

– Давай!

Поставили три кирпича буквой «П», сверху положили тонкий шарфик, чтобы руку не поцарапать.

– Бей нижней частью кулака, – показал ей Семка Дудин. – Вот этой. Крепче сожми, чувствуешь, как твердо становится? Только не промахнись, если этой косточкой, рядом с кистью, попадешь... Ой как больно будет...

Она врезала со всего маха, как учил Сергей, «насквозь». Кирпич разлетелся на две половинки.

– Молодец, – похвалил ее Семка. – Я думал, ты только в ката можешь. На следующую тренировку кирпич принесешь. Ты же мой разбила. А бутылку хочешь попробовать?

Но Алена отказалась – и так руку отбила, да и страшновато.

– Ладно, смотри, – Семка обернул пустую бутылку тем же тонким шарфиком, приготовился... И...

Она сразу и не поняла, что произошло. Семка не кричал, а как-то странно хрипел, медленно поворачиваясь к ней. Она сначала увидела его полные ужаса глаза, бледное лицо, и только потом его руку. Из нее буквально хлестала кровь, заливая все вокруг – их тренировочные рюкзачки, брошенные тут же в кучу, осколки бутылки, семкины брюки и ботинки... Алене стало плохо, у нее закружилась голова, не хватало воздуха. Остальные пацаны стояли вокруг в шоке, как окаменевшие. А семкин хрип превратился в жуткий стон и вой. Вид крови и звуки, издаваемые Семкой, напомнили Алене кадры из военных фильмов – там тяжелораненные очень похоже вели себя. А их всегда спасали девушки-санитарки. Единственной девушкой сейчас была она. Так что же, придется ей?.. Была не была... Алена схватила шарф, зажмурилась, чтобы не смотреть на кровь, и туго, сколько хватило сил, перетянула Семке запястье.

– Жди здесь! – она побежала в школу. К счастью, Кирьяков еще не успел уйти. Увидев Алену, он без слов понял – что-то случилось. Страшное...

Все обошлось в конце концов. Иван Петрович остановил кровотечение, вызвал скорую. Распоротую кисть Семке зашили, месяца через два он уже снова появился на тренировке.

Кирьяков запретил кому-либо заниматься этим «подпольным тамешивари» под страхом отчисления из секции. Да он мог бы ничего и не говорить, и не запрещать – никто и не помышлял больше об этом...

Автобус снова наполнялся пассажирами – размявшимися, поевшими, покурившими, и оттого шумными и жизнерадостными. Загрузилась уже изрядно подвыпившая компания. Видимо, в кафе они продолжали свой преждевременный праздник. «И какая им теперь свадьба? Кому они теперь там нужны будут?»

Она сидела в своем углу с закрытыми глазами, все думали, что она спит, и никто не беспокоил. Пазик прочихался, подергался и снова запрыгал по раздолбанной дороге.

Теперь в наушниках был «Child in time», эта безумно заряжающая энергетикой композиция «Deer Purple». Но она и здесь была не согласна с привычным для всех переводом. Нет, не «Дитя во времени», правильный перевод был «Дитя, придет время». И это название ей нравилось гораздо больше. Да, она сейчас тоже надеялась, что придет время... И все выяснится, встанет на свои места...

Через год, у Алены был уже зеленый пояс, в их группе появилась вторая девчонка, Гульнара, симпатичная то ли буряточка, то ли татарочка. Она была не новичок в карате, занималась до этого несколько лет, у нее был даже коричневый пояс. Она переехала из какого-то другого города, вот и оказалась у Кирьякова.

Алена быстро с ней подружилась, у них оказалось много общих интересов, причем Гуля была так же фанатично предана карате и, как она сама говорила, «ловила кайф» на тренировках. Теперь у Алены был постоянный спарринг-партнер на кумите, их часто ставили в пару.

Гуля быстро поняла, что в ката Алена гораздо сильнее, но ей самой больше нравилось кумите. Она считала, что карате – это просто бой. И главное – победа над соперником. И сама была отчаянной, напористой и неуступчивой. Они часто спорили, но благодаря Гуле Алена быстро подтянула свое кумите. Выигрывать, конечно, не стала, но хоть какое-то удовольствие получать начала...

Мощный, бесподобный голос Яна Гиллана идеально соответствовал смыслу текста-аллегии, короткого, но емкого. Каждый из нас, живущих на земле, подобен слепцу, стреляющему в окружающий мир и ждущему рикошета... Как и все человечество, все мы – дети для вечности...

К тому времени, когда умер отец, у нее был уже черный пояс. Когда она только начинала заниматься карате, ей, наивной, казалось, что черный пояс – это вершина, предел достижений. Она еще только готовилась сдавать на желтый пояс, когда Сергей объяснил ей всю систему поясов и категорий в карате. Как же она удивилась, узнав, что черный пояс на самом деле – только начало. Если так можно выразиться, черных поясов много.

– Пояс в карате, его называют «оби», не просто полоска ткани, которой ты завязываешь кимоно. Это символ тех достижений и знаний, которые ты получила. От шага к шагу, от ступени к ступени он становится все темнее. От пота, пролитого тобой на занятиях. Есть десять ступенек ученических, они называются «кю». Самое младшее – десятое кю, белый пояс. Это ты сейчас, – Сергей улыбнулся. – Завтра сдашь на девятый кю, получишь желтый. Потом будет оранжевый. И так далее – красный, зеленый, синий... Потом старшие пояса – светло-коричневый, коричневый, темно-коричневый. И, наконец, первый кю, самый старший из ученических – это и есть черный пояс. Но потом идут мастерские ступени! Их тоже десять! Они называются даны. И это все черные пояса. Здесь порядок обратный – сначала идет первый дан. Вот у меня сейчас только второй дан. Так что есть куда расти!..

Теперь и у нее был первый дан, черный пояс. До сих пор была «начальная школа». И только сейчас началась настоящая учеба. Ката стали сложнее и намного интересней.

Сергей по-прежнему оставался ее другом, но теперь уже не был ее «сенсеем», наставником. Они давно сравнялись в своем «уровне» и частенько вставали в пару при спаррингах. Он искренне радовался ее быстрой «карьере», она чувствовала эту искренность и была ему благодарна.

Отец тоже очень радовался ее успехам. Пока она была маленькая, возил ее на тренировки, возил на соревнования. Потом, когда она выросла, все равно приходил на все соревнования. Всегда присутствовал на экзаменах, «сдачах», как они их называли, где они получали право носить новый пояс. Переживал, что у нее ничего не получается в кумите. Однажды начал «наезжать» на нее – мол, трусиха, не боец. Но она сразу ему объяснила совсем по-взрослому: «Лучше я буду хорошо делать то, что мне нравится, чем плохо то, что не хочу делать». Он ее понял и больше не поднимал этот вопрос. А она продолжала с удовольствием заниматься своими любимыми ката.

Мама сначала очень жалела несостоявшуюся танцевальную карьеру. Но, увидев, с каким нетерпением дочка ждет следующую тренировку, как у нее горят глаза и переполняют эмоции при рассказах о своем карате, с какой любовью и даже лаской она стирает и гладит кимоно, как тщательно собирает рюкзачок, мама поняла – та нашла свое дело. И даже посмеивалась: «Хорошо, что в карате босиком занимаются». Еще бы, уж сколько белых носочков пришлось ей

перестирать в бытность Алены в «Звездочках». А в «Звездочках» с облегчением вздохнули – там просто не знали, что делать с этой талантливой, но безразличной к танцам девчонкой.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Она рано поняла эту истину. Четыре года длилось ее счастье, а в седьмом классе, после смерти отца, ей пришлось бросить карате. Не было денег платить за тренировки. И Кирияков, и Сергей, даже Гуля приезжали к ним домой, уговаривали ее вернуться. Иван Петрович был согласен тренировать ее бесплатно. Но у нее не было никакого желания – она вообще ничего не хотела тогда... А через год, когда депрессия постепенно прошла, пришлось помогать маме на работе, потом, уже в девятом классе, она сама начала работать, и времени не осталось совершенно.

Тело сначала болело, требовало тренировок, нагрузок.

Но еще больше болела душа, из которой судьба вырвала самое дорогое... Как будто она потеряла крылья.

Она несколько раз приходила в зал, встретиться с друзьями, посмотреть на тренировки. Но потом поняла, что от этого становится только хуже. Нечего сыпать соль на раны... Что прошло, то прошло. И не вернешь... Собрала все свои медали, кубки, грамоты, аккуратно свернула кимоно, вложила внутрь черный пояс – и спрятала все в дальний ящик.

Иногда она еще повторяла ката вместо утренней зарядки, но потом и это бросила – не оставалось ни сил, ни времени. После школы бежала на работу, едва живая приползала домой, а еще надо было делать уроки...

В наушниках группа «Eagles» играла «Hotel California». Группа одной песни. В свое время она, услышав «Калифорнию», набралась терпения и мужественно переслушала все, что еще сочинили «орлы», но только ужасно расстроилась и разочаровалась, даже разозлилась – нельзя же так обманывать! Но эта вещь – «Отель «Калифорния» – была великолепна. Для всех времен и всех народов.

«Отель, который невозможно покинуть никогда и никому...»

Вообще, такая меланхоличная музыка способна была кого угодно вогнать в зеленую тоску. А если еще вслушаться в слова да вникнуть в текст... Жить не захочется. «Мы все здесь пленники наших собственных желаний»... Весь мир, как отель «Калифорния», – дьявольски искусительная тряпина, полная соблазнов, куда легко попасть и невозможно выбраться...

Но, как ни странно, ни тоски, ни меланхолии, ни приступов пессимизма «Калифорния» никогда не вызывала. Во всяком случае, у нее. Наоборот, вселяла бодрость и оптимизм. Даже сейчас...

– Проходи, проходи! – командовал водитель, запуская в автобус еще пассажиров. Здесь, вдали от города, этот автобус был единственным общественным транспортом, который связывал близлежащие деревни. Водителю поневоле приходилось подбирать всех. Не оставлять же не остановке! Так и набивался салон стоячими пассажирами, хотя все знали, что стоя ездить категорически запрещено. А что было делать?

– Проходи, проходи! – в автобус забиралась стайка шумливых мальчишек и девчонок школьного возраста.

Пятница, 19.00

– Проходи, проходи, – Димка Рокотов буквально затащил его в открытую дверь. – Ты молодец, что позвонил. Хорошо, что приехал. А чего не предупредил? Я бы встретил.

– Да ладно, я и сам добрался.

– А где вещи?

– В гостинице. Там вещей-то, один дипломат.

– В гостинице? С ума сошел! У меня поживешь. Ты как мой телефон узнал?

– Я на старую квартиру тебе позвонил. Родителям. Мама твой телефон и сказала.

– Здорово! Хорошо, что ты меня застал. Удачно. Мои-то на дачу уехали. Выходные начинаются, а дождь закончился. Метеоцентр говорит – будет сухо и тепло. Моя благоверная и обрадовалась – картошку копать надо да еще чего-то. Детей забрала, машину забрала и уехала. А я только-только с работы. Задержался. А то бы тоже уехал. Завтра поеду, на автобусе. Или давай вместе! У нас там хорошо, залив рядом. Ты погоди секунду, я сейчас переоденусь... Да ладно, так обойдусь, – он только ослабил узел галстука.

Юрий невольно заулыбался. Димка нисколько не изменился. Такой же коренастый, шустрый, говорливый. Только потолстел – лицо совсем округлилось, и брюшко явно просматривалось. Да волос на голове поубавилось. Еще больше стал похож на Вини-Пука.

– Лысеешь ты, однако, – усмехнулся Юрий.

– Да и ты не молодеешь, вон – седина уже, – не остался в долгу Димка. – Ладно, пошли на кухню. Присаживайся, я тут что-нибудь стогоношу быстренько под встречу. А ты рассказывай, какими судьбами?

– По делам. Документы кое-какие надо в порядок привести. После матери.

– Надолго?

– Завтра обратно.

Димка аж присвистнул:

– Ё...к-л-м-н! Да ты чего! Столько лет не был, и всего на день?! Ну... Ребят надо собрать, посидим все вместе. Да бог с ней, с дачей, и без меня управятся. Давай завтра все и соберемся! Можно у меня, можно в кабак зарулить...

Радость Димки была настолько естественной, настолько искренней, что Юрке вдруг стало очень неудобно.

Димка уже резал малосольные огурчики, закатав рукава рубашки:

– Лариса моя там котлеты сделала, я подогреть поставил. Ну, а мы давай с тобой...

По маленькой.

Он достал из холодильника запотевшую бутылку водки:

– Вот на такой случай и держу заначку!

– Извини, Дим. Нельзя мне.

– А что такое?

– После инфаркта я. Всего два месяца как выписался. Так что...

– У-у, – сразу посерьезнел Дима. – Эх тебя угораздило. Ясно, откуда виски седые... Молодые же мы еще. Для инфарктов-то.

– Сердце, оно не спрашивает.

– Да-а...

Но Димка никогда не умел грустить долго.

– Ну и ладно. Мы с Любкой выпьем. Да! Ты вовремя появился. Сейчас Любка должна зайти.

– Какая Любка?

– Помогаева.

– Любка Помогаева? Кто это?

– А! Да ты ж ее фамилию не знаешь. Любка Артемова. Помнишь ее?

– Помню, конечно.

– Вы же дружили в школе!

– Да какое там дружили. Так, встретились несколько раз. К экзаменам вместе готовились. Подтягивал я ее. По физике, кажется. По математике.

– Ой ли? И все? А кто на выпускном танцевал?

– А вы что, общаетесь?

– Редко... Хотя и живем с ней по соседству, в пяти минутах. Да и с другими – тоже редко. Жизнь такая. У всех работа, семьи, суета. Так, только на юбилеях и встречаемся. Вот, в позапрошлом году юбилей школы был. Не помню, сколько лет. Фотки и видео потом покажу. Хотя посмотришь на всех. Тебя каждый раз вспоминаем, а от тебя ни слуху, ни духу. Как уехал – так и пропал. Вот я и подумал, раз приехал в кои-то веки, надо бы собрать всех наших...

– Лишнее это, Дима.

– Да только своих. Володьку, Сашку, Егора. Обоих Березовских. Антонину нашу. Она все переживает, ты же лучший ученик у нее был.

– Погоди ты. У меня все равно билет на завтра. Ты-то сам как? Майором стал?

– Уже два года. Разрешите представиться, – он приложил ладонь к виску, как будто отдавая честь.

– А Володька? Кандидатскую защитил?

– Не-а, тянет все. То женился, то сын родился, то на другую кафедру ушел. А ты откуда все знаешь? Про всех...

– Интернет же есть. Иногда захожу, только редко очень. Вы все там сидите. А Люба... Артемова...

– По-мо-га-е-ва, – поправил его Дима.

– Она что к тебе? В гости?

– Ага, в гости, – хохотнул Дмитрий. – Ясно дело, жену отправил на дачу, ну и... Сразу гостью пригласил... Нет. Проблема у нее. Горе. Дочь у нее пропала.

– Как, и у нее тоже?! – невольно вырвалось у Юрия.

– Что значит «тоже»? – совершенно другим тоном спросил Димка. И Юрий понял, что разговаривает сейчас уже не с другом школьных лет разгильдяем и лоботрясом Димкой Котом, а с майором полиции Дмитрием Андреевичем Рокотовым. Он даже и отчество его сразу вспомнил.

– Да я не знаю, что у вас в городе творится, – пожал плечами Юрий. – В автобусах, на остановках, даже в гостинице висят листовки. «Помогите найти человека». Парни пропадают, девушки. Молодые совсем! У вас тут что, маньяк орудует?

– Какой еще маньяк? Чушь это все. Сколько пропадало в среднем, столько и пропадает. Статистика не врет. Почти все потом находятся. Кто загулял, кто у подружки завис, кто с родителями поругался. Вот мужик в одних тапочках выходит в магазин за хлебом и пропадает. Все его ищут, с ног сбиваются, а он через три дня возвращается, дескать, встретил друга, выпили. И поехал с ним отдыхать на дачу.

Димка суетился возле плиты. Потом остановился, повернулся к Юрию:

– Бывает, конечно, что и трупы поднимаем. Но не девяностые на дворе. Это тогда людей отлавливали. Для прокорма ценных пушных зверей в подпольных питомниках. Да и то бомжей. Было-было, не кривись. Еще и не то было. А сейчас разговоры ходят, мол, все это связано с подпольной трансплантацией. Мол, исчезают исключительно молодые здоровые люди. Я не большой специалист в этой теме. У нас отдел есть специальный – по розыску пропавших.

Дима поставил на стол подогретые котлеты, прямо в сковородке.

– Грустно это, печально это, но факт, люди пропадали, пропадают и будут пропадать. Это было всегда и везде. Но процентов девяносто находятся живыми. Ты ешь давай, с дороги все-таки. Лорка моя готовит здорово, тут не отнимешь. Уж что-что, а это – да. Пробуй-пробуй!

– Да ты сам ешь, тем более после работы. А я в гостинице, в кафе перекусил.

– В кафе? Зачем? В гости же шел! Что, думал, не накормим? – обиженно возмутился Димка.

– Честно говоря, не собирался я в гости. Понимаешь, времени совсем мало. Завтра утром уже в конторе одной надо быть, отоспаться хотел...

– А что ж пришел тогда?

– Да вот, – развел руками Юрий. – Не смог не прийти...

– Ну и молодец! – хлопнул его по плечу Димка, раскладывая по тарелкам ужин. И тут же продолжил: – А шумиха эта вся насчет пропаж, листовки... Современные технологии. Интернет, социальные сети. Эсэмэски, мессенджеры. Молодежь клич бросит в сети – мол, друг пропал, давайте искать вместе. Вот сотни и откликаются, объявления печатают, клеят. Запретить мы не можем, да и зачем? Иногда это реально помогает в поисках пропавших. И потом... У родных же горе и отчаяние. Они имеют право искать своего близкого всеми возможными способами. Бывает, что только усилия родных и помогают найти человека. Нет, пусть-пусть. Я лично «за». Социальная активность развивается и все такое. Когда сотни людей ищут совершенно незнакомого человека. Просто, как говорится, по зову сердца. Тимуровцы. Сейчас их волонтерами называют. Разве это плохо?

– А у Любы что? – остановил его Юрий.

– Сейчас придет, сама все расскажет.

– Так она к тебе, как к менту?

– Ну конечно! Я лет пять ее не видел, на последней встрече ее не было. Антонина сказала тогда только, что муж у нее умер.

– Муж умер?

– Вроде так. А тут звонит, вся в истерике. Ну, ее понять можно. Мать все-таки, единственная дочь. Ты представь, если у тебя дочь пропадет.

– Не надо, – быстро сказал Юрий.

– Чего не надо?

– Представлять.

– А-а, – Дмитрий внимательно посмотрел на него. – Короче, заявление у нее отказались принять. Дочь не пропала, а ушла. Потому что записку оставила.

– Записку?

– Ну да. Записку и симку.

– А симку-то зачем?

– Как символ, наверное. Не ищите, не звоните...

Затрещал домофон, Дмитрий пошел открывать. Вскоре хлопнула входная дверь. Юрий слышал из коридора голос хозяина:

– Ой, Любаш, как ты вовремя. У меня для тебя сюрприз!

Опять шоу готовит, неугомонный.

На кухню зашла Люба Артемова, теперь Помогаетева.

«Как же постарела», – промелькнула первая мысль.

– Юра?

– А-а, узнала, – тараторил Дима. – Я же говорю, мы не меняемся. Годы идут, а нас не касаются.

– Ты... Откуда?

– Из Питера он. На один день только приехал. Молодец, что позвонил, заехал. Молодец, да? А вот что столько лет не появлялся, так это... Ладно, не буду при женщине выражаться.

Она присела на стул и тихо прошептала:

– Это судьба...

– Так-так-так, – засуетился Дима. – Вот что, Любань, мы с тобой сейчас выпьем. За встречу. Юрка больной, не пьет. А тебе надо. Полегчает. Потом все расскажешь. Давай-давай.

Она выпила всю рюмку целиком, задохнулась. Потом так же шепотом спросила:

– Больной?

– Да ерунда! – Димка спохватился, что сболтнул лишнее. – Так, в больнице лежал, недавно выписался. Врачи пока запретили пить.

Юрка по-прежнему молчал, он еще не произнес ни слова. А майор приступил к делу:

– Ты записку принесла?

Она молча вытащила лист бумаги.

– Та-ак, – забрал его Дмитрий. – «Мама, прости меня. Мне нужно срочно уехать. Так получилось. Потом я тебе все объясню. Целую. Алена». Все?

Люба попросила:

– Дима, налей еще.

– Да? Пожалуйста.

Она выпила, по-прежнему не закусывая.

– Я пойду, ребята, – она поднялась.

– погоди, – опешил Дима. – Ё...п-р-с-т! Ты же ничего не рассказала! Чего приходила-то? Стой! Симку давай. Я хоть телефоны пробую.

– Я провожу, – наконец подал голос Юра и поднялся. Люба промолчала, а Дима только пробормотал:

– А ты-то куда? Я же ни про кого ничего не рассказал... Фотографии...

– Потом, в другой раз.

– Какой другой? Ты же завтра улетаешь...

Так и остался стоять в дверях в полной растерянности.

– Вот и встретились...

Пятница, 19.30

– Вот мы и встретились, Денис, – в палату зашел парень чуть старше Дениса в костюме, галстуке. – Привет, Геннадий.

– Не было печали, – ругнулся в ответ Генка. – Опять поповича принесло. Знаешь ведь, здесь тебе ловить нечего. Нету здесь заблудших душ. Лучше помоги материально. Иди к своим наркоманам, там хоть спасешь кого-нибудь, может быть. Иди-иди, работай, барракуда...

– Ты Денис? – не обращая внимания на ворчание прапорщика, парень присел на краешек кровати.

– Эй, Кирилл, вон же стул есть, – продолжал донимать его Геннадий. – Чего на кровать уселся?

Кирилл встал с кровати:

– Какой ты все-таки зануда, Гена. Денис, хочешь поговорить?

– О чем?

– О твоих проблемах.

– Денис, не слушай его. Заведет сейчас свою песню – покайтесь, и будет вам щастие. Я ж тебе сказал, Кирилл, к наркоманам иди. Больше пользы будет.

– Ну, хорошо. Я еще зайду, Денис, – Кирилл вышел из палаты.

– Кто это?

– Попович. Из церкви. У них реабилитационный центр есть для наркоманов. Вот он их тут и наставляет на путь истинный, в центр свой агитирует.

– Так дело-то благородное!

– А никто и не спорит, молодцы они. Только к нам пусть не лезет. А то притащится сюда и начинает проповеди свои читать – грешники вы все, просите прощения. Я и так знаю, что грешник. И знаю, у кого мне прощения просить надо... Надо было. Но поздно уже...

– Что, пастор заходил? Попович? – появился Олег. – В коридоре сейчас с ним столкнулся. По твою душу, Денис. Ты с ним осторожней. У него язык ой как подвешен. Заговорит, и не заметишь, как уже и ты – это не ты.

– Я-то ему зачем нужен? Он же наркоманами занимается.

– С наркоманов много ли возьмешь? Эти церкви – чистой воды коммерция. А ты – адекватный, здоровый, молодой, умный. С тебя много выкачать можно. Если уж соберешься в церковь, иди в нашу, православную, – и он показал на крестик, висевший у него на шее.

– Православную? А эти какие?

– Эти-то? То ли евангельская, то ли апостольская церковь. Их не поймешь. Так они себя называют, кажется.

– Баптисты, что ли?

– Нет. Протестанты.

– Протестанты? Они у нас разве есть?

– Ты знаешь, не силен я в религии. Ты вообще крещеный?

– Да, в детстве окрестили.

– Тогда ладно. Разберешься. Ну, иди сюда, я ноутбук принес. Показывай.

Денис обрадовался – хоть дело какое-то.

– Рассказывай, что надо? – он подсел на кровать к Олегу.

Тот раскрыл ноутбук, включил. Пока шла загрузка, Олег объяснил:

– Вообще я его взял... Если честно, музыкой хочу заняться. Дискотеки проводить. Видел же, столовая какая огромная. Ах да, ты же еще не был. На завтраке увидишь.

– Ну, грех не помочь, – восхитился Денис. – А усилитель, колонки?

– Колонки купил. Я пробовал, можно и без усилителя. Хватает громкости. Пока, для начала хотя бы...

– Ты ноут новым брал или с рук? – Денис первым делом глянул параметры. Ноутбук, конечно, слабенький, в игры особо не поиграешь, видео не позанимаешься. А для музыки должно хватить. В самый раз.

– С рук, конечно. Тут мужик один выписывался, закодироваться хотел, а денег на укол не было. Вот и продал. А я как раз премию получил, к Дню медика...

– Премию? Ты что, работаешь?

– Так, дежурю иногда на вахте. Подменяю кому надо. Ну, как аппарат?

– Вполне. Работает. И давно он у тебя?

– Да почти все лето. Никак не мог человека найти, кто бы помог разобраться. Подучил. Сам видишь, какой здесь народ. Поговорить-то не с кем.

– А я не в счет? – вклинился прапорщик.

– А... – отмахнулся Олег. – С тобой только о футболе да о погоде...

– Почему? О бабах можно...

– О да! Тут ты спец, – согласился Олег. Денис только не понял, с иронией или серьезно.

– И что тебе показать?

– Как музыку с дисков сбросить на него, – Олег достал кучу дисков. – Я давно у знакомого взял, вернуть надо.

– Ну, это не проблема. Один раз покажу, потом сам будешь делать. Это, так сказать, детский сад, даже не школа. Вот. Смотри... Сначала надо папку создать, куда сбрасывать будем. Как-то так. Заходим в проводник...

Денис вдруг почувствовал себя как на уроке информатики в школе, даже интонации стали, какие были у Игоря Анатольевича, их учителя. Игорьнета, как они между собой его называли.

– Ты что, никогда за компьютером не сидел? – Денис был искренне удивлен, даже поражен. Он был уверен, что не осталось ни одного человека, не освоившего компьютер. Хотя бы на уровне пасьянса.

– Нет. Негде было...

– Телевизор-то хоть включить можно? А, компьютерные гении? – Геннадию стало скучно. Он улегся на кровать, поглаживая « меховую шапку » с именем Бяка.

– Пока можно. А потом музыку будешь слушать, – хохотнул Олег.

Денис открыл первый диск:

– Так у тебя здесь не аудио, а видео. Клипы.

– Ну да. В том-то и дело. А можно из клипа только музыку взять?

– Конечно. Программа только нужна.

– Какая?

– Ты знаешь, я вообще-то не спец в обработке аудиофайлов. Так, иногда для себя делал кое-что по мелочам. Надо программу специальную. Там есть такая функция – сохранить видео как аудио.

– И где ее взять, эту программу?

– Можно в интернете скачать. Жалко, что нет.

– Чего нет?

– Да интернета.

– Почему нет. Есть, – Олег достал какую-то бумажку. – Вот, пароли к больничному вай-фаю.

– Ух ты. Откуда?

– Это медсестры подарили. Когда про ноутбук узнали. Только я подключиться не могу, не умею.

– Ну, это минутное дело... Так мы теперь и музыку тебе всю оттуда скачаем. Диски не нужны!

– Слушай, а правду говорят, что в Интернете можно все найти? – спросил Геннадий, краем уха слушавший их разговор.

– Правда.

– Все-все?

– Ну, я пока не сталкивался с таким, чего бы не нашлось. Просто искать надо уметь. Это же целая наука. Сейчас этому и в школах учат. Даже соревнования проводятся.

– Как это?

– Да просто. Дают задание. Ну... Например, из какой марки стали делали ствол пушки танка Т-34 в годы Отечественной войны. Кто быстрее узнает, тот и победил. Как-то так.

– Зачем надо знать марку стали? Ты вот лучше найди... Знаешь что? Давно хочу понять. Зачем на мужской обуви каблук? Женщинам понятно – выше казаться, ножка стройнее. А вот мужикам зачем?

– Да без проблем...

– Не слушай его, – сказал, посмеиваясь, Олег. – Опять он чушь какую-то несет. Посмотри лучше, что такое Дикси.

– Дикси? – не понял Денис. – Какой Дикси?

– Ну, знаешь диксиленд? Ленд, надо понимать, земля. Что это за земля такая, Дикси? Почему так негритянскую музыку назвали?

– Ладно, давай диксиленд, – согласился Денис. – Заходим в Википедию...

– Куда заходим?

– Википедия – такая интернет-энциклопедия. Супер-энциклопедия в интернете.

– Почему тогда «вики», а не... Интернетпедия? Или, например, Интерпедия?

– Хм, как тебе объяснить... Не знаю, почему «вики». А суть ее в том, что каждый желающий может оставлять свои статьи и исправлять чужие. То есть это «общая» энциклопедия. Так сказать, «народная».

– И ты ей веришь?! – поразился Геннадий. – Вот я, например, могу там о чем-то написать?

– И ты можешь...

– Да я там такого понапишу, у всех уши завернутся!

– Не бойся, отредактируют. Откровенную чушь удалят. Опыт показывает, что большинство пользователей википедии – адекватные и цивилизованные люди. А таких, как ты, вандалов, единицы. Вот, набираем – «Диксиленд»... «Название джазовых ансамблей, состоящих из белых исполнителей, подражающих традиционным негритянским джазовым коллективам и играющих джаз в новоорлеанском стиле. В буквальном переводе с английского языка слово „Диксиленд“ означает: „страна Дикси“, где Дикси – разговорное обозначение Юга США». Понятно?

– Вот барракуда, – удивился Генка. – Всегда считал, что диксиленд – это чисто негритянский ансамбль. А оказывается, в нем белые играли. Пародисты, что ли?

– Что еще найти? Хотя нет, давай к делу. Надо программу найти да скачать.

– И точно в интернете все есть, барракуда! – воскликнул Геннадий. – Ну, посмотрите про каблук!

– Ладно, давай. Только это уже надо в гугле искать.

– Где?

– Ох, ну и темные же вы здесь, мужики. Гугл – это поисковик. Вообще их много. Есть еще Яндекс, – начал объяснять Денис голосом Игорьнета. – Смотри, Олег. Сам потом будешь все делать. Набираешь запрос... «Зачем нужен каблук на мужской...» Видишь, подсказка выскочила... Вот... «Повседневная обувь обязательно должна иметь небольшой каблук. Еще Александр Македонский повелел изготовить для своих солдат сандалии на каблуках. Он заметил, что во время военных походов в таких сандалиях его воины проходят большие расстояния. Небольшой каблук, поддерживая пятку, обеспечивает стопам наибольший комфорт при ходьбе».

– Все, твоя душенька довольна? – спросил Олег у прапорщика. – Больше не мешай, смотри свой телек.

– А вообще, по большому счету, интернет как большая помойка, – продолжал Игорьнет. – Да, найти можно почти все, только далеко не всему верить можно. Каждый может найти то, что хочет.

– Как это?

– Возьмем, например, шифер...

– Шифер? Почему шифер?

– А вон, – Денис махнул рукой в сторону балкона, – мужики крышу кроют металлочерепицей. А почему не шифером? Скорей всего, потому что хозяин начитался про экологическую вредность асбеста и, соответственно, шифера. Во всяком случае, у нас в поселке все так думают. Так вот, я хоть сейчас в интернете найду целую кучу статей насчет того, что шифер на самом деле вреден – с доказательствами, аргументами. И такую же кучу статей, объясняющих, что он абсолютно безвреден, и тоже с доказательствами, и тоже с аргументами. Понятно, о чем я?

– Да-а, – почесал затылок Олег. – Сложно как все это...

– Не паникуй. Разберешься потихоньку. Я ведь тоже не сразу врубился. А батя мой до сих пор боится за комп садиться. Так, только в карты играет, пасьянсы раскладывает...

– Денис, пойдем перекурим, – взмолился Олег.

– Пойдем, – с готовностью согласился Денис. Он и сам подустал от новой для него роли учителя. – Вот сейчас на скачку поставлю, и пойдем.

Они вышли на балкон.

– Дверь за собой закрывайте, барракуды, а то весь дым сюда тянет, – вдогонку успел проворчать Генка.

– Чего он все «барракуда» да «барракуда»?

– Ругается так. Он же прапорщик. Матерился так, что и понять невозможно было, что сказать-то хотел. С Колькой-покойником, царство ему небесное... Хотя какое ему царство? Говорят, не забирает бог самоубийц. Ну, одним словом, поспорили они с Колькой, что Генка не будет материться. Не знаю, на что. В секрете держали. Но на что-то серьезное, коли прапорщик на самом деле материться перестал.

– А при чем тут барракуда?

– Не знаю. Просто слово звучное услышал, понравилось, наверное, вот и вставляет вместо матов. Кольки уже нет, а он так и не матерится. Может, привык. А может, в память о Кольке. Его теперь так и зовем все – Генка-Барракуда.

Денис рассмеялся. У прапорщика давно уже не хватало зубов, и он немного шепелявил и присвистывал при разговоре. Поэтому вместо грозного рычащего «барракуда» у него получалось полудетское «байакуда», для ругательства никак не подходящее.

– А ты знаешь, что такое «барракуда»? – спросил Олег, докуривая сигарету.

– Кажется, рыба какая-то, – пожал плечами Денис. – Вроде акулы, хищная. Как-то так.

– Пойдем в интернете посмотрим...

...Кирилл зашел снова, когда Денис был в палате один. Олег ушел вниз, в столовую, положить ноутбук в сейф. А Генка взял ключ от душа и, видимо, занимался постирушками.

– Я понимаю, Денис, никакой ты не алкоголик, – на этот раз Кирилл уселся не на кровать, а на гостевой стул. Хотя Генки не было. – Просто временные трудности у тебя. Так? Помощи ждешь? Не отрицай. Я много уже здесь повидал. Нагрешил, значит, где-то, раз теперь здесь скрываешься.

– Я не скрываюсь, – быстро сказал Денис.

– Ну ладно, отдыхаешь. Восстанавливаешься. Но имей в виду, грех разрушает жизни людей. Так было всегда и продолжается сегодня. Болезни, обиды и непросщения, конфликты, безрассудство, нищета, голод – все это результаты греха. Зайди в третью или седьмую палаты – и ты сам увидишь.

В этих палатах, а еще в шестой и восьмой, лежали наркоманы. Денис уже знал это. А их самих видел в коридоре и в курилке.

– Все их беды – результат греха на земле, греха не только их личного, но и греха общего. И что делать? Что делать им и каждому? И тебе, Денис? Ответ в Библии. Там сказано: «Покайтесь! И пусть каждый примет крещение во имя Иисуса Христа, чтобы Бог простил вам грехи. Тогда вы получите от Бога дар – Его Святого Духа». Только Бог, мудрый и любящий Бог сегодня дает нам путь освобождения от рабства греха и его плодов – депрессии, различных зависимостей, в том числе алкогольных и наркотических, страхов, разрушенных отношений, болезней. Этот путь – обращение к Богу в покаянии.

– погоди, Кирилл, что ты прямо как заведенный. Нет у меня депрессии, зависимостей, страхов. Все у меня в порядке. Как-то так.

– Лукавишь. Сам себя обманываешь. Загляни поглубже в душу свою. И найдешь там много грехов, которые тяготят душу. Задумайся. Вокруг нас столько лжи, порока, искушений, обмана безбожного мира. Люди потому и обращаются в церковь, чтобы услышать Истинное слово, очиститься от грехов. Потому что только истина во Христе освобождает от греха, как написано в Писании: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

– Я не понял, ты уговариваешь меня, чтобы я пришел в твою церковь?

– Ты заблуждаешься, Денис. Это не моя церковь, это церковь Божья. Да, я не скрываю, я предлагаю тебе прийти к нам. Я тебе вот что расскажу. Послушай. У меня в свое время было много вопросов, и среди них один, возникающий у большинства людей – возможно ли жить чисто, праведно, без греха в этом развращенном мире, полном соблазнов и искушений? Я стал просить у Бога ответа и решил, что подойду к пастору церкви, чтобы поговорить об этом сразу

после окончания собрания. Но сидя на этом моем первом собрании, слушая проповедь, я стал получать ясные ответы на мучившие меня вопросы. Для меня это была не просто информация, а слово Бога, которое принесло мне силу и свободу. И я не стал уже подходить к пастору с вопросами, я понял, что больше не смогу жить по-старому. Я получил от Бога освобождение внутри, в сердце. Я задал Богу вопрос, услышал Слово и познал Истину.

– Ты познал истину? – Денис наконец смог выбраться из паутины Кириллиных слов и остановить его.

– Конечно. И это доступно любому. Надо только обратиться к Богу. Но, зная, что Бог призывает нас к святой и чистой жизни, мы стараемся, но наших усилий здесь недостаточно, любой человек рано или поздно обнаруживает себя в делах, противных Богу. И потому существует церковь, где Дух Святой наполняет силой и свободой от греха всех, приходящих к Господу с верой и упованием.

– Все, хватит! – не сдержался Денис. – Ты можешь нормальным языком говорить?

– Вот ты гневаешься, значит, беспокойно на душе у тебя. Значит, нужно тебе слово Божье.

– Да ну тебя к черту, надоед, – совсем вышел из себя Денис.

– Ох, не чертыхайся, – Кирилл даже вздрогнул. – А то будет...

Но что будет, Денис не узнал. На его счастье, вернулся прапорщик Генка-Барракуда:

– Почем опиум для народа?

Кирилл молча встал и ушел, а Денис расхохотался – до того ему это напомнило бессмертных Остапа Бендера и отца Федора...

Пятница, 20.00

Бессмертный голос Фредди Меркьюри улетал в бесконечность «Богемской рапсодии»:

«Is this the real life?

Is this just fantasy?»

И в самом деле, то, что с ней происходит —

«Это реальность

Или только выдумка?»

Она сама не могла ответить...

Как бы хотелось верить, что второе...

Она прекрасно помнила свои первые соревнования. Как же она тогда волновалась!

Огромный зал, на трибунах люди. Зрители-болельщики. В центре – два татами. На одном соревновались взрослые, а на другом они, дети. Девчонок было мало, и в ката они выступали вместе с пацанами. А пацанов было много, особенно в ее возрастной категории. Маленьких всегда очень много, потом многие отсеиваются, уходят, и чем старше возраст – тем меньше спортсменов. Так в любом виде спорта...

Позже, повзрослев, она поняла, что самое сложное в соревнованиях – это ждать. Ее спасало, что на трибуне всегда сидел отец – она поднималась к нему, и они вместе смотрели выступления маленьких...

Но в тот раз ей повезло, ждать не пришлось. Она только успела переодеться, немного размяться и поднялась к отцу на трибуну. Но он даже сказать ей ничего не успел – ее позвал Сергей:

– Пойдем, следующая ты.

Она испуганно посмотрела на него. Он рассмеялся:

– Да не бойся ты. Судья назовет ката, которую вы с соперником будете делать. Сделаешь, как на тренировке. Просто сделай, как ты умеешь, этого достаточно.

Кирияков, встретив ее у татами, тоже улыбнулся:

– Вот уж кто может не волноваться, так это ты.

И тут прозвучало:

– На татами вызываются Семакин Борис и Помогаева Алена.

У нее даже дыхание перехватило. Она сняла тапочки.

– Семакин – ака, Помогаева – сиро.

«Это что?» – она с недоумением посмотрела на Кириякова.

– Он красный, ты белая. Видишь, ему красную ленточку к поясу цепляют. Просто чтобы вас различать.

Семакиным оказался высокий, немного нескладный черненький мальчишка с желтым поясом. «Ого, у него желтый!» – ей вдруг стало почему-то неудобно, что у нее самой только белый пояс. Все видят, что она – новичок.

Она вышла на татами, и ее как будто током ударило. Это невероятное ощущение – босые ноги на холодном жестком татами – осталось у нее на всю жизнь. С тех пор она снова и снова хотела испытать его. Тренировки у них проходили в обычном спортзале обычной школы, и они босиком носились по обычному крашеному полу. Настоящее татами ее ступни почувствовали тогда впервые.

Она, как в тумане, встала в основную стойку. В голове была полнейшая пустота. Она не помнила ни одной ката, ни одного движения.

Перед ними стоял главный судья, в строгом черном костюме, белой рубашке, галстуке. По углам татами на стульях сидели еще четверо судей, таких же официальных и строгих. У каждого в руках по два флажка – белый и красный. И все – в одних носках, без ботинок. Ей почему-то стало смешно – в костюмах, галстуках, и... в носках. Тапочек не хватало. Папа так иногда дома ходил.

– Поклон, – услышала она напряженный шепот Кириякова и спохватилась. Ах да, поклон судье, сопернику. Снова в стойку.

Главный судья, увидев ее белый пояс, выбрал самую простую ката и скомандовал:

– Хэйян-шидан.

И все. Туман исчез. Сразу все стало ясно и понятно.

– Хэйян-шидан, – объявила она и начала выполнять. Рядом, параллельно с ней, то же самое делал Борис Семакин. Ей самой понравилось, как она сделала – четко, без ошибок, в нужном ритме. Ей просто безумно нравилось выступать на татами. А Боря заторопился, закончил свою ката раньше, чем она. Это было неправильно – она хорошо чувствовала ритм.

Все четверо судей подняли белые флажки. Борис, вчистую проигравший ей, посмотрел на нее без злости, без ненависти, но с некоторым удивлением.

– Все? – спросила она у Кириякова, надевая тапочки.

Ей очень хотелось снова выйти на татами. И, к ее радости, тренер улыбнулся и объяснил:

– Ты же выиграла. Значит, снова будешь выступать, в следующем круге. Олимпийская система – проигравший вылетает.

Все просто – хочешь еще раз выйти на татами, надо побеждать!

Потом Кирияков подошел к судейскому столику и что-то долго объяснял, показывая на нее. Судьи периодически посматривали на Алену, переговаривались, потом заулыбались и согласно закивали головами.

– Что там? – Алена спросила у Сергея. Ее смущало, что там говорят про нее.

– Иван Петрович объясняет им, что ты знаешь не только шидан, а все пять хейянов.

– Я больше знаю.

– Да. Хорошо. Знаешь. Просто в это никто не поверит. Ты же не хочешь делать только шидан?

– Нет, конечно!

– Но судья не имеет права для твоего белого пояса задавать что-то сложнее шидана. Вот Иван Петрович и пытается уговорить их, чтобы они не обращали внимания на твой пояс.

Видимо, Кирьяков добился своего. В следующем круге Алена выполняла хейян-сандан. И снова все четыре флэжка показали ее победу. Потом был нидан. Потом годан. За пять кругов соревнований она выполнила все пять ката. В финал вышли пятеро – она и четверо мальчишек. Двое с синими поясами, один с коричневым и один с черным. Это был Саша Воробьев. Алена слышала про него, но пока не встречалась. Кирьяков рассказывал им про этого самородка. Он называл его «Санёк». Санёк начал заниматься карате в шесть лет, когда еще в школу не ходил. Он отличался удивительно упорным, бойцовским, неуступчивым характером и в девять лет получил черный пояс. Алена в этом возрасте еще в «Звездочках» была...

Автобус сильно потрянуло на очередной рытвине, да так, что Алена подлетела на своем заднем сиденье. Она уже пожалела, что села сзади – тут трясло гораздо сильнее. Но, с другой стороны, примостившись в своем уголке, она как будто спряталась от всего окружающего мира. У толстой соседки разлетелись все ее сумки и пакеты, и она еще долго возилась и пыталась, собирая их и снова пытаясь втиснуться. Компания на передних сиденьях затихла, видимо, решив проспать перед основным мероприятием. Школьники уже где-то успели выйти. Алена плотнее закуталась в куртку и отвернулась к окну.

Их, всех пятерых финалистов, вызвали на татами. Алена стояла последней – такой порядок в карате, построение всегда по поясам. Она представила, насколько необычно, может быть даже смешно, посмотрится она со своим белым поясом рядом с этими четверыми темнопоясочниками. Но она нисколько не стеснялась – она просто делала то, что ей нравилось. И ей очень хотелось хотя бы еще разок выйти на татами.

Их по очереди представляли зрителям. Вызвали Александра Воробьева. Зал взорвался аплодисментами. Еще бы – знаменитость, известная личность, явный фаворит. Остальным тоже хлопали.

– Помогаева Алена!

Она сделала шаг вперед и тут же чуть не упала на татами. Она не ожидала такой овации – зал просто взревел от восторга. Она затравленно озиралась, не зная, что делать. Но тут их, к счастью, распустили готовиться к финалу. Она, чуть не плача, бросилась к Кирьякову и Сергею. Те что-то бурно обсуждали. Кирьяков приобнял ее:

– Успокойся. Сейчас ты им покажешь.

– Что покажу?

Сергей сел перед ней на корточки, заглянул в глаза:

– Басай-дай помнишь?

– Конечно.

– А сделать сможешь?

– Смогу, – она даже удивилась. Для нее не было никакой разницы – делать эти простенькие хейяны или более сложную басай-дай. Даже не так – ее она бы выполнила сейчас с гораздо большим удовольствием. Тем более что все хейяны она уже показала.

Она обрадовалась:

– Сейчас басай-дай делать буду?

В финале каждый участник выполняет ката уже по своему усмотрению – естественно, ту, которую лучше всего знает. Ну, и максимально сложную.

– Сергей, но это риск, – задумчиво сказал Иван Петрович.

– Она сделает, я ручаюсь, – возбужденно остановил его Сергей.

– Может, все-таки годан? Или сандан?

– Да она их всех сейчас порвет! – было видно, что Сергей завелся. Он как будто сам был сейчас на татами.

Иван Петрович только вздохнул и кивнул головой – давайте. Алена выступала первой. Какой же это был шок и для судей, и для соперников, и для зрителей, когда она вышла на татами, встала в стойку и в тишине зала звонким голосом объявила:

– Басай-дай...

Это была одна из самых длинных ката в шотокан-карате.

Зал загудел, главный судья с недоумением посмотрел на Кирьякова. Тот показал ему: «Все нормально». Судья пожал плечами и скомандовал Алене «начинай»:

– Хаджиме!

Пока она делала, в зале стояла мертвая тишина, но с последним движением началась овация – на трибунах сидели сведущие и понимающие люди, которые сразу могли понять и оценить происходящее. Судьи в финале уже не флажки поднимали, а таблички с оценками. В итоге она получила наивысший балл и стала чемпионкой. Это была ее первая победа.

Уже уходя в раздевалку, Алена услышала, как кто-то из судей расспрашивал Кирьякова:

– Где вы отыскиали эту звездочку?

«Звездочку? В „Звездочках“ и отыскиали!» – про себя рассмеялась она.

Домой они ехали на автобусе, она оглядывалась на отца, видела его счастливое лицо с неисчезающей улыбкой, и только сейчас до нее начало доходить, что она победила.

По дороге отец купил большой торт, и дома они устроили праздник. Мама никак не могла поверить, что Алена выиграла. Отец захлеб рассказывал ей, как все это случилось. Алена, вдруг почувствовав страшную усталость, едва добралась до кровати и, с трудом раздевшись, завалилась спать. Уже сквозь сон услышала тревожный вопрос мамы:

– Ты думаешь, она сможет выдержать это?

А что ответил отец, она уже не слышала...

Бедный пазик затрясло еще сильнее. Алена взглянула в окно и поняла, что свернули на проселочную дорогу. «Значит, скоро приедем. Хорошо хоть дождь прошел, пыли нет».

Теперь она включила рок-попурри собственной сборки. Она сделала его однажды в подарок папе на день рождения – из лучших вещей «PF», «DP» и других повырезала соло на гитаре и соединила в одну цельную композицию. Папа был на седьмом небе – он сам пытался сделать что-нибудь подобное, но с компьютером ему трудно было общаться. Попурри получилось почти на полтора часа.

На следующий день было кумите. Она приехала в ранге чемпионки, вокруг нее шептались, на нее показывали пальцем. Ей приходилось поневоле привыкать к этому.

В кумите мальчишки и они, девочки, выступали отдельно. Она проиграла в первом же бою. Кто стал чемпионом среди девчонок, она даже не запомнила, а у мальчишек победил Санёк. В тот раз он, уже достаточно опытный каратист, понял, что в ката с ней тягаться бесполезно.

С этим Саньком они потом подружились, не раз вместе выступали на соревнованиях. Так и делили – она побеждала в ката, он – в кумите. Позднее выступали в одной команде в групповой ката, когда три спортсмена все делают одновременно и синхронно. И Санёк, и Женька Славский, который был третьим, конечно, уступали ей в классе. Она была лидером, они подстраивались под нее, и их команда почти всегда побеждала.

На соревнования в другие города, и тем более на международные, она не ездила – было слишком дорого. И на черный пояс сдавала дома – ей просто повезло, что знаменитый японский сенсэй проводил международный семинар по шотокану именно у них в городе. Пожилой японец с редкой седой бородкой восхищенно цокал и что-то бормотал непонятное на своем японском, пока она показывала ката на черный пояс. Потом попросил позвать ее к нему. Она подошла, поклонилась. Он тоже встал и поклонился ей. Потом по-европейски пожал её руку и что-то долго говорил Кирьякову через переводчика.

– Он приглашает тебя к себе на обучение. В Японию.

Она была шокирована.

– Но это же дорого! У нас нет денег...

– Все бесплатно, за счет его школы.

– А когда?

– Он приглашение вышлет. Так что, Алена, учи японский язык, – улыбнулся не менее чем она ошарашенный Иван Петрович.

Через полгода Кирьяков получил официальное приглашение для Помогаевой Алены. Но к тому времени она уже бросила карате. Тренер приезжал к ним домой, разговаривал с матерью. Но никто ничего изменить уже не мог...

Автобус загудел сильнее – начался длинный спуск с горы, водитель тормозил двигателем. В наушниках пытался улучшить ей настроение гитарный супер-проигрыш из знаменитой «Money».

...Она выходила на татами всегда с такой спокойной уверенностью, от нее веяло такой силой, такой мощью, что соперники просто терялись еще до начала ката. Всем своим видом она словно говорила: «Я сейчас могу сделать все. И то, что сделаю, будет сделано фантастически». Судьи будто гипнотизировались ею и поневоле начинали ждать и от других участников чего-то подобного. Но не дожидались.

Начиная выполнять ката, она словно попадала в другой мир, в другое измерение. Окружающее переставало существовать, оставались только она и ее карате. И она была готова расплакаться, когда это заканчивалось. Как-то она услышала в разговоре судей:

– Ее ката – это с другой планеты.

Она научилась копить эмоции и силы, расслабляться и концентрироваться. И все вспоминала, как еще в самом начале их занятий Сергей рассказывал ей:

– Тысячу раз, десять тысяч раз сделаешь ката, доведешь до полного автоматизма, и ты почувствуешь, как во время исполнения ката ты исчезаешь, уносишься, «покидаешь тело». Это своего рода медитация, релаксация.

Она не понимала тогда этих мудреных слов, но была зачарована тем необычным, сказочным, что ее ожидало.

– Это парадокс – в ката ты напрягаешься, выкладываешься до последней клеточки тела и мышц. А разум и душа расслабляются, освобождаются. Поэтому именно ката – основа карате. У всех происходит по-разному. Кто-то видит сам себя как бы со стороны, кто-то просто впадает в транс, кто-то, наоборот, предельно концентрируется... Ката – это состояние души. Ты как будто теряешь себя и находишь. Ты пока еще не знаешь этого, но скоро узнаешь.

Да, теперь она это знала...

Если бы кто-то попросил ее описать, что она чувствует на татами, она бы просто не смогла это сделать – таких слов не существовало. «Нечеловеческие эмоции»? «Удовольствие»? «Счастье»?

Она, веселая и жизнерадостная девчонка, всегда улыбающаяся, на татами становилась серьезной и сосредоточенной. Но в уголках губ продолжала прятаться чуть заметная счастливая улыбка. И все – судьи, зрители, даже соперники – тоже поневоле начинали улыбаться.

– Ее выступление – это всегда праздник, – однажды кто-то так оценил ее выступление. И она была с этим совершенно согласна. Во всяком случае, для нее это точно был праздник.

В ката для нее звучала музыка, причем в каждой – своя мелодия, со своим ритмом, непохожая на другие. Поэтому она никогда бы не смогла перепутать одну с другой. А когда делала ката с закрытыми глазами – добавлялся еще и цвет.

Это происходило не каждый раз, но вот иногда...

Все вокруг становилось ярким и разноцветным, все цвета и оттенки чудным образом перемешивались, а потом эта фантастическая картина рассыпалась на части, как в гигантском калейдоскопе. И она сама тоже разрывалась на миллионы маленьких осколков, миллиарды молекул, триллионы атомов, и все они, сначала беспорядочно разлетаясь в стороны, потом каким-то чудом, закрутившись безумной спиралью, собирались вместе где-то в бесконечности, где-то там, где был только один свет. Теплые, мягкие облака и много света. А потом, когда это заканчивалось, и она возвращалась назад, в свой привычный мир, в глубине души на долгие дни оставался гореть кусочек того бесконечного света – ощущение непередаваемого счастья. Покоя, безмятежности, блаженства. И хотелось повторить это снова и снова...

Тогда она и начала понимать слова Сергея, почему отцы-основатели карате именно ката считали основой основ всего.

Музыка остановилась. Она посмотрела – зарядка закончилась. Все... Вытащила наушники, спрятала в рюкзачок. И тут вспомнила, что зарядное-то она не взяла. «А зачем? Музыку слушать? Боюсь, теперь будет не до музыки...»

Те соревнования проходили в выходные, в субботу и воскресенье. А в понедельник утром она пришла в школу и тут же чуть не убежала домой. Прямо в фойе, со стены возле гардероба на нее смотрела... она сама. Там висел большой плакат с ее фотографией: «Поздравляем Алену Помогаеву, ученицу 3 „Б“ класса, с победой в чемпионате города по карате!»

Вокруг толпились ученики, учителя. Тут ее заметили.

– Алена, ты почему ничего не говорила?! Ты что, карате занимаешься? – подлетела к ней Ксюша Егерев, которая считалась тогда ее подружкой.

Алена пожала плечами:

– А никто не спрашивал...

Она на самом деле не то чтобы скрывала от всех одноклассников свои занятия карате, просто сама не рассказывала. Зачем? Что, подойти и просто сказать: «А знаешь, я карате занимаюсь»? Хвастать? Чем угодно, но не этим. Это было слишком дорого для нее.

Тамара Петровна, их классная руководительница, обняла Алену:

– Ты, оказывается, чемпионка у нас? Молодчинка! А ведь никто не знал... Героиня просто! Слов нет...

Алена совсем засмушалась.

– Аленка, а ты кирпичи разбивать можешь? – окружили ее мальчишки из класса.

– А у тебя какой пояс? Черный?

Она едва успевала отвечать на вопросы.

– Кирпичи не пробовала.

– Нет, пока только белый.

Разочарованные мальчишки отстали от нее. Но чуть попозже подошел Артем:

– А к вам можно записаться?

– На карате?

– Ну да.

– Конечно. Тренировка сегодня. Приходи полседьмого к школе, вместе и пойдем.

– А где тренировки, куда пойдем?

– В сорок первой школе. Знаешь, где она? Рядом совсем, десять минут идти...

...Она так и не узнала, кто повесил тот плакат у раздевалки. Сначала думала, что отец, но он сам очень удивился, когда она ему рассказала. Кирьяков? Сергей? Их она не осмелилась спросить.

Вечером у школы ее ждал Артем и еще трое мальчишек из класса. С ними была и Ксюша. Алена растерялась:

– Вы все на карате пойдете?

– Да. А можно?

– Наверное, – не очень уверенно сказала Алена. – Пойдемте.

Кирьяков рассмеялся, когда Алена объяснила ему ситуацию:

– Вот что значит стать чемпионкой. Удивительно, что не весь класс привела. Ладно, пусть занимаются.

Но через месяц остался только Артем, а к лету и он перестал ходить.

Когда дядя Гриша начал делать для нее досточки, она как-то принесла в класс парочку и на перемене разбила. Просто чтобы больше не приставали.

Несколько раз Тамара Петровна просила ее выступить на школьных мероприятиях, фестивалях, конкурсах с показательными номерами. Она выходила в кимоно и показывала ката, причем очень сложные ката. Но особого впечатления это не производило. Карате для всех – это бой, схватка, удары ногами в прыжке, Джеки Чан, Ван Дамм... А этот полутанец в кимоно, набор движений, пусть и красиво выполненный – так себе. Это не карате...

– Девушка, просыпайтесь. Приехали.

Она открыла глаза, посмотрела в окно. Автобус стоял, в салоне уже никого не было. Водитель внимательно смотрел на нее. Она так и сидела, расплывшись в широченной глупой улыбке до ушей. Не наркоманка ли?

– Спасибо, – она подхватила рюкзачок, куртку и выскочила из автобуса прямо в большую грязную лужу.

Огляделась. Вот она и приехала...

ТЕРН

Санни вообще играла непредсказуемо. Или она специально и сознательно «запутывала» весь стол, играя максимально разнообразно. Или просто «веселилась» в свое удовольствие по принципу «как получится». Но она могла зайти в игру рейзом с абсолютно бросовой картой, а в следующей раздаче только коллировать с двумя тузами. Могла играть очень лузово, то есть сверхактивно, не пропуская ни одной раздачи, совершенно не обращая внимания на собственную руку. А потом пропустить круг или два, непрерывно пасуя.

Поэтому он просто не мог предположить, что у нее может быть, с чем она играет.

На столе появилась четвертая карта – десятка. Еще одна десятка в дополнение к той, что выпала на флопе.

«Борд спарился» – то есть на столе лежала пара. В данном случае пара десятков.

И это значило, что его сет дам превратился в фулл-хаус, гораздо более сильную руку. Теперь он мог пойти и ва-банк.

А банк, после их агрессивной игры на префлопе и флопе, стал уже очень большим. Таким большим он еще не был за весь час игры.

Все игроки за столом напряженно следили за происходящим, понимая, что вот-вот на центр стола будут задвинуты все фишки. Кто-то пойдет ва-банк, соперник, естественно, ответит.

Его слово было первым. Только он не стал объявлять «ва-банк», предоставляя это право Санни. Просто сделал ставку, причем не очень большую. Сейчас она переставит его рейзом, это и будет фактически «ва-банк». Судя по количеству оставшихся фишек.

Но она снова улыбнулась ему и только заколлировала...

Пятница, 20.30

Дом бабы Гути стоял на окраине, за ним была большая поляна, прозванная народом Тополиной, а там уже речка. Разбитый асфальт центральной деревенской улицы заканчивался как раз напротив бабушкиного дома, переходя в не менее разбитую пыльную грунтовку. Дорога шла дальше, до парома. И заканчивалась. Там, на другом берегу, жилья уже не было, так – несколько заимок и зимовьюшек. Раньше был деревни, колхозные фермы, деляны леспромхоза. Но все это пришло в запустение, жители поразъехались.

За рекой начиналась тайга, глухая и бесконечная. До горизонта и дальше, до гор. Дорога была тупиковая. А переправлялись летом на другой берег местные на сенокосы и пастбища, за ягодой, грибами да орехом. В последние годы еще много туристов повадилось те края посещать – модным стал экологический и экстремальный туризм. Рыбалка, сплав по рекам и прочее.

Алена остановилась перед бабушкиным домом. Ставни закрыты. Дома ли? Она открыла покосившуюся калитку палисадника, пробралась через заросли крапивы до ближайшего окна. «Хорошо, что в джинсах. Вот бы запрыгала в юбку!»

Постучала в ставню. Прислушалась. Дома! Хлопнула дверь, она услышала бабушкин голос во дворе:

– Ну-ка, идите отсюда! Прочь идите! Щас собаку спущу!

И баба Гутя стала колотить какой-то палкой по крыльцу:

– Вот я вам! Прочь отсюда сейчас же!

– Баба, это я, Алена!

– Кака-така Алена?! Сказала, идите отсюда!

Алена выбралась из крапивы, оказалась перед воротами:

– Бабушка, открывай же. А-ле-на.

– Алена? С города приехала? Ой-е...

Зашлепали бабушкины калоши по лужам, загремел засов, заскрипели навесы. Наконец открылась калитка в воротах. Баба Гутя нисколько не изменилась – такая же маленькая, скрюченная, в своем стандартном белом платке. В руке палка.

– Ты кого гоняешь, бабушка? – вместо приветствия спросила Алена.

– И точно Аленка. Надо-сь. Как ты здесь?

– Соскучилась, – совершенно искренне ответила Алена, обняв бабушку. – Я поживу у тебя немного?

«Какая же она маленькая и худенькая. В чем только душа держится...»

– Да живи ради бога, – бабушка потащила ее в дом. – А то я все одна да одна, ни поговорить, ни послушать. И готовить одной не с руки. Живи, милая. Сколько ж тебя не было?

В доме все было по-прежнему. Алена как будто попала в детство. Подумала: «Хорошо-то как!»

– Разувайся пока, а я молочка тебе налью. Свежее, утром Наталья приносила. Отдыхай с дороги, умаялась, чай. Да ты сама достань молоко с погреба, мне сгибаться-то тяжело. Помнишь, где?

Алена помнила все. Ей казалось, что она только вчера уехала из этого дома – все было такое родное и знакомое. Она села на деревянную, покрашенную коричневой краской лавку-диван со спинкой и подлокотниками, стоящую у самой двери. На этой лавке она иногда спала в детстве, когда в доме собиралось много народу.

– Так сколько же ты не приезжала? – продолжала бабушка. – Петька наш, грешник, уже четыре года как сидит. А вы с ним в прошлый раз вместе черемуху собирали, на дереве сидели. Лет пять, видно?

«Если не больше». Алена никак не могла сосредоточиться, чтобы посчитать. Да и зачем? В детстве она каждое лето проводила здесь, у бабушки в деревне. Но, чем старше становилась, тем реже тут появлялась. А после смерти отца вообще не приезжала...

– Тебе сколько сейчас?

– Семнадцать весной исполнилось.

– О, так, поди, школу кончила?

– Нет, еще год остался, в одиннадцатый только перешла.

– Раньше-то десять было.

– Теперь все одиннадцать лет учатся.

– Ты молоко-то доставай, сама попьешь. Вы ж там, в городе, молоко пьете, которое не ски-сает, да масло едите, которое не тает. Химия одна. А я блины заведу. Гостья ведь у меня. Одна-то не буду шарашиться, а тут сделаю...

О боже, бабушкины блины! Алена чуть не завизжала от восторга. Ура! Тут же открыла тяжеленную крышку погреба («и как бабушка одна ее открывает?»), достала трехлитровую банку молока («как всегда, на верхней ступеньке, чтобы вниз не спускаться»). Сразу налила себе полную кружку («значит, держат еще коров, оказывается»).

– Так на кого ты все-таки ругалась?

– А-а, мальцы хулиганят. Постучат, да убегут. Я пока обуюсь да оденусь, да выйду. Шибко долго. А их и след простыл. Схоронятся и подглядывают. Развлекаются. Издеваются над старухой, – добродушно рассказала баба Гутя.

– Так ты родителям пожалуйся!

– Да почто? Пускай. Им весело, да и мне не скучно.

Алена рассмеялась.

– А ставни почему не открываешь?

– Одной-то мне на что? Да и хвораю я. А ты поди, открой.

– Так вечер уже, стемнеет скоро.

– Ништо, потом и закроешь. Тебе на минутку делов, это мне на час.

Алена вышла во двор.

Никакой собаки, которой баба Гутя пугала юных хулиганов, во дворе не было. В собачьей будке был сложен какой-то хлам. Заржавевшая цепь сиротливо свешивалась с гвоздя в заборе. Сколько себя помнила Алена, у бабы Гути всегда жила какая-нибудь собака, обычная дворняга. Были разные – рыжие, черные, пестрые. Куда они исчезали и откуда брались новые, Алена не знала. Но все они были Шарики. Кличка была неизменной. А теперь Шарика не было...

Двор зарос травой, бурьяном, по углам – высоченная крапива. У ворот – тоже. Видно, что их уже много лет не открывали. Колодец совсем разрушился. Им давно не пользовались – вода там стала плохая. Ворота, ведущие в огород, висели вместо шарниров на каких-то проволочках. Кругом разруха и запустение.

А дом был еще крепкий, хотя и немного перекосялся – просел один угол. И крыша местами прохудилась. Дому было больше ста лет, и дом этот был особенный. Чем именно, Алена не знала, но помнила, как однажды летом из города приезжала целая бригада архитекторов, краеведов и еще каких-то мудреных специалистов. Приезжали специально ради бабушкиного дома – измеряли, фотографировали, что-то зарисовывали, что-то бурно обсуждали. Алена

поняла только, что построен он как-то по-особому, не как другие дома, бревна в стыках не так сложены. И для их старинного сибирского села это было необычно. Она слышала от ученых смешные слова: «в лапу», «косой замок», «ласточкин хвост», и удивлялась – солидные люди, а такой ерундой занимаются. Они тогда сфотографировали и бабушку с Аленой на фоне дома. Говорили, что напечатают в каком-то журнале, потом пришлют. Но так ничего и не прислали...

Она заглянула в баню. Дверь сорвалась с петель и сиротливо стояла рядом, прислоненная к стене. «Бедная банька, сколько ж лет тебя не топили?» В глубине бани виднелись подвешенные для просушки пучки трав. Алена улыбнулась: «Вот баба Гутя! Ста рая-то старая, хвора-то хвора, а травки свои не бросает».

Бабу Гутю в деревне любили и уважали. А если кто и не любил, то все равно уважал. Она была известной во всей округе травницей и целительницей. Не знахаркой – она лечила не заговорами, а травками. Сама собирала лечебные травы, сушила, сортировала по холщовым мешочкам, составляла специальные сборы. Алена с детства помнила запах этих лечебных трав – в бане, в сарае, на чердаке висели и сушились пучки с разными вкусными ароматами.

– Кишки крутит или во внутренностях послабление, ты курильский чай заваривай, да покруче. А чтоб не было впредь, если склонность организма такая, пей постоянно вместо чая да кофе. А коли простуда, так чтоб ночью пропотеть и утром легче стало, тогда череду прямо перед сном, – поучала бабушка очередную посетительницу, передавая пакетики со спасительными лекарствами.

Она не брала денег за свои травки и советы. Но ей приносили кто молоко, кто сахар, кто дрова приходил поколоть, кто воды принести. Так и жила...

Баба Гутя знала все народные приметы и практически стопроцентно предсказывала погоду.

– Ежели на медовый спас заморозков нет, то и весь пост до Успения не будет.

– В Ильин день сухо, так и дальше сушь стоять будет, а мокро – к дождям. И так шесть недель.

– Каков день в яблоневои спас, таков и Покров будет.

«Ходячий гидрометцентр», – называла ее Алена.

И председатель колхоза, и главный агроном не считали зазорным заехать к бабе Гуте:

– Августа Федоровна, что скажешь, когда сенокос начинать нынче?

И все оправдывалось!

А потом как отрезало... Приметы перестали «работать». Баба Гутя предсказывала, а ничего не совпадало. Она сокрушалась:

– Посмешищем стала под старость лет. Понастроили комбинатов да заводов, погоду попортили. Вон какое водохранилище отгрохали, море целое, заливы по всей тайге расползлись. Сивилизация... Как погода не поменяется? Поменяется... Ой-е...

Однажды в детстве Алена наблюдала, как в конце лета бабушка выкапывала корни... полыни. Она рассмеялась тогда:

– Баба, зачем тебе полынь? Кушать будешь?

– Ты не смейся, не смейся. Вот смотри – корни толстые нынче, следующий год дородный, урожайный будет. А были бы тонкие, хлипкие, так и мы голодовали бы. Природа, она все тебе расскажет, подскажет. Надо токо смотреть внимательно, да знать, куда смотреть-то...

Бабушка ей как-то рассказывала, что свекр ее, который тоже и травником, и лекарем был, сучок в амбаре под сеновалом привязывал, в тенечке и в сухом месте. Обычный еловый сучок на бечевке. А, может быть, и не совсем обычный. Так этот сучок у него вместо барометра был. Слов таких мудреных тогда, конечно, никто не знал – но погоду сучок предсказывал исправно. Вроде ведро стоит, и на небе ни облачка, но сучок вниз наклонился – ненастье будет. Дождь идет, а сучок вверх пошел – жди солнечной погоды, на покос собираться можно. Он рассказывал, что можно и сосновый сучок взять, но у того ход поменьше, не так явно видно. А вот пихта

или кедр – не работают... Алена тогда взяла и привязала еловую веточку в сарае. Каково же было ее удивление, когда веточка «заработала»!

...Алена нашла в сарае старый проржавевший серп, пару дырявых верхонок, вышла за ворота. Уже начинало смеркаться. Весь день она провела в дороге – сначала на электричке до райцентра, потом на этом стареньком пазике. Напрямую от города на машине можно было доехать часа за три-четыре с учетом разбитой вдрызг дороги. А вот так, на перекладных, с пересадкой – уходил целый день. Она уже вторые сутки не спала, и с ужасом думала о том моменте, когда все-таки придется лечь в кровать. И она снова останется наедине с навязчивым: «ЭТОГО не может быть. Просто потому что не может быть». Она пыталась уснуть в электричке, но, как только начинала дремать, тут же вздрагивала и открывала глаза, всеми силами души пытаясь вытолкнуть из распаленного мозга: «ЭТОГО не может быть». Хотела достать планшет, почитать что-нибудь легкое, чтобы отвлечься. У нее много чего было туда закачено, и не только учебники. Но в голову ничего не лезло... Так и мучилась в полудреме между сном и явью. Хорошо хоть в автобусе нашла спасение – воспоминания. И музыка.

Но вечно же так продолжаться не могло!

Она скосила в палисаднике полынь и крапиву, поправила как смогла покосившуюся калиточку, наконец открыла ставни, посмеиваясь про себя: «Соседи увидят, подумают – совсем старая спятила, на ночь ставни открывает». А, возвращаясь домой, не удержалась – заглянула в огород. Он всегда поражал ее воображение, казалось, у него не было конца-края. Она не знала, сколько в нем соток или гектаров, не разбиралась в этом, но даже сейчас, уже почти взрослая, поразились масштабам – дальний край огорода, загороженный жердями, едва виднелся в наступавших сумерках. Какое же впечатление он производил тогда на детей! Сейчас огород зарастал сорняками, баба Гутя даже картошку не посадила. Только в уголке было несколько относительно ухоженных грядок – морковка, свекла, чахлые помидоры. И горох. Бабушка всегда его садила для них, для детей. Вот и теперь посадила, наверное, по привычке. Детьми на речку они всегда бегали через огород – так было короче. Перелез через жерди дальнего забора – и ты уже на Тополиной поляне, а там и речка. А еще в дальнем углу огорода росла черемуха, целые заросли.

Там, среди черемуховых кустов, нет – не кустов, настоящих деревьев, было всегда прохладно, даже в летнее пекло. А в самой середине, где никогда и трава не росла, – темно и даже холодно. Они залазили наверх и сидели там часами, объедаясь на удивление крупными и сладкими ягодами. Спускались с черными руками и губами только когда рты схватывало так, что и говорить не получалось...

– Ты где так долго вошкалась? – бабушка уже заводила тесто на блины, просеивала муку. Эту жутко интересную работу в детстве всегда делала Алена. Она и сейчас хотела было забрать у бабы Гути сито, но передумала.

– Баба, я пока на речку сбегаяю.

– Ладно, Аленушка, сбегай.

«Аленушка». Ее редко кто так называл. Бабушка в детстве, мама иногда. Да так, кто-нибудь в шутку. А ей очень нравилось. Ей вообще нравилось ее имя – Алена. И ласковое, и звучное, и сказки напоминает. Она не знала точно, исконно русское ли это имя по происхождению, но считала, что это так – иначе откуда бы оно взялось в сказках? Модные современные имена типа Кристина, Анжелика, Снежана и подобные им, как ей казалось – для дискотек, ночных клубов, тусовок.

А, главное, это имя очень подходило именно для нее – не к ее внешности, а к характеру, к образу жизни. Она, всегда веселая и жизнерадостная, с неисчезающей улыбкой, излучающая оптимизм и положительные эмоции и заражающая ими других, идеально соответствовала

имени – Алена. И оно нисколько не казалось ей старомодным, устаревшим. Она была благодарна маме за это имя...

А мама в детстве частенько называла ее «мой Аленький» или «моя Аленькая», в зависимости от ситуации – возможно, из-за ее рыжих волос. Ох уж эти ее рыжие кудри, сколько она натерпелась из-за них! Но и была готова сказать им спасибо – ведь в карате она попала из-за той самой драки, когда мальчишки в школе вздумали в очередной раз обзывать ее: «Рыжая – рыжая, рыжая – бесстыжая». Или еще что-то такое же безобидное, но у нее тогда лопнуло терпение. В результате все случилось как нельзя лучше – она нашла свое карате, а обзывания, естественно, постепенно прекратились. А в старших классах она поняла, что иметь свои природные, натуральные рыжие волосы – это круто. Модно, вызывающе, привлекательно. Но в седьмом классе, замученная комплексами, решила втайне от мамы покраситься в черный цвет. Это, наверное, было бы ужасно! Но, тем не менее, она, не думая о последствиях, уже и краску купила, и даже инструкцию изучила. Хорошо, что мама вовремя обнаружила и отговорила...

А вот отчество ей не очень нравилось. Вернее, даже очень не нравилось. Она любила отца и уважала, его смерть стала для нее настоящей трагедией. И понимала, что не сам он так себя назвал – Серафим. Родные и друзья сокращали до просто Фима. Или Сима, кому как больше нравилось. А она, таким образом, была Алена Серафимовна. «Если вдруг стану учительницей, как же кошмарно это будет звучать!»

Она всегда удивлялась – о чем думают родители, давая имена детям. Ладно девочкам, а вот мальчишкам – их-то имена ведь потом превращаются в отчества! Нет, она понимала, что в принципе у ее отца нормальное имя. Его родителей, своих бабушку и дедушку, она не знала – они умерли еще до ее рождения. Наверное, они оба были верующими людьми. Ведь серафим – это кто-то типа ангела. Что ж в этом плохого? У Пушкина где-то было, она по школе помнила: «И одинокий серафим на перепутье мне явился...» Нет, не «одинокий», а «шестикрылый», она тогда все пыталась представить себе существо с шестью крыльями... Так она сама себя уговаривала, но отчество все равно смущало...

– Ты на речку пойдешь, тады и воды принеси речной, – вернула ее к жизни бабушка. – Ведра в сенцах. А эта, привозная, не та. Спасибо, что привозят, слава богу, но не могу без речной. Привыкла за жисть-то.

Чувствовалось, что баба Гутя соскучилась по человеческому общению и болтала без умолку.

– Баба, а что Шарика не держишь?

– Ой-е, милая. Его ж кормить надо. А мне куда, хворой. Летом еще кое-как, а зимой так совсем плохо. В лежку лежу. Мурка вот только живет. Скучно, конечно, без Шарика. Тот хоть потявкает, когда кто чужой. Но что поделаешь...

– А травы все сама собираешь?

– Сама, сама. Кто же еще? Пока шевелюсь малмало, хожу в поле, в лес. Но недалеко, за реку уж никак. Умру я скоро, Аленушка. И все, что знаю, уйдет со мной. Пожила бы с полгодика-годик, все тебе расскажу, все покажу. Все будешь знать. В книжках ваших да в энтерете этого нет. Мне бабка моя все передала, а ей – ее. А мне – некому...

Алена подумала: «В самом деле, пожить бы тут с полгодика. Хорошо бы. Просто пожить. Воду носить, блины печь, бабушку слушать».

А вслух сказала:

– Баба, мне бы с дядей Мишей встретиться.

– С отцом Михаилом?

– С ним.

– Какой он тебе дядя Миша.

– С отцом Михаилом встретиться, – согласно повторила Алена.

– Исповедаться, поди, хочешь?

– Ну, не совсем, – замялась она. – Поговорить.

– А что, завтра и пойдем. Я свечки поставлю, а ты и поговоришь. Я тоже давненько не была в храме.

– Где не была? В храме?

– Ну да, в храме, – гордо повторила баба Гутя. – Храм теперича у нас. Повезло нам с батюшкой. Богоугодный человек. Его стараниями храм и восстановили. Ты еще не видела?

Алена вспомнила, как, выйдя из автобуса на центральной площади – хотя какая это площадь, так, пяточок у магазина, – она заметила сверкающий купол на горке, на месте старого клуба, куда еще девчонками она бегали на дискотеки.

– Вот завтра и увидишь...

Дядя Миша был для нее таким же родным человеком здесь, как и баба Гутя. Кем именно он ей приходился по родственным линиям, она точно и не могла сказать. Но очень много времени тогда, в детстве, проводила в его семье.

Она, конечно, знала, что он священник, но тогда смутно представляла, что это такое. Думала, что это обычная работа, как, например, тракторист или почтальон. И ее очень удивляло, что совершенно посторонние люди обращались к нему «отец Михаил» и «батюшка».

«Какой же он ей отец, какой батюшка, он ей во внуки годится!»

Только много позже она поняла, что священник – это не работа, это служение, образ жизни. А по тому, с каким уважением односельчане обращались к дяде Мише, она чувствовала, что он полностью соответствует своему призванию...

Его жена, матушка Наталья, любила и привечала Алену. У них было две дочери, ровесницы Алены, одна, Ксения, чуть постарше, другая, Оля, – чуть помладше. И каждое лето Алена почти все время проводила с сестренками. Она их и считала своими сестрами. Потому-то и часто бывала в их доме. Стала как будто третьей дочкой, третьей сестрой. Она учила девочек сначала танцам, потом карате, а они ее – ловить рыбу, доить корову, разжигать костер. Это было счастливое время.

Иногда они втроем уплывали на пароме за реку, на другой берег – по ягоду да по грибы. Там были бесподобные нетронутые земляничные поляны и огромное количество маслят. Подальше шла черника-голубица, еще дальше – брусника. Но туда они не заходили. Ей очень нравилось плавать на пароме. Сначала наблюдать, как на него загружаются машины. В первую очередь – тяжелые тягачи-лесовозы. Мужики-водители суетятся, бегают вокруг, матерятся. Руководят. Лесовоз тихо-тихо, медленно-медленно заползает на паром, мужики подкладывают доски под колеса, и вот... Паром проседает, ухает, накреняется.

«Тонем?!» Нет, выравнивается, только по реке пошла волна.

Дед Егор, паромщик, иногда, когда паром легкий был, без машин, давал им подержать весло – огромное, тяжеленное, неповоротливое. И они, пыхтя и обливаясь потом, изо всех сил держали это непослушное гигантское весло, раздуваясь от чувства собственной важности.

Однажды они заблудились там, за рекой, и к парому вышли уже в сумерках. Им не повезло – паром был на другом берегу. Они перепугались – вдруг дед Егор уже ушел домой, и им придется здесь ночевать... Как они тогда кричали! Все трое потом охрипли и несколько дней разговаривали только шепотом. Но кричали не зря – дед Егор еще недалеко ушел и услышал их отчаянные вопли. Вернулся, перевез их уже в темноте, потом даже проводил к дому дяди Миши. Она там и ночевать осталась тогда...

Бабушка просыпала муку и ругалась сама на себя:

– Это прямо не бабушка, а како-то горе. Руки как крюки, вот все и валится... Так ты что же, специально приехала, чтобы с бабушкой встретиться?

– Ну-у, – смутилась Алена. – Не только. Тебя попроведать.

«И самой успокоиться...»

Но какое тут «успокоиться»? Она вдруг сообразила, что не привезла никаких подарков – ни бабе Гуте, ни дяде Мише, ни матушке Наталье, ни сестренкам своим названным, Ксении и Ольге. Занятая только своими мыслями и своими проблемами, она совсем забыла об этом. Ой, неудобно-то как! Хоть мелочи какие-нибудь, ведь не подарок дорог, а внимание...

– Баба, извини, я подарков-то никаких не привезла. Замоталась совсем, – извиняющимся тоном сказала Алена.

– Ой-е, – всплеснула руками бабушка. – Еще чего! Сама приехала – вот и подарок. В кои-то веки. И не надо ничо боле.

– Так и дяде Мише тоже ничего, – хоть ты тресни, не поворачивался у нее язык называть его «отцом Михаилом» или, тем более, «бабушкой».

– И ему ничего не надо. Он тебя увидит, душа возрадуется, вот и подарок.

– А девчонкам?

– Евойным-то? Ксюхе с Олькой?

Бабушка призадумалась:

– Им-то надо бы. Вы ж, молодые, любите это дело, подарки всякие да сурпризы.

Теперь уже задумалась Алена.

Она достала из рюкзака томик Есенина, пересчитала деньги. Одно время Есенин был ее любимым поэтом, тогда она постоянно таскала эту книжку с собой в сумочке. А так как с кошельками ей паталогически не везло, она их то сама теряла, то у нее их вытаскивали, она стала хранить деньги в Есенине. У нее менялись интересы, появлялись другие книги, другие поэты и писатели, потом вообще перешла на планшет. Но томик Есенина так и был с ней. Она только вклеила в него бумажный конвертик, чтобы деньги не вываливались. А мелочь по-мужски таскала в карманах.

Денег было достаточно много – все последние месяцы, пока еще работала, она откладывала с каждой полочки. Мама давно заявила, что в выпускном классе запретит ей работать – надо сдавать ЕГЭ, готовиться. Хотя сама Алена никуда поступать и не собиралась. На бюджет с ее учебой попасть было нереально, а о платном обучении можно было и не мечтать. Маме пока ничего не говорила, чтобы не расстраивать. Да и с одноклассниками поддерживала разговоры насчет факультетов, специальностей, проходных баллов...

Она положила книжку с деньгами назад, в рюкзачок. Что она сможет здесь купить? Да и когда?

И тут решила: «Отдам девчонкам планшет. Он им наверняка пригодится, тоже ведь выпускницы. И удалять ничего не буду. Если у самих есть планшеты, так „внутренностями“ пусть пользуются. А мне... Он вряд ли в ближайшее время понадобится».

И, довольная принятым решением, спохватилась: «Я же на речку собиралась!»

– Ну все, я побежала, – уже из сеней, гремя ведрами, крикнула Алена.

Вдогонку услышала:

– Только быстро, а то к блинам опоздаешь.

«Ну, уж нет. К бабушкиным блинам – ни за что». Но тут же вернулась, сняла кроссовки:

– Босиком пойду, как раньше.

– Что ты! – охнула баба Гутя. – Холодно. Сентябрь ведь, осень. Да и дождь прошел. Одевайся-ка ладом.

– Ничего, я не долго.

– Вот поперешная...

Все лето она наравне с деревенскими носилась босиком, и сейчас просто не представляла, как будет идти по травке-муравке Тополиной поляны в кроссовках. Кошунство!

Она пошла не в огород, а через калитку, по дороге. Правда, сначала пришлось помучиться на острых камнях гравийки, зато потом, когда свернула на влажный прохладный песок проселка, ведущего через Тополиную поляну к реке, босые ноги сразу вспомнили детство. Она даже запрыгала на одной ноге. Это было одно из их любимых развлечений – в жаркий-жаркий день бегать босиком по раскаленному песку этой самой дороги. Подпрыгивать то на одной ноге, то на другой – до того обжигает! Соревновались – кто дольше продержится. А потом заскочить на прохладную мягкую травку. Верх блаженства. И всей толпой – на протоку, купаться!

Сюда, на Тополиную поляну, приезжали отдыхать со всей округи, даже из города – уж очень было место замечательное. Прямо как в сказке – ровная мягкая травка без сорняков, семь огромных тополей, разбросанных по всей поляне, и больше ни одного деревца, ни одного кустика. А сразу за поляной, под высоким обрывом – песчаный пляж и речка. Мечта! Все лето на поляне стояли машины, палатки приезжих. А они, местные, деревенские, черные от загара, важные и деловые, проходили мимо, всем видом показывая – а нам-то повезло, мы живем здесь!

Пологий спуск к воде был только в одном месте, туда и вела дорога, по которой сейчас прыгала Алена. По ней за речной водой ездили деревенские. Артезианская, из скважины, многим не нравилась, как, например, и самой бабе Гуте.

Посреди реки, напротив поляны, был остров, и берег от него отделяла мелководная протока, вода в которой прогревалась до состояния парного молока. Вся деревенская ребятня целыми днями плескалась в протоке. Только в одном месте было достаточно глубоко, и старшаки устроили там нырялку-прыгалку из длинной упругой доски. А весь верх глинистого обрыва был утыкан черными отверстиями ласточкиных гнезд.

Те, кто постарше, переплывали через протоку на остров и там загорали среди низкорослых кустов. Ребятня шепталась, что девушки там загорают и купаются совсем голыми. А самые отчаянные рисковали переплывать и через всю реку на другой берег.

Но река была очень опасна, особенно когда вода поднималась. Немало жизней унесла. Им же, малышне, хватало развлечений и удовольствия плескаться на песчаном мелководье под обрывом.

Они затаскивали на самый верх обрыва ведерки и плошки с водой и заливали «летнюю горку», скатываясь по мокрой скользкой глине прямо в воду. А по соседству с ласточкиными гнездами рыли норы и целые пещеры, где прятались от летнего зноя. Откуда потом, перепачканные песком и глиной до самых макушек, с визгом летели вниз, в теплый «лягушатник»...

Алена с Ксюшей и Олей часто уходили подальше от протоки, от шума и гама, и вместе с пацанами ловили рыбу – так, гольянчиков да прочую мелочь. Кошке на радость.

У нее было много в деревне двоюродных-троюродных сестер и братьев, они все вместе собирались на протоке, а после, ближе к вечеру, умаявшись, шли к Алене. То есть к бабе Гуте – дом-то ближе всех был. А там – воды попить, или молока, если было, да по куску мягкого белого хлеба – и на черемуху. Или за горохом.

Каждое лето они «воевали» с приезжими. Проблемы было две. Во-первых, мало кто из «чужих» был настолько предусмотрительным, что привозил с собой дрова. А на месте их взять-то было негде! Доходило до того, что самые «отмороженные» покушались на святая святых – на тополя. Или пытались воровать дрова в деревне. Малышня-то малышня, но они тогда решили проблему – договорились с родителями и стали таскать всем желающим дрова за небольшую плату. Всем хорошо – и тополя целы, и у «дровоносов» деньги на мороженое-лимонад-конфеты появились.

А, кроме того, приезжие разжигали костры, причем кто где захочет. Нет, чтобы на старом кострище – так каждый раз на новом месте. Скоро вся поляна оказалась изуродована черными

проплешинами. И как-то в начале лета они за несколько дней оборудовали стационарные места для биваков – с лавочками, столиками. Конечно, не без помощи взрослых, но идея-то была их, детей.

Она расстроилась, обнаружив сейчас лавочки разломанными, обшарпанными и облезлыми. Подошла, присела на остатки одной из них. Видимо, кто-то когда-то предпринимал попытку облагородить поляну, покрасил их лавочки. Даже кострища обложили кирпичами и большими гладкими булыжниками, тоже раскрашенными в разные цвета. Но потом все забросили. И получилось только хуже. Краска на лавочках почти вся облезла, и сами они стояли покосившимися и полуразбитыми уродами. Столиков вообще не было, остались только одинокие пеньки. Приезжие вандалы их, наверное, на костры пустили. Кирпичи и камни валялись, в беспорядке разбросанные по траве.

Но Тополиная поляна будто доказывала всем, что есть вещи на свете вечные, незыблемые. Проплешины зарастали, травка-муравка восстанавливалась. Шрамы на тополях затягивались, и они по-прежнему возвышались неземными великанами, создавая драгоценную тень во время летнего зноя. Алена была уверена – так всегда будет...

Была и еще проблема – приезжие частенько порывались машины свои в речке помыть. Спускались по «водовозной» дороге к реке, заезжали прямо в воду. Но с этим разбирались уже не дети, они просто бежали в деревню и звали на помощь взрослых...

Алена бродила в ледяной воде, закатав джинсы, но ей не было холодно. Она с трудом сдерживала слезы. Она вдруг так ясно, каждой своей клеточкой поняла, что она уже взрослая. Детство закончилось и никогда не повторится. Там, тогда была «та», совсем другая жизнь. А здесь и сейчас – «эта». Взрослая... И проблемы теперь у нее тоже... взрослые. «ЭТОГО не может быть...»

Стоп! Только не сейчас.

Она огляделась – ни на поляне, ни на дороге никого не было. Она впервые оказалась здесь осенью. В разгар лета всегда вокруг было много народу. А сейчас – никого. Ну и хорошо. Она только порадовалась. Разделась и нагишом поплыла в холоднющей воде. Недолго совсем, пару раз нырнула с головой и выбралась на берег. Попрыгала для согрева, сделала несколько движений из ката, быстро оделась, набрала воды в ведра и побежала домой, к бабушке. Ей стало жарко – так всегда было после ее утренних обливаний. Купание очень хорошо взбодрило ее, голова стала спокойной и ясной, во всем теле чувствовались легкость и свежесть. Хоть взлетай!

Обливаться она начала несколько лет назад. Поневоле. Когда она бросила карате, организм ее, привыкший к постоянным нагрузкам, начал возмущаться, бунтовать, а в конце концов совсем расклеился. Да и смерть отца основательно надломила ее жизненные силы. У нее обнаружилась хроническая ангина. Чуть что – ветерок там или под дождь попала – и сразу горло начинало болеть, потом сопли, температура. И все – постельный режим.

– Гланды у нее слабые, – объясняла маме участковая врачиха.

– И что же делать?

– Закаливаться...

Потом появилась аллергия. Неизвестно на что. Мама избавилась и от собаки, и от кошки. Водила ее по врачам, диагностическим центрам, но причину аллергии так и не обнаружили. А тут еще началась гормональная перестройка организма – она вступила в переходный возраст. И стало совсем плохо. Ее спас Порфирий Иванов. В интернете она наткнулась на его систему. Попробовала. Помогло. И с тех пор каждое утро начиналось для нее с молитвы и обливания холодной водой, по возможности – стоя босиком на земле, впитывая ее силу, пополняясь ее энергией. Она изменила его систему, «подогнала» ее под себя. Спускаться вниз на улицу, на газон у подъезда с двумя тяжелыми ведрами с водой, а там обливаться, стоя в одном купальнике на глазах у спешащих на работу соседей... Это ее очень напрягало, особенно зимой. Нет,

не морозы ее смущали, а косые взгляды прохожих, готовых покрутить пальцем у виска. Она стала обливаться дома, в ванной.

Кому она молилась, она бы не смогла сказать. Крестик она не носила, в церковь не ходила. Так, была пару раз на экскурсиях. Молилась Богу. Своему. Она знала историю Иисуса Христа, читала Евангелие и самые интересные главы из Ветхого завета. Верила ли она в Иисуса? Да она сама не знала! И даже не задумывалась об этом. Просто молилась Богу, который есть. И это она знала точно. Не верила, а именно знала – есть. Она не помнила ни одной молитвы, даже «Отче наш». Но у нее постепенно составила свою собственная молитва, в которой соединились все ее желания, помыслы, мечты. С течением времени ее молитва видоизменялась, дополнялась. Но никогда и никому она не произнесла бы ее вслух. Это была только ее молитва, и это был только ее Бог.

Вообще-то сама для себя она слово «Бог» не использовала. Она не называла «Это» богом или еще как-нибудь – «вселенским разумом» или «информационным полем», модными нынче терминами. Она вообще «Это» никак не называла. Просто бывала «Там», приобщалась к «Этому»... И была счастлива.

Ну, а раз люди придумали для «Этого» название «Бог», что же – пусть так и будет. Бог так Бог.

Система «работала» – болячки ее отступили, но прекратить обливания она уже не могла. Во-первых, она чувствовала, что тут же организм снова расклеится, причем будет гораздо хуже, чем раньше. А, кроме того, эти ее обливания стали для нее как допинг – такая свежесть, бодрость, такая жизненная сила появлялись и в теле, и в голове! Она была уверена, что именно обливания помогали справиться ей с тяготами последних лет.

Но самое главное было даже не в этом. Время от времени во время молитвы она вдруг начинала испытывать те самые непередаваемые ощущения, которые в свое время давали ей ката – разрывалась на миллионы кусочков и уносилась в манящую бесконечность, в вечный свет. И – ощущение счастья. Только не того, полудетского, неясного, какого-то легкомысленного и веселого. А нового – глубокого, насыщенного, чуть-чуть грустного. Взрослого. Как будто приоткрывалась «калиточка» в другой мир – далекий и светлый. И в эти мгновения она чувствовала, что Бог, которому она молится, ее слышит, понимает и принимает. Поэтому она так уверенно и знала, что Он – есть. Ей не надо было верить в него, ей достаточно было просто иногда общаться с Ним.

Почему это происходило и от чего зависело, она не знала, да и не очень задумывалась. Но ей было очень нужно хоть иногда, пусть и редко, иметь возможность обращаться к Нему. И ей казалось, что и Ему это тоже нужно. Поэтому Он и приоткрывает время от времени свою калиточку, запуская ее к Себе. И она продолжала молиться и обливаться.

Как бы она не была занята, какой бы напряженный и насыщенный день не предстоял впереди, сколько бы дел не было запланировано – в первую очередь у нее была утренняя «процедура». Не выполнив этот свой ежедневный «ритуал», она просто не могла ничего делать. Мало того, что физически чувствовала бы себя совершенно разбитой, но, главное, не простила бы себе «упущенной» возможности – а вдруг именно сегодня один из тех дней, когда ей в очередной раз приоткроется заветная «калиточка»...

Ей приходилось ради этого раньше вставать, жертвовать самым сладким утренним сном, но она без сомнений шла на эту жертву. Да это и не жертва была вовсе. Взамен она получала несоизмеримо большее – здоровье, бодрость и, хоть и редкие, но бесценные мгновения общения с Ним.

В городе был клуб «ивановцев», приверженцев системы мудрого старца. Она несколько раз там побывала, но бросила – не нужны ей были все эти собрания, семинары, совместные чаепития. Да и некогда было. Так и осталась со своей собственной «помогаевской» системой...

Когда она вернулась, бабушка уже всю воевала со сковородками, будто и хвори все прошли. На столе, как обычно, блюдо с растопленным маслом и сахаром. Рядом – стопка горячих блинов, толстых, поджаренных, ароматных. У Алены буквально слюнки потекли. Она же весь день ничего не ела, а тут – бабушкины блины. Успела! Она поставила ведра и не удержалась – схватила верхний блин. И чуть не обожглась. Вытащила из стопки другой, подостывший, свернула, как в детстве, в куколку. И тут же услышала:

– А руки мыть?

Она рассмеялась – так было всегда. Тогда, в «той» жизни.

– Я в речке вымыла.

Алена макнула куколку в масло с сахаром:

– Откуда это?

– К соседке сходила. К Наталье, – бабушка разбегалась, расшевелилась, даже как будто помолодела. – Надо же гостью привечать. Ой, спасибо, Аленка, хоть приехала, слава тебе, Господи. Не охота мне самой... Одной-то. Да че не охота – не могу раскошегариться сама-то. На меня сделали порчу каку-то. Вот лежу, и все. Другой раз нога болит. А другой раз и не болит, а все лежу. Одно слово, порчу сделали. Ну, хватит, бабушка, балаболить. А то бабушка может гутарить да гутарить... А ты, робятишка, молодец, и на речку сбегала, поглядела. Промялась.

Алена наслаждалась. Покоем и умиротворением. Сидела бы так и сидела. Она ела блины, слушала бабушку, не особо вникая в смысл слов, и чувствовала, что засыпает.

Блины были бесподобны. Как всегда у бабушки. Раньше она пекла их в печке, шуровала длинным ухватом, задвигая сковородки на раскаленные угли. Ну, и блины получались особенные, с неповторимым ароматом и вкусом – такие можно испечь только в русской печи. Алена помнила, как они, дети, отыскивали запеченные в блины уголечки – к счастью...

А бабушка все болтала:

– Я-то даже численник не купила нынче. Как дурочка, так и живу, ни численника, ни радио. Вот дни теряю, и все тут. Какое ноне число, доча? Знаю, что сентябрь...

– Седьмое сентября, баба.

– Ой-е! А ты как приехала? Учеба-то началась, сентябрь уж неделю. Школу бросила, что-ль?

– Нет, баба, я отпросилась, – не моргнув глазом, соврала Алена. – Вернусь, догоню. Я же ненадолго.

«А вернусь ли? Все к экзаменам начинают готовиться, к ЕГЭ. Выпускной класс. А я вот здесь. У меня свой экзамен. И что с ним делать?»

Бабушка вовремя тормознула ее мысли:

– Ну, ты ешь, ешь. Да спать иди, умаялась, поди, в дороге. Автобус-то до города уж сколько лет не ходит.

Прямой рейс отменили несколько лет назад – нерентабельный был.

– А завтра рано вставать, к отцу Михаилу с утра надо идти. Или вечером пойдем? Суббота завтра ведь, да? Вечером всюнощную служить будут, батюшка исповеди принимать. Может, тогда и пойдем?

– Нет-нет, с утра. Пораньше.

– Ой, милая, а крестика-то на тебе нету. Как пойдешь? Ой, беда.

– Да так и пойду. Не преступление же это, – Алена о такой проблеме и не думала.

– Крещеная-то ты крещеная, знаю. Мать еще младенцем окрестила, хоть тут сообразила. Как там она? – вспомнила наконец она про дочку, Аленину маму.

– Работает, – коротко ответила Алена. Она знала о взаимной неприязни бабушки и мамы. Удивительно, но своего зятя, Алениного папу, баба Гутя любила больше, чем родную дочь.

– Все робит и робит, грешница. Эх, Люба-Люба, всех денег не добудешь, – тут же начала недовольно ворчать бабушка.

Алена не знала причин их старой-старой размолвки. Но на ее памяти мама ни разу не была здесь, в деревне у матери. Алена приезжала сюда только с папой. Даже смерть отца их не примирила. Еще девчонкой краем уха она как-то слышала, то дело было в каком-то мужчине, что якобы в молодости мать вела не очень праведный образ жизни... Но и мама, и папа были для нее непререкаемыми авторитетами, образцами для подражания, она их искренне любила и видела, как они любят друг друга. И не хотела даже слушать какие-то деревенские сплетни, тем более – «дела давно минувших дней». Но очень хотела, чтобы мама и бабушка помирились. Или хотя бы встретились. Много раз после смерти папы она уговаривала маму съездить сюда, в гости к бабушке. Та вроде бы уже и не отказывалась, но так и не получилось. Алена даже сама ни разу не побывала здесь с тех пор...

Обычно папа привозил ее сюда в начале лета, несколько дней жил, сколько успевал – помогал по хозяйству своей теще, то есть бабе Гуте. И уезжал, оставляя ее на все лето под присмотром бабушки. Его работа была как-то связана с геологией, и отпуск был у него только зимой. А с бабушкой было хорошо! Вообще, она была уверена, что бабушек придумали для того, чтобы у детей было детство. Нет, бабушка ее не баловала, не сюсюкала с ней. Она общалась с ней, как с взрослой и вполне самостоятельной. Давала ей полную свободу. И, странное дело, Алена совершенно добровольно и естественно, без всяких просьб, напоминаний и уговоров, как обычно бывало там, в городе, помогала бабушке чем могла – и посуду мыла, и грядки полола, и воду таскала...

– Ой-е, да ты спишь совсем, – спохватилась бабушка. – Погоди, посиди здесь, поешь еще. Постелю тебе. Где будешь спать, на кровати или на полу?

– На полу, конечно. Как раньше, как в «той» жизни, – еле ворочая языком, ответила Алена. Вкуснейшая сытная еда, купание в холодной речке окончательно сморили ее.

Едва живая, она прошла в комнату, разделась. Залезла под теплое лоскутное одеяло и тут же утонула в мягкой перине. Бабушка подоткнула ей одеяло со всех сторон, как ребенку, перекрестила на ночь и ушла на кухню. Сейчас будет шарашиться там полночи. Но встанет, как всегда, рано утром – деревенская привычка. Сама баба Гутя жила в закуточке за печкой, там стояла ее кровать, маленькая тумбочка – и все. Больше ничего бы и не вошло. Свой закуточек она «квартирой» называла – «пойду в свою квартиру», «посмотри в моей квартире»...

А комната, чистая, всегда убранная, с разноцветными половиками и крахмальными салфеточками – для гостей. Бабушкина «квартира» соединялась с кухней, и, через дверь, с комнатой. Получалось, что можно было свободно обойти вокруг печки. Этим и любила заниматься маленькая Алена в «той» жизни. Только у нее получалось не «обойти», а «оббежать». И очень быстро.

– За ставни уж не беспокойся, сама затворю, – бабушка кряхтела, собираясь на улицу.

В комнате стоял телевизор, но он давным-давно не работал. Так, для интерьера. На окнах, за тюлевыми занавесками, вечный куст алоэ и постоянно цветущая герань, еще какие-то цветы...

Напряжение последних дней отступило. Срабатывало бабушкино правило «трех Т» – чтобы хорошо спалось, должно быть тепло, темно и тихо. «Нет, не зря я сюда приехала». Алена улыбнулась сама себе и провалилась в целебный спасительный сон...

Суббота, 7.00

Утренний сон прервался быстро и неожиданно. Денис проснулся от голоса телевизионного диктора. Телевизор в палате работал непрерывно, с утра до вечера. Прапорщик, едва проснувшись, первым делом нажимал кнопку на пульте, а потом уже шел умываться, бриться и так далее. Он сам смотрел все спортивные передачи без разбора, Олег иногда переключал на новости, рискуя спровоцировать постоянно всем недовольного Геннадия на бесконечное

ворчание и бесконечные споры. А Бортник-Пасечник и еще парочка более-менее адекватных пациентов благосклонно допускались на вечерние сериалы...

Денис взглянул на часы – еще только семь утра. Покрывало с двери было уже снято.

Он встал и, как обычно, начал делать зарядку.

– Да ты спортсмен, что ли? – наблюдал за ним Геннадий.

– Сейчас уже нет. А в молодости было дело.

– А чем занимался? – спросил проснувшийся Олег.

– Хоккей с мячом.

– Ух ты! – обрадовался Геннадий. «Понятно – болельщик же».

Денис, чтобы избежать его нудных и дотошных расспросов, быстренько убежал умываться.

В коридоре столкнулся с Кириллом:

– Ты что, ночевал здесь, что ли? – удивился Денис.

– Нет, конечно. Просто завтра воскресенье.

– И что?

– У нас будет общее богослужение. Вот мне и надо объяснить желающим, куда и как ехать.

– Слушай, Кирилл, я в инете вечером посмотрел эти ваши апостольские церкви. Оказывается, их много. «Краеугольный камень», «Любовь Христова», «Слово жизни», «Мировая жатва», «Дом жизни». Всех и не упомнишь. А вы кто?

– Мы «Благая весть». Благая весть – это Святое Писание, это Библия, которая есть основа всей церкви.

– Так зачем вас столько? И чем вы отличаетесь?

– Знаешь что, Денис, завтра тоже приходи, там все поймешь. На все вопросы получишь ответы. Знаешь Дом Культуры у Заречного рынка?

– Видел, знаю. Много раз мимо на автобусе проезжал.

– Вот туда и подходи к пяти вечера.

– А здесь как? Потеряют...

– А что здесь? Я же говорю – завтра воскресенье. Врачей не будет, только сестра. А ей что – лишь бы таблетки выдать и уколы поставить. Тебе уколы еще ставят?

– Ставят.

– На ночь?

– Ну да.

– Это успокаивающее, чтобы спал хорошо. Таблетки утренние заберешь, после обеда тоже. Служба до семи, к ужину еще успеешь.

– К ужину-то никак...

– Ну и ладно, мужикам скажешь, в палату принесут, потом поешь. А к уколу в любом случае вернешься. Все так ездят.

– Даже не знаю...

– А что тебя смущает? Все равно просто лежишь, ничего не делаешь. А так хоть время с пользой проведешь. Не понравится, никто тебя держать не будет – уйдешь. Двое парней из третьей палаты тоже поедут. Можешь с ними. Пойдем, познакомлю.

– Из третьей? Нет, я уж лучше сам.

– Ну и ладно. Значит, договорились. К пяти. Приезжай пораньше, я тебя встречу.

Когда Денис вернулся в палату, Геннадий уже пил чай:

– Садись, чай попьем, пока завтрак не привезли. Вон, печенье есть.

Расписание столовой было плавающим. Завтраки, обеды и ужины привозили на машине из «головного» диспансера, а здесь, в филиале, только разогревали. Ехать было далеко, из центра города, на дорогах пробки, старенькая «Газель» часто ломалась, так что когда будут кор-

мать, никто не знал. Но кормили, на взгляд Дениса, неплохо. Он, совершенно непривередливый в еде, был доволен вчерашним ужином.

– Тебя что, опять этот Кирилл из церкви обрабатывал? – спросил Олег, наливая чай себе и Денису.

– Да не обрабатывал. Так, поговорили немного.

– На службу приглашал?

– Ну да. Завтра.

– Поедешь?

– Не знаю даже. Вроде интересно.

– Нет там ничего интересного, – вдруг с какой-то злостью сказал прапорщик. – А Кирилл этот вообще пройдоха и обманщик.

Он взял опустевший чайник, запасную банку и вышел – воды набрать.

– За что он его так? – спросил Денис.

– Кого, Кирилла? Это еще цветочки, – усмехнулся Олег. – Тут до тебя полковник один лежал...

– Полковник? – удивился Денис.

– Ну да. А чему ты удивляешься? Они что, не люди?

– Просто странно...

– Да они пьют еще побольше гражданских. Так вот, лежал он здесь...

– Здесь? – Денис показал на свою кровать. История ее прежнего хозяина не выходила из головы.

– Это еще до Кольки было. Вот уж кто воспитывал бедного Кирилла. Тот у полковника и по стойке смирно стоял, и чуть ли не строевым ходил.

– А чего добивался?

– Полковник-то? За православие горой стоял. Сам некрещенным был, но истинно русской верой только православие считал. Вот и ополчился на всех этих католиков-протестантов. А тут Кирилл...

– И что?

– Да ничего. Закодировался полковник, укол поставил и ушел. Хороший мужик был, с Бякой все играл... А Кирилл, как видишь, остался. У прапора нашего кишка тонка оказалась с ним справиться. Да и зачем, собственно говоря?

– Вот именно, от них же и польза есть, – согласился Денис. – Реабилитационный центр...

– «Ребик», что ли? – спросил вошедший Геннадий.

– Как?

– Да они так сокращенно его сами называют. «Ре-а-би-ли-та-ци-он-ный» не выговоришь, барракуда. Тем более, когда язык плохо ворочается.

– Чем они там занимаются?

– Библию изучают.

– И все?

– Нет. Не только. Еще работают.

– Работают? Где?

– Кто на стройке, кто по хозяйству. Они же в частном доме базируются. Дом снимают в Костино.

Денис знал этот район – деревня в черте города, сплошной частный сектор. Как-то, еще на первом курсе, он с несколькими одноклассниками, подрабатывая грузчиками, разгружал там машины с дровами. Впечатление осталось крайне неблагоприятное – грязь и запустение.

– Небольшой домишко, две комнаты. Но хороший, добротный, чистенький.

– Ты что, был там?

– Был, конечно. Пожить хотел.

– И что?

– Да как сказать... Ко двору не пришелся, барракуда.

Олег хохотнул:

– Ко двору? Конечно, там же работать надо. А тут – лежи себе, телевизор смотри. Накормить накормят...

– И много народа там? – остановил начинавшуюся перепалку Денис.

– Когда как. Человек восемь-десять. Максимум двенадцать. Они и больше принимали, но тесно было. Две комнаты всего.

– А кормят?

– Конечно.

– И что, сами готовят?

– Нет, сестры за ними ухаживают – готовят, моют, стирают. Братья уроки проводят. Вообще там все довольно жестко. Подъем в шесть утра. Молитва. Потом или на разгрузку вагонов, или на стройку. Там рядом многоэтажка строится.

– Каменщиками?

– Да какими каменщиками. Все без специальности. Просто подсобными рабочими. Приноси-подай.

– А зарплата?

– Никаких денег. Это, в общем-то, правильно. Чтоб в ближайший киоск сбегать искушения не было.

– Что, и карманных денег не дают? Так, на расходы.

– На какие?

– Ну, на сигареты, например.

– Ха, на сигареты. Курить грешно. Там никто не курит. Кто курил – бросает.

– Ну да? И правда, жестко.

– Но зато тихо, спокойно. Все при деле. Свободного времени нет.

– Потому оттуда и сбежал, – снова вклинился Олег.

– Мужики, закурить дайте, – в палату ввалился заспанный, явно еще не умывавшийся Пасечник. Денис вытащил пачку, дал ему сигарету.

– Вот спасибо, Денис. Ты же Денис? Дай еще штучку. Не накурюсь с утра одной-то. Вот еще раз спасибо, – как будто оправдываясь, Пасечник прошел к балконной двери.

– Эй, Пчеловод хренов, – остановил его прапор. – Шуруй к себе или в курилку. Нечего у нас курить, тем более с утра...

Тот, не обращая внимания на Генку, прошмыгнул на балкон и закрыл за собой дверь.

– Денис, ты ему не давай сигареты, – наставительным голосом сказал Геннадий. – Не напасешься. Свои все раздашь, потом сам побираться будешь. А он раньше и не курил совсем. И не пил. Им на пасеке нельзя. А пасека пропала – у него как крышу снесло, барракуда. С катушек слетел. Курит нещадно, пачки две в день, наверное. Да и пил беспробудно, пока суда не попал.

– Наверстывает упущенное за бездарно прожитые годы, – философским голосом обобщил Олег, собирая бритвенные принадлежности. – А ты что умываться не идешь?

– Ты мной не командуй, – огрызнулся Геннадий.

Денис не удивился такой реакции. Вчера вечером, во время их балконных перекуров между «компьютерным ликбезом», Олег рассказал коротко историю бывшего прапорщика. Когда ликвидировали училище, тот оказался и без работы, и без жилья. Он развелся за несколько лет до этого, а сам жил в училище – обустроил там себе комнатенку. А когда весь жилой фонд передавали из Министерства обороны в муниципалитет, его беззастенчиво выгнали прямо на улицу. Не возвращаться же к бывшей жене, у той и семья уже новая... Он с горя запил, жил с бомжами. Потом оказался здесь, в диспансере. Тут и остался. Почти

четыре года живет. А потом у него обнаружили рак... Денис не стал уточнять, рак именно чего. Это известие и так для него было полной неожиданностью. Олег предупредил, что Геннадия мучают приступы сильнейшей боли, особенно по ночам. Обезболивающее теперь слабо помогает, так что с утра он частенько бывает злой и раздражительный. И тогда уж ему под руку не попадайся...

– Тоже мне, командир нашелся, – продолжал Генка-Барракуда. – Ты за собой бы лучше следил. Ночью чай пили? И ничего за собой не убрали – ни сахар, ни печенье. Стол даже не вытерли...

«И что, мне здесь всю неделю бичевать? Мужики они, конечно, хорошие. Но...»

Он не успел додумать мысль. На кровати напротив заворочался вчерашний толстый мужик, которого прапорщик назвал Антохой. Что-то промышал, потом с трудом сел, тупо оглядываясь по сторонам, выпучивая красные заплывшие глаза.

– Воды дайте...

– Сам возьмишь, барракуда, – зло ответил Генка. – Тебе сколько раз говорили? Нажрешься, так чтоб ноги твоей у нас не было... Ботинки хотя бы мог снять.

– Не бурчи, – с трудом ворочая языком, хрипло огрызнулся Антоха. – Видишь, тошно.

– Зато вчера было хорошо, – рассмеялся Олег.

– Твое счастье, что суббота сегодня. Ни Натальи, ни Григорьевича нет. Попался бы ты им на глаза. Ну ничего, я все расскажу, – распалялся Генка.

– Ты, паскуда... Молчи лучше...

– Денис, пошли бриться, пусть они тут сами грызутся, – Олег, ухмыляясь и с трудом сдерживая смех, вышел из палаты.

– Да я через день бреюсь, – Денис провел рукой по щеке. Конечно, побриться бы не мешало, но уж очень не хотелось торчать в этой умывалке-курилке. Да и было интересно досмотреть начинающееся представление под названием «Злой по жизни прапор верзус злой с похмелья Антоха». Но битва не состоялась.

– На разгрузку! – раздался крик под балконом.

– Твое счастье, – буркнул Генка, поворачиваясь к Антохе. – Вернись, чтоб духу твоего здесь не было. Понял?

Тот пытался что-то ответить, но язык явно не слушался. Геннадий вышел на балкон.

– Что так рано сегодня? – крикнул кому-то там, внизу.

– Серега машину в сервис погонит, – раздалось в ответ. – Так что обед позже будет.

– Начинается, барракуда, – прапорщик вернулся и начал одеваться. – Хорошо, если обед к вечеру подвезут, вместе с ужином. Все, Денис. Пошел я бачки таскать.

– Давай я помогу.

– Нет, тебе нельзя. Ты у нас, постоянных, хлеб не отнимай.

– Вам что, платят за разгрузку?

– Нет, конечно. Ну, скажем так, это хоть как-то оправдывает наше здесь существование. Бачки разгрузить, мебель перетащить, бумаги на другой этаж отнести. Так, по мелочи... А ты на завтраке хлеба побольше возьми, здесь что-нибудь сгоношим...

Пока бедный Антоха пытался подняться, потом отпаивался холодной водой прямо из банки, Денис тоже вышел на балкон. Поежился – было прохладно. Понятно, все-таки осень. Утро...

Бригада напротив уже работала. «Суббота, выходной. Все равно работают. Вчера допоздна, сегодня спозаранок». Тот, который внизу, продолжал наполнять ведра, верхние поднимали. Потом высыпали утеплитель, а пустые ведра для ускорения процесса не на веревках спускали, а просто бросали вниз. Вот полетело очередное ведро... точнехонько по голове нижнему. Денис даже вскрикнул. Но тот, на удивление, не орал, не матерился. Спокойно продолжал нагребать перлит. Пока Денис курил, бедняга еще раза два получал пустыми ведрами

по голове. И все спокойно. «Азия. Кто ж их поймет». Ему вдруг стало грустно и жалко бедного узбека-киргиза – каски в этой бригаде предусмотрены не были...

Он вернулся в палату и чуть не наступил на мохнатую Бяку... Немного подумал, потом взял ее на руки и так, поглаживая черное шерстяное чудовище, уселся на кровать. Он чувствовал себя неимоверно уставшим и совершенно разбитым. То ли от вчерашней капельницы, то ли от сегодняшнего раннего подъема...

Суббота, 10.00

Юрий не спал практически всю ночь, уснуть удалось только под утро, когда уже начинало светать. Но проснулся, как ни удивительно, бодрым и свежим.

Вчерашняя случайная встреча с Любой была для него совершенно неожиданной. Но еще неожиданней она закончилась.

Выйдя из подъезда Димки, они долго молчали. Так и шли рядышком по тротуару и просто молчали. И странно, Юрий не чувствовал никакой неловкости от этого молчания. Просто как будто они накануне расстались, а сейчас снова встретились. И не было этих восемнадцати лет.

– Вот мой дом, – прервала долгое молчание Люба. – Спасибо, что проводил.

– Люба...

– Юра, не говори ничего. Не надо! Я тебе сама все сейчас скажу. Коротко. Извини, я выпила... Алена – твоя дочь. Можешь хоть генетическую экспертизу провести. Хотя... Я думаю, ты сам знаешь. Все... Я пошла.

– Подожди... Я...

– Юра, не надо эмоций, не надо соплей. Я тебе сказала, а ты думай сам. Я не знаю, зачем ты здесь. И почему именно сейчас. Это судьба? Иди домой. Ну, или где ты остановился... К Димке. В гостиницу. Все. Я тебе все сказала...

...Что с ним происходило, он бы не смог объяснить. Просто он делал то, что считал нужным сделать именно в этот момент жизни. Не просчитывая на несколько шагов или дней вперед, как привык делать все последние годы. Не задумываясь о последствиях...

Сначала он хотел позвонить в Питер, уже достал телефон, но потом сообразил – там еще ночь. Ладно, позже. Спустился в фойе гостиницы, зашел в офис авиакомпании и сдал билет. Потом заехал в офис риэлтерской фирмы и отменил все договоренности о продаже квартиры. Бедная Надежда Андреевна была в шоке. Но он тут же перевел с карточки солидную неустойку, ситуация сразу нормализовалась, только банкет пришлось отменить. Уж очень неуместным был бы в этой ситуации праздник... Он хотел посмотреть так и не проданную квартиру, и Надежда Андреевна, передавая ему ключи, многозначительно намекнула, что не против составить ему компанию. Он категорически, даже почти грубо, отказался. Хотя потом пожалел. Не потому, что отказался, а потому, что сделал это так резко и невежливо. Все-таки она очень милая и приятная женщина, столько сил и времени на него потратила. Ну да ладно... Просто надо учесть и впредь контролировать себя и свои эмоции.

...И вот он снова оказался в родительской квартире. Никогда не думал, что так может получиться. Мысленно он уже давно распрощался с ней. В квартире было совершенно пусто, никакой мебели. Мама почти всю продала, когда окончательно осела в Питере. А самые дорогие, не по цене, а по памяти, комод и пару кресел перевезла к себе. Мамины знакомые, все эти годы жившие здесь за символическую плату, съехали еще полгода назад, как только он сообщил им о своем решении продавать квартиру. Помещение было в ужасном состоянии – жильцы, видимо, ни разу не делали ремонт за все эти годы. Да и зачем им это надо было? Жили-то на птичьих правах. Но было чисто – фирма Надежды Андреевны подготовила объект для продажи.

Он медленно бродил по разохшему скрипучему полу и оценивал состояние квартиры. Две комнаты, не очень большие, зато коридор-прихожая и кухня, по современным меркам, просто огромные. По площади никак не меньше жилых комнат. В те годы так и строили. И высоченные потолки. Он вспомнил, что у них в «темнушке» всегда стояла стремянка – без нее даже лампочки заменить было невозможно. И, самое главное, балкон.

Дом стоял в самом центре города, но не на оживленной многолюдной улице, а в очень спокойном уголке. Окно из кухни выходило во двор, а оба окна из комнат – на тихую набережную. Этот участок дороги вдоль берега за мостом был не транзитным, не сквозным и потому не очень наезженным автомобилистами. Огромный полукруглый балкон занимал весь угол дома и был общим на две квартиры – их и соседскую, из другого крыла дома. Это был даже не балкон, а скорее веранда. Они жили на втором этаже, а на первом какой-то бизнесмен еще в его время застеклил такую же веранду – так целое кафе получилось. Правда, он вскоре прогорел – место было совершенно не проходное. Что сейчас там располагалось, Юрий пока не знал.

Он вышел на балкон-веранду. Усмехнулся про себя – сейчас здесь было полно разного хлама. Склад, кладовка. В его время у них с соседями было негласное правило – держать балкон в чистоте и порядке. Там часто устраивали вечеринки-дискотеки и он сам с одноклассниками, и соседская Ника, почти его ровесница. Да и у взрослых любой праздник заканчивался посиделками на этой веранде с шикарным видом на реку. Интересно, кто сейчас живет в соседней квартире?

Он не испытывал никакой ностальгии, мол, родительская квартира, здесь же прошло все детство... В том состоянии бодрой приподнятости и активности, в котором он находился с самого утра, ему было не до сантиментов. Он оценивал как профессионал, как архитектор – какую перепланировку надо будет сделать, как лучше организовать ремонт. Здесь же будет жить молодая девушка... Стоп! Его как будто раскаленной иглой пронзили. Эту молодую девушку сначала надо найти!

Он посмотрел на часы. Все, в Питере уже утро. Тут же позвонил домой, предупредил Victoriю, что задержится на несколько дней – якобы некоторые неувязки с документами получились, а так как выходные, то никто ничего не решает, надо ждать рабочих дней и так далее. Потом – Антону, своему заму. Рассказал ту же легенду, дал несколько указаний по работе. Все, с этим решил. С ремонтом можно будет определиться и позже. Теперь главное. Теперь – к Любе. Надо искать Аленку!

Он заехал в гостиницу, сдал номер, здесь же в бутике на первом этаже купил пару рубашек, носки, кое-что по мелочи. Он же не брал с собой ничего! Выходя из фойе на улицу, взглянул на большие часы над стойкой – три часа, именно в это время он должен был взлетать. Домой, в Питер. Но он уже принял решение...

По дороге попросил таксиста тормознуть у рынка, купил большой букет. «А если она на работе? Хотя суббота же. Или ушла куда-то? Нет, не должна. Аленка же пропала. Судя по тому, в каком состоянии она была вчера, дома отлеживается. А где она работает, интересно? Кем?»

Люба оказалась дома. Она не удивилась, не обрадовалась, не возмутилась. Совершенно спокойно, без всяких эмоций отступила в сторону, пропуская его в квартиру:

– Проходи. Я знала, что ты придешь. Зачем цветы? Не надо было. Это лишнее. Но спасибо.

– Люба...

– Что?

– Хочешь, я у тебя останусь?

Она промолчала.

– Нет, не так. Извини, – поправился Юрий. – Можно, я у тебя останусь?

Она даже попыталась улыбнуться. Кажется, он снова начинал понимать ее.

– Можно. Оставайся...

Потом спохватилась:

– Димка говорил, у тебя же самолет! Опоздаешь...

– Я сдал билет. Я решил остаться. Надо...

Он замялся, потом решительно закончил:

– Надо дочку найти. Нашу дочку.

Она внимательно посмотрела на него и вдруг расплакалась...

...Они проговорили весь вечер. Юрий по-прежнему был в том необычном для себя состоянии эйфории и приподнятости, в котором оказался еще вчера вечером. И, как и вчера, ему было спокойно и комфортно рядом с ней. Никакой неловкости, никаких комплексов. Он снова подумал: «Как будто и не было восемнадцати лет...»

– Люба, покажи мне наконец Алену, я же ее никогда не видел.

Они зашли в Аленкин закуток за шкафом. Юрия сразу поразила своеобразная выставка-коллекция разноцветных конструкций из «лего». На шкафу, на столе, на тумбочке – все свободные поверхности были заняты необычными архитектурными строениями, фантастическими космическими кораблями и чем-то, вообще ни на что не похожим. Он удивленно остановился:

– Что это?

– Алена творит.

– Это все она сделала?

– Ну да. Строит, потом разбирает, переделывает. Времени только не хватает.

– Странно. Я всегда думал, что в «лего» только дети маленькие играют. Но здорово как...

Люба включила Аленкин ноутбук:

– Бумажных фотографий мало, да и те только детские. Их потом посмотришь. Сейчас же все здесь хранится, сам знаешь...

– У нее что, даже пароля нет? – удивился Юрий.

– Этот рабочий стол она специально мне сделала. Вот она, моя... Наша Алена.

– Так она рыжая?! – охнул от неожиданности Юрий.

– Как видишь, – Люба чуть не рассмеялась.

– В кого это? Ты уверена, что она именно моя дочь?

Она шлепнула его по спине:

– Смотри, все-таки заставлю генетическую экспертизу пройти.

– Все-все, пошутил я, пошутил, – подскочил он.

И, защищаясь, схватил ее за руки. Она замерла. Он тоже.

– Юра, не надо, – нерешительно прошептала Люба и тут же сама обняла его. – Я столько лет тебя ждала... Где же ты был?

– Люба...

– Все, молчи. Молчи.

...Он не спал уже вторую ночь, но не чувствовал ни малейшей усталости или расслабленности. Напротив, каждая клеточка его организма требовала действий, активности. Он встал, включил торшер возле кровати. И невольно остановился, залюбовавшись Любой. Она спала, раскинувшись на кровати, волосы разметались по подушке.

Он не удержался, присел на краешек кровати и взял ее за руку. Потом тихонько и нежно поцеловал. Она почувствовала его прикосновение и во сне повернулась к нему. Одеяло сползло, он не стал ее прикрывать, разглядывал и поражался: «Нисколько не постарела. Это мне показалось тогда, у Димки. Освещение плохое, наверное, было. Ну, нисколько не изменилась. Морщинки у глаз? Но они нисколько не портят... Совсем еще молодая. Как девчонка».

Наконец насмотрелся, тщательно укрыл одеялом, а сам оделся и вышел на балкон. На улице было пустынно – воскресенье, народ отсыпается. И прохладно – осень уже чувствовалась. Курить захотелось неимоверно, аж слюну сглотнул. Быстро вернулся назад, прошел на кухню – надо срочно что-нибудь съесть.

...Юрий пил кофе с наскоро приготовленным бутербродом и размышлял.

Все вставало на свои места. Он начинал кое-что понимать... И его внезапно случившийся инфаркт...

И его приезд в город именно в это время...

Он должен найти дочку, так неожиданно появившуюся у него. Это поможет и ему самому, направит его жизнь в нужное русло. Найти.

Если она ушла из дома, значит, у нее что-то случилось. Очень серьезное. Ей нужна помощь. Его помощь. Отца.

Он вспомнил слова Димки: «Бывало, что только усилия родных и помогали найти...»

На кухню зашла Люба.

– Здравствуй, Юра, – она смущенно улыбалась и куталась в халатик.

Он снова поразился – насколько же она молодо выглядит. Девчонка девчонкой.

– Здравствуй, Люба.

Чуть помолчал и повторил:

– Здравствуй, любимая, – и он нисколько не кривил душой, не сочинял, не придумывал.

Его душа пела, он как будто возвращался к самому себе.

– Мы, наверное, нехорошо поступаем, – сказала-спросила Люба.

– Ты о чем?

– Ну, понимаешь, Аленка... Где она? Что с ней? Что же такое случилось, что она ушла? А мы с тобой... – она пыталась подобрать слова. – Любовь крутим.

Он обнял ее, прижал к себе:

– Я понимаю тебя. Но это все – единое целое. Все связано. Я найду ее. Обещаю тебе. Я так понимаю, что для этого я и приехал. Ну, и к тебе. Я поеду сейчас.

– В деревню?

– Да, ты же сама вчера предложила.

– На чем поедешь?

– Сейчас позвоню Митьке, возьму машину. Не откажет, понимает ситуацию.

Люба аж прыснула:

– Кому позвонишь? Как ты его назвал? Митька?

– В школе же его всегда так звали!

– Теперь он Дмитрий... Ой, отчество забыла...

Она взяла его чашку с недопитым кофе, сделала несколько глотков и облизнулась:

– Ням-ням!

Он даже испугался – так у него забилося сердце. Осторожнее! Но это было такое знакомое, такое близкое и родное «ням-ням»...

РИВЕР

Он взглянул на стопочки своих фишек, потом на оставшиеся фишки Санни. Можно и не считать – примерно одинаково.

Девушка-дилер открыла последнюю, пятую карту. Шестерка. Типичный «бланк», мертвая карта, которая никак не изменила и не повлияла на расклад. Все оставалось по-прежнему.

Так все-таки, что же было на руках у Санни? С чем она так уверенно заходила в игру? Два туза или два короля были не у того, третьего, а у нее? С такими картами она и на сквиз могла смело отвечать. Тогда и флорп ее вполне устроил – ее топ-пара продолжала оставаться

оверпарой. Туз-дама? Нет, их бы она уже сбросила. Дама-десятка? Вряд ли, агрессию пре-флопа и флопа они бы тоже не пережили. Хотя Санни играет непредсказуемо и «безбашенно». Но даже если и так, то ее фулл-хаус проигрывает ему. Карманные пары типа десяток или восьмерок в расчете на сет она бы сбросила еще после сквиза. Хотя бы с точки математики становится их невыгодно разыгрывать, вкладывая столько денег.

Тут мысли его вдруг перескочили...

Еще эта ее улыбка. Почему она все время улыбается?! Стоп-стоп-стоп! Надо успокоиться. И, вообще, очень приятная улыбка...

Он объявил ва-банк и выдвинул в центр стола все свои оставшиеся фишки. И все зрители, и все игроки замерли. Санни не торопилась с ответом. Она всегда «держала паузу». Даже если уже точно знала, что будет делать. На соперника «давила»? Себя успокаивала? Хотя зачем ей себя успокаивать – судя по всему, спокойствия и уверенности ей было не занимать. В отличие от него...

Потом она в очередной раз улыбнулась ему и ответила: «Ва-банк». Санни еще двигала свои фишки, когда он понял, что у нее было на самом деле. И похолодел...

Воскресенье, 15.00

Выехать сразу с утра, как он собирался, у Юрия не получилось.

Хотя Димка ситуацию понял сразу и активно включился в решение проблемы. Но Юрий совсем упустил из виду, что на Димкиной машине жена уехала на дачу. Сначала хотели съездить туда, забрать машину, но на утренний автобус опоздали, а следующий был только в районе обеда. Юрий уже хотел брать такси, но Дима отговорил – и дорого, и долго это все будет. Он сделал пару-тройку звонков, потом довольно объявил:

– Не имей сто рублей, а имей? Правильно, Вовку Калиновского.

Через полчаса они были у Володьки. Тот уже все знал – Димка не удержался, еще вчера позвонил ему, рассказал новости. Но гараж у Вовки был далеко, пока он сам собрался, пока доехали, пока машину проверили... На заправку заехать пришлось...

Так и получилось, что выехал Юрий только после обеда. К чужой машине он привык быстро. К правому рулю – тоже.

Димка порывался ехать с ним, ни в какую не хотел отпускать его одного. Приводил кучу аргументов – и дорогу, мол, Юрий давно позабыл, и удостоверение полицейское может пригодиться, и вообще вдвоем сподручней... Но Юрий так конкретно и увесисто объяснил, что это – его дело, его личное дело, что тот сразу отстал. А Димке будет что и в городе делать. И, успокаивая сам себя, тот стал вслух составлять план своих действий. На случай, если рассуждения Любы и Юры ошибочны, и Аленка не поехала ни к какой бабушке, а осталась здесь, в городе.

Хорошо, что сегодня воскресенье – трасса была относительно свободной, Юрий, хоть и торопился, но сильно не гнал, обгонять часто не приходилось. Он проверил флэшку, оставленную Володькой, обнаружил там большую подборку классической музыки в современной обработке. Класс! Их вкусы совпадали.

Посмотрел – хватит на три часа, как раз на всю дорогу. Ну и прекрасно...

Он как-то вычитал в интернете, что британские ученые провели исследование и выяснили, будто бы классическая музыка снижает внимание и реакцию у водителей. Но лично ему она всегда только помогала.

Хотя сегодня и она не помогла, не успокоила. Сейчас, когда он остался один, в голове начался беспорядок. Два последних дня он особо не задумывался, до сих пор ему было все ясно и понятно – что делать и как. Но... А Вика? А дети? Фирма в Питере... А здесь – Люба, Любаша. И Аленка, которую он еще никогда не видел. Как это все совместить?

«Выбрось пока все это из головы! Потом решишь. Сейчас задача – найти Алену. И не отвлекайся».

Но собственные мысли продолжали насиловать его, не отпуская, не давая отдохнуть, расслабиться.

С Викторией он учился на одном курсе. Она была коренная питерка. Из семьи блокадников. Причем питерка даже не по месту рождения, а по натуре, по образу жизни, по душе. Скорее даже не питерка, а ленинградка. Ходила в театры, любила классическую музыку, сама закончила музыкальную и художественную школы. И было вполне естественно встретить ее именно на архитектурном факультете. Вика сразу очаровала его своей тонкой душевной организацией, культурой, интеллигентностью. Она так резко отличалась от его прежних знакомых девчонок – одноклассниц, соседок. Для него было привычным пойти с девушкой в ночной клуб, на дискотеку. А с Викой они ходили на концерты, в художественные галереи. Ему это очень нравилось, он как будто открывал для себя новый мир.

Они подружились, а после диплома поженились.

Но, если разобраться, она так и не стала за все эти годы для него по-настоящему близким человеком. Может быть, именно поэтому он и перевез маму к себе, в Питер – чтобы хоть кто-нибудь родной был рядом.

Да, они родили двоих детей. Причем замечательных детей. Да, она помогала ему по работе, и была практически незаменима в его фирме. Их связывало очень многое – дети, квартира, работа. Тысячи ниточек, которыми обрастает любая семья за годы своего житья-бытья. Заботы, хозяйство. Но... Он никак не мог понять, что у них не так.

Мужики в такой ситуации поступают по-разному – кто уходит в запой, кто заводит любовницу. А он с головой ушел в работу. Несколько лет назад они с Викторией открыли свою фирму – архитектурную мастерскую. Дела шли прекрасно.

А сейчас, встретившись с Любой... И не только с Любой. И с Димкой, и с Володькой... Что-то стало проясняться. Или, наоборот, совсем запуталось...

Он поймал себя на мысли, что едет сейчас и... улыбается. Он уже и не помнил, когда улыбался просто так, потому что хочется. Потому что жизнь такая... Хорошая. Даже почувствовал, что мышцы лица устали от этой непривычной работы...

И незаметно для себя начал подпевать-подсвистывать музыке из володькиной подборки.

Воскресенье, 17.00

По дороге в маршрутке громко играла какая-то очень знакомая мелодия. Денис никак не мог вспомнить, что это за музыка, но она настолько прочно засела в голове, что, уже выйдя из автобуса, он поневоле продолжал ее насвистывать. С ним часто такое бывало, когда он никак не мог отделаться от какой-нибудь навязчивой мелодии.

Дом культуры был самый обыкновенный, стандартный, типовой советской постройки. Таких ДК сотни по всей стране. Снаружи изрядно обветшавших и обшарпанных, но вечных внутри. Мраморный пол в фойе, высокие потолки, огромная театральная люстра, толстенные колонны. До того все было похоже на «Современник» в его родном Рябиновске, что Денис почувствовал себя почти как дома.

Даже парк перед зданием Дома Культуры был такой же, с такими же дорожками, зелеными скамейками и бетонными урнами. Вся стоянка была забита машинами, причем достаточно крутыми, много новеньких джипов и минивэнов. «Неплохо живут братья».

В фойе было много народу. Денис удивленно рассматривал собравшуюся очень разношерстную публику. Во-первых, оказалось много женщин «бальзаковского» и «забальзаковского» возраста, причем очень домашней наружности – этикие добродушные тетеньки-

бабушки. Кроме того, было много семей с маленькими детьми самого разного возраста. Совсем сосунки спали в своих колясках и переносных люльках. Те, что постарше, играли здесь же, в фойе. Возле стены прямо на полу были расстелены ковры – там они и резвились со своими машинками, куклами и кубиками под присмотром нескольких мамочек. А совсем старшие, школьники-дошкольники, что-то рисовали, раскрашивали, вырезали за столами. «Целый детский сад». Было также много относительно молодых парней и девиц неопределенного возраста, судя по внешнему виду – изрядно побитых жизнью. Денис догадался – бывшие наркоманы.

На стене висело расписание работы кружков и секций ДК. От нечего делать он начал его изучать. Сначала поразился, какая, оказывается, оживленная и насыщенная жизнь здесь кипела. Не было никакого застоя и опустения, которые, как ему казалось, царили во всех подобных заведениях. А еще больше удивился, попытавшись разобраться, чем же именно здесь занимаются. Большинство названий ему совершенно ни о чем не говорило. Хорошо хоть везде картинки были нарисованы. Видимо, для таких, как он. Бразильское капоэйро, судя по рисунку рядом, должно быть каким-то боевым искусством. Арабский белли-данс – танец живота. Ну, для стрип-пластики картинку можно было и не добавлять, тут и так все понятно. Хотя хорошо, что добавили – он даже залюбовался. Африканский этнобит – что-то связанное с игрой на там-тамах. И так далее. А вот что такое контемпорари, он вообще не понял, и картинка не помогла – гимнастика какая-то, что ли... Так до конца и не вникнув во все эти иностранные названия, он отошел, раздумывая – хорошо это или плохо, что кружков-секций-клубов так много, но все они... Как бы «не наши», что ли...

Тут же, в фойе, стояли столы с разложенными на них книгами и дисками. Денис подошел. Пожилая женщина тут же обратилась к нему:

– Могу я вам чем-то помочь?

«Прямо как в супермаркете каком-то».

– Что вас интересует? – продавщица настойчиво заглядывала ему в глаза.

– А вы бесплатно раздаете или продаете? – наивно спросил он, чтобы хоть что-то ответить назойливой тетке.

– Мы не продаем. Мы собираем пожертвования в пользу Церкви, а в благодарность за пожертвование даем книги, какие вам нужны...

Денис присмотрелся: «Основы духовного роста», «Победоносная церковь», «Власть верующего», «Как быть ведомым Духом Божиим»... Бр-р! Он помотал головой, как от наваждения. Тут же обнаружил «Откровения секса», «Секс начинается с кухни – рецепты на каждый день» и совсем уж неожиданные «Хроники Нарнии».

«Бедный принц Каспиан. Ты-то как сюда затесался?»

Хотя, с другой стороны, там ведь тоже Аслан и сам воскресал, и других оживлял. Так что, может быть, здесь «Нарнии» самое место...

Он переключился на диски.

– Вот, посмотрите, новинка, совсем недавно привезли, – не отставала от него продавщица, вытаскивая из стопки какой-то диск.

Но он не успел его рассмотреть.

– А, Денис! Приехал все-таки, молодец. Привет! – подскочил к нему Кирилл, неожиданно обнял и прикоснулся правой щекой к его щеке, как будто они были старыми друзьями и давным-давно не виделись. Денис непроизвольно отстранился.

– Ты проходи в зал, скоро служба начнется, – широко улыбался Кирилл.

– Да я как-то... Пойду я, наверное, – неуверенно попытался «отнекаться» Денис.

– Боишься? Стесняешься? Просто садись и слушай, смотри. Тебе ничего делать не надо, никто тебя ни о чем не спросит. Иди-иди. Я подойду к тебе позже.

Зал был почти заполнен, стоял гул сотен голосов, как в театре перед началом спектакля. Денис пробрался на самый верх, хотел сесть в последнем ряду, спрятаться. Но два последних

ряды, отделенных широким проходом, были заняты «детским садом». Там, в проходе, стояли коляски, а сидели в основном мамы-папы с бутылочками и пеленками.

Он занял свободное кресло прямо перед ними и огляделся.

На сцене висел большой плакат с изображением силуэта Христа, размытого, нечеткого, как будто являющегося откуда-то из облаков. Судя по воздетым вверх рукам, он проповедовал что-то в данный момент. «Это, наверное, та сцена, когда он явился апостолам, – пытался сообразить Денис. – На горе Синай, кажется. На сороковой день. Как же этот праздник сейчас называется? Появление Господне, что ли? Или Явление...»

Вверху плаката, над головой Христа, была надпись: «Верующий в меня имеет жизнь вечную». Внизу – «Я есмь путь и истина и жизнь». С левой стороны – крест и голубь, справа – разноцветная радуга, не очень гармонично смотревшаяся на этом серо-голубом плакате.

А прямо на сцене начинало разворачиваться действо. Денису показалось, что он попал на концерт какой-то рок-группы. Синтезатор, ударные, микрофоны для подпевки, разнообразная подсветка. Музыканты заняли свои места, появились две девушки с электрогитарами, сыграли несколько аккордов, настраиваясь. К микрофону вышел молодой длинноволосый парень с аккуратной бородкой, в белой рубашке и галстук, но без пиджака.

«Это, видимо, их пастор».

Началась молитва. Если это можно было назвать молитвой. Голос у пастора, надо отдать должное, был хорош. А как вступила подпевка, Денис просто ошалел. «Вот черти, прости меня Господи, поют-то как здорово». Играли тоже неплохо. Временами даже мурашки шли по коже. Денис порадовался: «Не зря пришел – хоть концерт бесплатный посмотрю-послушаю».

*Я верю, что Ты – Сын Божий.
Я хочу вечной жизни,
Которую Ты обещал.
Я понимаю, что нуждаюсь в Тебе.
Я поклоняюсь Тебе,
Поклоняюсь Тебе...*

Конечно, он совсем не так представлял христианское богослужение и совместную молитву. Но был не против именно такой интерпретации. Форма его вполне устраивала, а в содержание он особенно и не вникал. Потом сообразил: «Так они на то и рассчитывают. На таких, как я. Сначала форма понравится. Как же, крутая музыка, хард-рок. Захочется еще раз прийти. А там и в содержание потихоньку вникну. И все – коготок увяз...»

*Ты не был доволен
Моей жизнью до сих пор.
Ты знаешь все,
Ты видишь мои мысли и сердце.
Пожалуйста, прости меня...
Я поклоняюсь Тебе,
Поклоняюсь Тебе...*

По бокам сцены были подвешены экраны, на которых высвечивался текст молитвы, чтобы все собравшиеся могли петь вместе. Но не бегущей строкой, как в караоке, а сразу целым куплетом. Девушки на сцене пели, подняв вверх согнутые в локтях руки, плавно раскачиваясь в такт.

Я прошу Тебя: войди в мою жизнь.

*Помоги мне следовать за Тобой
И быть Твоим учеником.
Я поклоняюсь Тебе,
Поклоняюсь Тебе...*

Тут, к удивлению Дениса, к микрофону подошел Кирилл и тем же тоном, которым он разговаривал с Денисом в палате, начал говорить почти те же самые слова. Во всяком случае, у Дениса снова появилось ощущение, будто его обволакивает липкая паутина.

– Через обращение к Нему, через веру в Иисуса Христа мы обретаем надежду. И эта надежда – Иисус, восстанавливающий разрушенные жизни! Когда Он прощает, то уже не вспоминает о наших проступках. Господь всегда ожидает от нас чистосердечного признания, искреннего сожаления о случившемся и разговора с Ним начистоту. Так написано в Священном Писании, в Евангелии от Иоанна: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Он всегда готов поддерживать нас, и даже если мы падаем, Он протягивает руку помощи, чтобы мы могли встать и идти дальше без самоосуждения и ненависти к себе.

Денису захотелось встать и уйти, но, с другой стороны, очень хотелось еще послушать, как будут петь рок-музыканты на сцене. А Кирилл продолжал:

– Когда вы воспринимаете Иисуса как Спасителя и Господа, а верующих как ваших братьев и сестер, вы становитесь частью семьи Иисуса. Это значит, что у вас будет желание на деле проявлять заботу о ваших братьях и сестрах. В благодарность за то, что вы нашли Иисуса, подумайте о том, как вы можете рассказать другим о надежде, которая живет в вас. Кто готов рассказать о своем пути, о своем избавлении?

Внизу, в широком проходе между сценой и первыми рядами кресел, стояла кафедра с большим позолоченным крестом. За эту трибунку вышла молодая девушка:

– Я покаялась пять лет назад. Тогда я пришла к Богу. Что было до этого? К двадцати годам жизнь для меня потеряла смысл. Несколько раз я пыталась покончить с собой, пила, курила. Были легкие наркотики. Я не раз задумывалась – должна же быть другая жизнь! И эта другая жизнь для меня началась в спортивном лагере. Ну, вы все знаете наш русско-американский христианский спортивный лагерь. Честно говоря, там я оказалась случайно. Просто приехала в гости к другу. Но там и осталась. И я покаялась. И с тех пор я здесь. Моя жизнь изменилась навсегда. Потому что это было осознанно, потому что я знала, что делаю. Я пришла к Богу. И Он помогает мне. Мне пришло просветление от Бога. Я вышла замуж, вышла по любви. Сейчас у меня и любящий муж, и трое детей. И я хочу сказать всем – больше, чем дает этот мир, нам дает Бог. Несравненно больше...

Дальше Денис не слушал, он вообще не очень внимательно следил за происходящим на сцене и в зале. Его гораздо больше занимала соседка, симпатичная рыжеволосая девушка. Он поневоле обратил на нее внимание. Густые вьющиеся волосы, яркая легкая куртка, рюкзачок за спиной. Она сидела чуть впереди, на один ряд ближе к сцене, и он в основном наблюдал не за пастором на сцене, а за ней.

И, судя по тому, как она немного растерянно и настороженно озиралась по сторонам, он понял, что она здесь тоже впервые. Да и рюкзачок так и не сняла. «Такая же заблудшая душа?»

Он не видел ее лица, только затылок да иногда чуть-чуть профиль, когда она оглядывалась. Но он чувствовал, что ей так же тревожно и одиноко, как и ему. Не только в этом зале, но и вообще в жизни...

За кафедрой-трибуной стояла уже другая девушка:

– У нас, кроме общего воскресного богослужения, проходят, так сказать, локальные, домашние, по 7—10 человек. Хорошо искать Бога и одному, но вместе лучше. Мы собираемся вместе, чтобы и отдавать, и получать. Мы вместе ищем Бога, ищем спасения. Там собираются

люди совсем разных социальных слоев. Иметь общение с братьями и сестрами по вере чрезвычайно важно. Оно поможет вам расти духовно, вы будете делиться опытом, заботиться и ободрять друг друга в вере. Вместе молиться...

Рядом с рыжеволосой было свободное кресло. «Пересесть к ней?»

Но он никогда не умел знакомиться с девушками. Не то чтобы стеснялся – вроде и язык был подвешен как надо, и мозги работали «в тему», мог и пошутить, и помолчать, когда надо. Но вот никак не получалось. Да и внешность малость подкачала. Во всяком случае, он так считал. Но сейчас все это не имело никакого значения. Сейчас был другой случай. Ему вдруг стало душно и жарко...

И Денис решился. Очень вежливо, постоянно извиняясь за беспокойство, он выбрался со своего места в проход и так же культурно стал пробираться по соседнему ряду.

А голос в микрофоне продолжал:

– Молитва – это дыхание души. Вы находитесь в постоянной связи с Господом Иисусом посредством молитвы. Расскажите Ему о том, что вас беспокоит. И потом поблагодарите Его за то, что Он приготовил вам добрый путь на все времена. Благодарите Его за ваше вечное спасение и прощение всех грехов. Благодарите Его за уверенность в том...

Он наконец добрался до свободного места.

– Привет, – прошептал он.

Она повернулась, взглянула на него... И он задохнулся. Мир вокруг исчез. Его как будто ударили электрошокером. Однажды ему довелось испытать на себе, как работает эта «адская машинка» – давно, еще в родном городе их как-то забирали в полицию. И сейчас произошло что-то подобное. Он был на грани потери сознания. Мозги отключились...

– Привет, – улыбнулась она в ответ. И ее улыбка окончательно добила Дениса. Он сидел молча, не в силах ничего сказать и не в силах оторвать взгляд от ее глаз, от ее улыбки.

– Ты что? – забеспокоилась девушка.

Он смог наконец вздохнуть и прошептал:

– Я Денис.

– Привет, Денис, – снова улыбнулась она. – Я Алена.

– Привет, Алена, – он постепенно приходил в себя. – Есть вода?

– Что есть? – не поняла она.

– Вода. Попить, – у него так пересохло в горле, что и говорить было больно.

Она сняла рюкзачок, вытащила бутылку минералки:

– Извини, я из нее уже пила.

– М-м-м, – он помотал головой, жадными глотками опустошая бутылку. Мол, «не переживай, ерунда какая».

Допил. Отдышался. Стало полегче.

Там, где-то далеко, в какой-то другой жизни, слышались голоса, звучала музыка, кто-то что-то говорил, кто-то что-то пел. Там были зал и сцена, были какие-то люди, там что-то происходило.

А здесь, у него, была уже другая жизнь. В этой, новой жизни, была Она.

– В Слове Божьем вы найдете основание для вашей веры, почерпнете силу и внутреннюю стабильность. Божье Слово будет питать вашу душу. Оно покажет вам верный путь, поможет принимать верные решения, – смутно доносились до него слова проповеди. Но он не воспринимал их смысла.

– Ты здесь тоже первый раз? – спросил он Алену, еще немного заикаясь.

– Да. И ты?

– Тоже.

– И как тебе?

– Играть классно, – честно сказал Денис. – А от остального я уже безумно устал.

– Я тоже, – согласилась Алена. – Столько слов, а все одно по одному. Масло масляное какое-то.

– А им, похоже, нравится, – он кивнул на окружающих.

– Они мне напоминают зомби.

Они вместе тихонько рассмеялись. На них тут же зашикали со всех сторон. От этого им почему-то стало еще смешнее. Она уткнулась ему в плечо, чтобы не расхохотаться, он, едва сдерживая смех, тоже зарылся лицом в ее рыжие волосы.

На их счастье, снова заиграла музыка – началась новая молитва. Сначала клавишник выдал шикарное вступление на синтезаторе, потом его подхватила соло-гитара, они немного «погоняли» друг друга, затем подключились бас-гитара и ударные. Какое-то время шла чистая инструменталка, наконец запел тот же парень в белой рубашке:

*Господи, прошу тебя,
Прости меня за все мои грехи,
Которые я совершил
В своей жизни.*

– Вступление на «Пинк Флойд» было похоже, – вроде как сам себе сказал Денис.

Алена тут же повернулась к нему:

– Правда? Ты знаешь «Пинк Флойд»?

Они посмотрели друг на друга и тут же дружно прыснули, снова пытаясь сдержать смех. Девчонки на сцене, подняв руки, подхватили припев:

*Господи, прошу тебя,
Прости меня...
Бог мой, славлю Тебя!*

«Нет, это, видимо, не пастор. Это просто их солист. Но как поет! А кто же тогда пастор? Не Кирилл же!»

*Очисти меня
От всякого зла
И дай Свой Свет.*

Они так и сидели, тесно прижавшись друг к другу. Уже не смеялись, а просто вместе слушали хорошую музыку в хорошем исполнении, не особо задумываясь о смысле слов.

Весь зал встал и дружно пел:

*Господи, прошу тебя,
Прости меня...
Бог мой, славлю Тебя!
Аллилуйя!*

Они поневоле встали оба, повинувшись всеобщему порыву.

– Слушай, здорово же играют! – не удержался от похвалы Денис. – Сколько денег бы могли заработать!

– А они и здесь зарабатывают. Смотри!

Молитва закончилась, зал с шумом усаживался на места, хлопая откидными сиденьями кресел. Из-за кулис вынесли три белых ящика и поставили на самом краю сцены. Посередине – большой с надписью «Десятина», по краям – два поменьше: «Пожертвование» и «Исцеление».

– А вот и пастор, – с удовлетворением сказал Денис.

К микрофону вышел солидный пожилой мужчина в строгом черном костюме с проседью в бороде. Да уж, не чета «белорубашечнику» или Кириллу.

– Братья и сестры мои, задумывались ли вы, почему вы сегодня здесь, в нашей церкви? – голос у пастора был мягкий, глубокий, хорошо поставленный. – Когда человек открывает свое сердце Богу, Господь возрождает его дух к вечной жизни. И он нуждается в церкви, которую нужно найти по духу, а не разумом. Для этого необходимо молиться, чтобы Сам Христос направил нас в Свою церковь, которая станет нашей по сердцу. И счастливы мы все здесь, ибо нашли мы свою церковь. Аминь!

– Аминь! – хором ответил ему зал.

Многие из первых рядов вставали, спускались к сцене и бросали деньги в щели белых ящиков. Образовалась даже небольшая очередь. «Ясно. Как дело до сбора денег дошло, так и сам пастор появился».

– Разве люди выбирают семью, в которой они рождаются, разве ищут, где им будет лучше? – продолжал пастор гипнотизирующим, как будто бархатным голосом. – Рождаясь от Бога, от Его вечного Слова, верующие дети Божьи так же должны войти в Дом Божий, в Его Церковь. Церковь должна стать нашей, а мы в ней – своими, как сказано в Библии: «Вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу». И как родному дому, мы должны помогать родной церкви. Кто чем может. И счастливы мы все, ибо нашли мы здесь свой дом. Аминь!

– Аминь! – отозвался зал.

Кирилл и еще двое парней, взяв белые ящики, пошли по залу, подходя к каждому. И каждый бросал в щели деньги. Денис и Алена затравленно посмотрели друг друга. Ни он, ни она этого не ожидали. Спуститься из зала к сцене и бросить деньги в ящик – это дело добровольное. Хочу – иду, не хочу – сижу. И совсем другое дело, когда к тебе подходят с этим самым ящиком и весь зал наблюдает – бросишь ты денежку или не бросишь. Как тут отказаться?! А если бросишь – тем самым ты вроде бы становишься участником всего здесь происходящего, членом этой самой церкви.

– Разумом очень трудно найти свою церковь, – тем временем продолжал пастор. – Ее нужно искать по духу, по сердцу, прося в молитве у Бога, подобно птице, которая должна найти свою стаю по роду своему. И счастливы мы все, ибо и нас привел Бог в нашу церковь. Аминь!

– Аминь! – неистовствовал зал.

Кирилл со своим ящиком уже подходил к ним.

– Что делать будем? – шепотом спросил Денис, повернувшись к Алене.

Она просто молча прижалась теснее к нему, как будто ища защиты.

– Но денег я им не дам, – решительно сказал Денис. – Пусть хоть выгоняют...

– Вы вместе? – спросил Кирилл. – Она тоже в первый раз? Тогда можете ничего не бросать. Только не уходите никуда, скоро вас на сцену пригласят вместе со всеми новенькими.

– Зачем? Ты же говорил, ничего от меня не надо будет!

– Да не бойтесь вы, не съедят вас. Анкеты заполните, подарки получите.

И Кирилл отправился дальше выполнять свою важную функцию.

– Кирилл, подожди! – остановил его Денис. – Что такое «десятина»?

Он ткнул в надпись на белом ящике в руках у Кирилла.

– Потом объясню, Денис. Видишь ведь, сейчас некогда...

– Меня мог бы спросить, – сказала Алена.

– А ты знаешь? Откуда?

– Книжки читаю...

– Ну так Расскажи.

– Каждый прихожанин должен отдавать десятую часть своих доходов церкви.

– Ого! – присвистнул Денис.

– И десятую часть своего времени – на молитвы и помощь церкви.

– Каждый верующий, рожденный свыше, – по-прежнему звучал голос пастора, – становится частью церкви, которая олицетворяет Тело Христа на земле. В церкви, среди Божьего народа, мы получаем благодать для своей жизни. Вот почему каждый из нас как составная часть церкви должен помогать ей. И счастливы мы все, ибо можем помогать нашей церкви своими дарами. Аминь!

– Аминь! – похоже, в зале начиналась истерия.

Нечто похожее Денис наблюдал как-то на семинарах по сетевому маркетингу. Был такой период в его жизни. Там тоже приезжие специалисты-профессионалы доводили зал до состояния массового психоза.

– Один мой знакомый, после того, как начал жить верой и посещать собрания церкви, решил, что может веровать и жить с Богом просто в сердце, без церкви. Он стал редко приходить на собрания и очень скоро обнаружил себя в тех же грехах, от которых Господь его уже избавил. Почему это произошло? Потому что он стал жить вне церкви, вне ее благодати, потому и не стало у него сил устоять в вере и любви. Только в церкви мы имеем благодать и общение Святого духа. И счастливы мы все, ибо снисходит на нас Божья благодать Святого Духа. Аминь!

– Аминь!

Кирилл с помощниками уносили наполненные ящики за кулисы.

– Добычу делить пошли, – зло съязвил Денис. Он вспомнил слова Олега: «Вся их церковь – чистая коммерция».

– Пойдем отсюда, – предложила Алена.

– Пойдем, – сразу согласился Денис. Он и сам хотел предложить ей это. – Наши мысли совпадают.

Он взял ее за руку и они стали пробираться к выходу.

– А теперь я хочу поприветствовать тех, кто впервые посетил собрание нашей церкви. Братья и сестры, пройдите на сцену, – как и предупреждал Кирилл, пришла очередь новичков.

Их все пропускали, думая, что они идут на сцену. Но они вместо этого, добравшись до дверей, выскочили в фойе.

Вдгонку им неслось:

– И спустя две тысячи лет Иисус продолжает утолять самый потаенный голод людей, потерявших всякую надежду. Он даром дает совершенно новую жизнь всем, кто верит в Него. Он предлагает чистую жизнь. Возможность начать все сначала, но на этот раз жить праведно с Его силой. Если вы позволите Ему войти в вашу жизнь, то это изменит вас. Его сила приносит жизнь и исцеление. Разве можно от этого отказаться!?

Уже на выходе они столкнулись с Кириллом.

– Вы куда? Вам же на сцену...

– Все, Кирилл, пока, – не останавливаясь, крикнул ему Денис.

Но потом притормозил:

– И спасибо тебе, Кирилл.

– Да пожалуйста, – в недоумении ответил тот.

Только на улице, на крыльце Дома Культуры Денис облегченно вздохнул. Он по-прежнему держал Алену за руку. А она и не пыталась освободить ее. Так и пошли дальше.

– Давай я тебя провожу, – предложил Денис. – Ты куда сейчас? Ты где живешь?

Вопросов у него было столько, что он и не знал, в какой очередности их задавать.

Одно он знал точно – эту девчонку он одну уже никуда не отпустит, теперь он всегда будет с ней. Всегда! Оставалось только узнать, а захочет ли этого она сама.

Алена остановилась, посмотрела ему прямо в глаза, улыбнулась и сказала:

– Послушай, Денис, я ужасно голодная. Пойдем в какое-нибудь кафе, поедем. Там и поговорим. Хорошо?

– Наши мысли опять совпали, – улыбнулся он ей в ответ. – Только я предложить не решился.

– Не комплексуй. Я угощаю, – рассмеялась Алена, выдернула руку и побежала через скверик, размахивая рюкзачком.

– Вот еще! – крикнул Денис и бросился за ней. – У меня есть деньги!

– Так я же пригласила! – она остановилась у кучки опавших листьев, схватила их в охапку и с веселым визгом подбросила высоко вверх. Вдруг поднявшийся ветер тут же подхватил их и закрутил вокруг нее рыжим вихрем...

Воскресенье, 18.00

Вдруг поднявшийся ветер бросал на дорогу сорванные с деревьев рыжие листья целыми охапками. Михаил с беспокойством поглядывал на потемневшее небо – успеть бы до города доехать, пока дождь не начался.

Встречная фура, вылетев из-за поворота, заставила Михаила притормозить и прижаться к обочине. Да уж, давненько он не практиковался в езде по трассе. Навык быстро пропадает...

А ведь несколько лет назад он мотался в город и обратно чуть ли не еженедельно, а порой и чаще. Хорошо хоть, подержанная «Тойота», купленная еще много лет назад, оказалась на удивление крепкой, надежной и неприхотливой. Прямо как «жигуленок», только комфорта побольше. Верой и правдой служила все эти годы. А теперь закапризничала, «сыпаться» начала. Михаил давно собирался отогнать ее в сервис, к своему хорошему знакомому Аркаше-буряту. Тот был поистине «мастер-золотые руки», да и не обманет – столько лет знакомы... И машину эту хорошо знает – не раз она у него бывала.

Так Михаил и объяснил своим домашним – мол, машину надо гнать в ремонт, дальше тянуть некуда. И старосте прихода, многолетнему и надежному своему помощнику, Евгению Петровичу, брату Евгению, то же самое сказал.

На самом деле ремонт был только поводом. Он ехал на встречу со своим старым товарищем, Алексеем Кудрявцевым – отцом Алексеем, настоятелем Храма Двенадцати Апостолов. Ему срочно надо было поговорить, посоветоваться. А с кем еще, если не с ним?

Обычно Михаил старался выехать на трассу рано утром, еще затемно. И дорога посвободней, и в город успевал добраться к началу рабочего дня – сидеть в приемных, ходить по кабинетам, встречаться с «сильными мира сего». Слава Богу, кошмар этот закончился.

Строительство храма далось ему нелегко. Вернее, не строительство, а восстановление. Когда дело дошло до оформления документов, оказалось, что старая церковь, превращенная советской властью сначала в клуб, а в последние годы, когда начала разрушаться, в склад, является памятником архитектуры. В их старинном селе было много домов уникальной постройки, которые представляли интерес для архитекторов, историков, краеведов. Но он даже не предполагал, что и церковь относится к их числу. Приезжала комиссия из города, привозили архивные чертежи, фотографии, даже картины – в XIX веке какой-то художник специально посетил эти места, чтобы написать храм с натуры. Так что оказалось – да, памятник. И восстанавливать надо строго по старинному облику. Никто и не возражал – на самом деле, красивая была

церковь. Но вот Михаилу досталась тяжелая ноша – согласований, совещаний, решений в этом случае предстояло пройти гораздо больше.

И начались его мытарства...

Нет, никто не отказывался, никто не чинил препятствий. Но как медленно ворочалась бюрократическая машина! Как долго приходилось ждать очередного решения, очередной подписи... «Бумага должна вылежаться», – вечный закон любого чиновника.

Когда же дело дошло до проекта, стало совсем трудно. Проект делала фирма «Наследие». У них была лицензия, опыт, специалисты. Цену они не заламывали, но все равно общая стоимость проекта и согласований составляла миллионы. Где он мог взять эти миллионы? А ведь речь шла пока еще только о проекте. Не о бетоне для фундамента, не о брус. Что же будет дальше? Казалось, тупик...

Но с Божьей помощью и с молитвой...

Пять лет назад в селе организовал свое подсобное хозяйство Междуреченский свинокомплекс – крупнейшее в районе сельскохозяйственное предприятие. Илья Сенотрусов, директор хозяйства, сразу активно подключился к работам по восстановлению храма. Будет храм – будет жизнь.

В «Наследии» проект сделали очень быстро, и уже через год закипела стройка.

Потом, когда стали видны возводимые стены и будущий храм начал приобретать более-менее конкретные очертания, на него начали обращать внимание проезжающие мимо отпускники. А летом ехало их много – и на Тополиную поляну, и дальше, за паром, в дебри тайги. Среди них бывали и состоятельные люди – бизнесмены, предприниматели, чиновники местного масштаба. Многие из них брали у батюшки реквизиты и потом перечисляли деньги. Иногда очень значительные суммы.

На освящение храма приезжал сам Владыка, он тогда еще был архиепископом.

Междуреченский свинокомплекс обанкротился, подсобное хозяйство его зачахло, но храм успели закончить.

Сегодня было воскресенье, и выехать у Михаила получилось только после полудня. С утра отслужил Литургию в храме, потом провел занятия в детской воскресной школе. Школу при храме два года назад организовала матушка Наталья, она там в основном и вела занятия – у тех, кто постарше, у школьников. А с маленькими занималась сестра Дарья Никитина, она в свое время закончила пединститут по дошкольному образованию. Правда, уже несколько лет, как замуж вышла, не работала по специальности, но навыки остались – с детьми общаться у нее получалось хорошо. Да и двое маленьких сыновей ее в ту же воскресную школу ходили. Но иногда они проводили общие уроки, у двух групп сразу – тогда и приглашали батюшку. Как раз сегодня и был такой общий урок...

Михаил остановился, как обычно, в Большой Елани. Здесь все делали остановку.

Ему всегда было смешно: если это – Большая Елань, то какой же должна быть Малая? Вся Большая Елань состояла из трех домишек. Это что касается жилых помещений. Но плюс к этому большое кафе, магазин, платный туалет. Небольшая гостиница. Даже баня и душ. Как говорится, все, что нужно для дальнобойщика...

Дела здесь шли неплохо. Большая автостоянка, раньше гравийная, была уже заасфальтирована. Рядом разбит небольшой скверик с лавочками – для курильщиков. Все очень аккуратно, даже бордюры покрашены. Тут же начали строить детский городок – качели-карусели поставили. Правильно – многие пассажиры с детьми едут. Пока папы-мамы в очереди стоят да перекуривают в скверике, детишки пусть резвятся. Молодцы, что скажешь...

На стоянке, как обычно, стояли несколько фур, маршрутных такси, парочка больших междугородных автобусов. Здесь даже ночью былолюдно, жизнь кипела. Трасса работала круглосуточно. Кафе так и называлось – «Трасса».

Оба рейсовых автобуса, видимо, недавно подошли – почти все столики в кафе были заняты. Михаил заказал себе борщ в горшочке и гуляш с картофельным пюре.

В этом кафе всегда хорошо готовили, по-деревенски качественно и вкусно. Потому и не было отбоя от посетителей. Вот и вошло в привычку у обитателей трассы останавливаться именно здесь.

Михаил нашел свободное место за столиком у входа. Напротив сидел подтянутый мужчина лет сорока с проседью в висках. Судя по выправке, аккуратной стрижке – военный. Или бывший военный. Безупречный, идеально сидящий костюм. Белоснежные манжеты с элегантными запонками выглядят ровно на положенные полтора сантиметра. Он уже доел свой плов, аккуратно вытер пальцы и губы салфеткой, теперь медленно и задумчиво размешивал чай. И вдруг так тяжело вздохнул, что Михаил внимательней присмотрелся к нему. Мужчина поднял глаза, видимо, заметив, что привлек внимание соседа своей случайно вырвавшейся эмоцией. Глаза. Заполненные какой-то напряженной тревогой. Они настолько не соответствовали его аккуратному и приподнятому, почти праздничному виду, что Михаил сразу подумал: «Что-то у него случилось».

Михаил за долгие годы своей службы хорошо научился разбираться в людях, понимать их состояние даже без слов. И сейчас ему стало понятно – у человека проблема. И он не знает, как ее решить.

Михаил вопросительно посмотрел на него – все в порядке?

Тот кивнул головой и приподнял руку – мол, да-да, все в порядке. Быстро допил чай и собрался уходить. Но, вставая со стула, вдруг побледнел, зашатался, схватился за край стола и присел обратно на стул. Михаил подскочил, поддержал его под руку:

– Вам помочь?

– Нет-нет, ничего. Это сердце... После операции, шалит... Сейчас... Все нормально... Сейчас пройдет...

Михаил не стал доедать свою трапезу, помог мужчине дойти до машины. Тот стал усаживаться на водительское сиденье.

– Так вы за рулем? Вам нельзя сейчас ехать!

– Ничего-ничего. Спасибо вам. Уже все в порядке. Я тихонечко. Не беспокойтесь. Еще раз спасибо. Извините.

– Да за что же?

– Ну, за беспокойство.

– Не стоит. Но лучше бы вам не ехать. У них здесь гостиница есть. Говорят, неплохая. Отлежитесь, а там, с Божьей помощью...

– Не могу я ждать. Мне надо срочно человека найти. Очень надо...

– Вот и мне надо человека найти. И тоже очень надо, – вырвалось у Михаила. Он открыл свою машину – они стояли рядом.

Случайный знакомый еще раз поблагодарил его и уехал.

И Михаил тоже поехал. Только в противоположную сторону...

ШОУДАУН

Он вскрыл карты первым, показав свой фулл-хаус. Зрители-болельщики-игроки возбужденно зашумели, закивали головами. С такой рукой можно было идти ва-банк. Некоторые сочувственно поглядывали на Санни. Другие одобрительно подмигивали ему – мол, хорошо разыграл. Похоже, многие готовы были принять его в свой круг.

Только он один не радовался. Он уже знал, что сейчас произойдет.

И она, по-прежнему спокойно улыбаясь, показала две десятки...

Каре, или покер – четыре одинаковых карты. Одна из самых старших комбинаций.

Она все просчитала. И то, что сквиз от блайнда был на сомнительной руке вроде туз-король, а уж конт-бет – это вообще блеф. И то, что он сам зашел с не очень сильной рукой. И «тянула» свою пару десятков до конца, упрямо не сбрасывала, пока не получила сначала сет на флопе, а потом и каре на терне... Все сразу затихли, переживая случившееся. Потом зашумели еще сильнее – кто поздравлял ее, кто ободряюще похлопывал по спине его – «не расстраивайся так, это покер». Санни что-то ему говорила, видимо, тоже успокаивая. Но он не слышал ничьих слов.

«Ты сам виноват. Твоя ошибка на префлопе привела к этой катастрофе. Испугался, не стал повышать после сквиза. А она бы сбросила свои десятки. Вот так маленькая ошибка вначале приводит к такому финалу».

А с дамами ему никогда не везло. И не только в покере.

И все было бы еще ничего, но он играл не на свои деньги...

Воскресенье, 19.00

И на самом Заречном рынке, и поблизости было много кафешек, позных, чебуречных и другого общепита. Но везде – толпы народа. Понятно – воскресенье, вечер.

Только в третьей или четвертой забегаловке они нашли пустующий столик на двоих. Денис заказал две порциипельменей, кофе и бутерброды.

– А тут вполне сносно. Даже уютно, – Алена осмотрелась по сторонам, уплетая бутерброд с сыром.

Интерьер был оформлен в восточном стиле, с обязательной экзотикой – узоры, орнаменты, какие-то кувшины. Даже фонтан маленький журчал в углу.

– Павлинов только не хватает, – улыбнулась она.

– Ты знаешь, в таких вот маленьких заведениях еда всегда вкусная, почти домашняя, – Денис тоже потянулся за бутербродом, только с колбасой. Всего два дня назад, точнее – позавчера, он так же сидел за столиком с Клозе и ел такие же бутерброды. Но ему сейчас казалось, что это было очень давно. И в какой-то другой жизни. Он до сих пор не мог прийти в себя...

...Алена сразу поняла, как это безошибочно понимает любая женщина, что он влюбился. И не знала, как к этому относиться. У нее никогда еще не было «своего» парня, бой-френда.

Денис ей понравился сразу. Своей энергией, решительностью. И в то же время какой-то детской стеснительностью. От него веяло надежностью. Настоящей мужской надежностью. И уверенностью. Ей было спокойно и комфортно с ним.

Ей нравилось, как он краснел, когда она смотрела на него, нравился его голос, когда он разговаривал с ней. У него был какой-то едва заметный дефект речи, она даже не могла понять, какой именно – то ли он чуть-чуть растягивал гласные, то ли паузы делал между словами. Но ей это казалось очень милым, и она слушала его голос с удовольствием...

...Официант восточной наружности, очень подходящей к интерьеру, принес пельмени. Они с жадностью изголодавшихся волчат набросились на них, в шутку пытаясь украсть по пельменю из тарелки друг у друга. И долго не могли сказать ни слова, давясь то ли обжигающими пельменями, то ли так и норовящим выскочить смехом.

Пельмени оказались на удивление вкусными и ароматными – явно нормального, ручного изготовления. А, может быть, они оба просто были очень голодными.

Денис сходил к бар-стойке, принес еще две чашечки кофе, пару пирожных.

– Ты как оказалась в этом... «Божьем слове»? Или как там его?

– «Благая весть», – поправила его Алена.

– Вот-вот. Как тебя туда занесло?

– Мне сказали, что у них есть центр помощи для людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Я думала, там мне помогут. Но сейчас я уже не хочу...

– А ты что, в трудной жизненной ситуации? – очень серьезно спросил Денис. От его веселости не осталось и следа.

– Да, – немного подумав, честно ответила Алена и посмотрела ему прямо в глаза.

– А... Я могу тебе помочь?

– Не знаю.

– Расскажи. Ты можешь мне доверять.

Алена задумалась, потом сказала:

– Может быть, позже. Это слишком серьезно. И слишком невероятно. Я боюсь, что ты не согласишься.

Он внимательно посмотрел на нее и медленно сказал:

– Хорошо. Как хочешь. Я буду ждать.

Потом улыбнулся:

– В твоей фразе было одно заманчивое слово – «позже». Значит, я могу рассчитывать на это самое «позже»?

Напряжение исчезло. Алена тоже улыбнулась:

– Денис, мы знакомы с тобой меньше двух часов...

И тут же сменила тему:

– А за что ты этому своему знакомому «спасибо» сказал? Ну, там, на выходе.

– Кириллу?

– Да-да. Тебе что, там понравилось?

– Нет. Не за церковь. За тебя... Если бы он меня не уговорил прийти, мы бы с тобой не встретились. Как-то так.

– Расскажи о себе. Где ты живешь?

Денис посмотрел на часы.

– Вообще-то мне давно уже надо ехать в мой психоневрологический диспансер. Я там живу сейчас.

– Где живешь? – не поверила Алена. – Так ты из психушки?!

– Нет-нет, я не псих. Я там как алкоголик. Там их тоже лечат. Он же не только «психо», но еще и «наркологический».

– Как... алкоголик? Такой молодой? – она была в шоке.

– О боже, как тебе все объяснить?! Никакой я не алкоголик. Я там прячусь. Скрываюсь.

– И ты?! – сорвалось у Алены.

– Что «и ты»? Ты тоже скрываешься?

– Да...

– И я...

– Подожди...

– Это ты подожди...

Они замолчали, глядя друг на друга.

– Рассказывай.

– Рассказывай.

Одновременно сказали и снова замолчали.

– Я должен деньги, – первым начал Денис. – Много. И пока не отдал, приходится прятаться.

– Кому должен? Сколько? За что? – тут же посыпались вопросы.

– Тихо-тихо. Я проиграл в карты. В покер.

– Час от часу не легче! Так ты еще игрок в покер?! Псих, играющий в покер, – она расмеялась. – Боже, с кем я связалась!

- Да не псих я... Я тебе так ничего не буду рассказывать, – деланно обиделся Денис.
- Ну ладно, извини. Ты не псих, я забыла. Ты же алкоголик. Ну, алкоголик, играющий в покер – не лучше. И давно ты играешь?
- Третий год.
- И много проиграл?
- Много, – еще раз повторил Денис.
- И что, теперь всю жизнь прятаться будешь?
- Почему всю жизнь? Только неделю. Уже пять дней осталось.
- А потом что?
- Будет Большая игра. Я выиграю и отдам долг.
- Алена рассмеялась:
- А если снова проиграешь?
- Не проиграю. Ты знаешь, Алена... Еще вчера я бы не смог так уверенно сказать.
- А теперь могу.
- Почему?
- А я за двоих играть буду. Нас двое теперь...
- Алена перебила:
- Денис, перестань. Значит, ты сейчас в свою психушку поедешь?
- Нет, конечно, я с тобой останусь. А ты куда собираешься?
- Я? Не знаю. Мне некуда идти, – честно ответила Алена.
- Ясно. Вот видишь, куда же я поеду? Что, тебя брошу вот здесь? Среди этого рынка, этим узбекам и китайцам?
- Он с таким возмущением это произнес, что Алена поневоле рассмеялась:
- Не кипятись ты. Они-то тут при чем? Никто на меня не покушается пока.
- Ладно, дай мне твой телефон, я позвоню кое-кому.
- Денис хотел позвонить Гарику, однокласснику. У того родители уехали из города на несколько лет, оставили ему квартиру. И он пускал туда время от времени друзей. Так что хотя бы до утра у него остановиться можно. Или больше.
- А по своему что не звонишь?
- У меня симки нет.
- У меня тоже.
- Что тоже?
- Тоже симки нет, – она покрутила смартфоном у него перед носом.
- Понятно...
- Они посмотрели друг на друга.
- А где твоя симка? Выбросил?
- Нет. Не выбросил. Товарищу на сохранность отдал. Как-то так. А ты что, выбросила?
- Тоже нет. Дома оставила.
- Дома? Ты местная, городская?
- Да, живу с мамой.
- Давно ушла из дома?
- Два дня назад. Или три?
- Совсем ушла?
- Нет, конечно! Надеюсь, что нет...
- Предупредила хоть мать-то?
- Я записку написала. Когда все выяснится, вернусь. А сейчас я ничего не смогу объяснить маме.
- А что, надо что-то объяснять?
- Надо...

Денис помолчал, ожидая продолжения.

– Ну, не хочешь – не говори. Учишься?

– Конечно.

– Где?

– Как где? В школе.

– В школе? Так ты еще школьница?

– Да, одиннадцатый класс.

– Я думал, студентка.

– А что, я так старо выгляжу? – закокетничала Алена.

Денис рассмеялся:

– Ты просто великолепно выглядишь! Это не комплимент, это факт, реальность.

– Ты знаешь, я раньше хорошенькая была, – совсем по-девчоночьи сказала она.

– Да ты и сейчас ничего, – продолжал улыбаться Денис.

– Нет, правда. Вот у нас в классе Кристинка есть, так она на самом деле красивая. Мы с ней раньше танцами вместе начинали заниматься. За ней все парни бегают.

– А за тобой не бегают?

– Я на них внимания не обращаю. Да и некогда мне.

– Ну и дураки они, – коротко и веско прозвучал приговор Дениса.

Она рассмеялась от такой его конкретности...

Воскресенье, 19.30

– Ну и дурак же ты, милок, – без всякой злости сказала Любина мама, запуская Юрия в дом. – Я тебя узнала.

Казалось, она нисколько не удивилась его появлению.

– Ты Юра. Ты с Любой приезжал сюда, когда она школу заканчивала. И пошто тебе Алена?

– Она из дома ушла. Что-то случилось у нее. Я найти ее должен. Она была здесь?

– А тебе до нее како тако дело?

– Я ее отец.

Баба Гутя молча взяла старый ухват, стоявший в углу с незапамятных времен, хотя печка давным-давно не топилась как русская.

– Признался. Вот это по твою душу все эти годы стоит. Повертывайся, охаживать тебя буду.

Она села на табурет и тихонько заплакала:

– Нашелся, значит, ирод проклятый. И я через тебя грешна. Из-за тебя ведь с дочкой рассорилась, что понесла она от тебя тогда, без мужа. А ты сбег.

– Но я не знал...

– Молчи! – прикрикнула бабушка. – Хорошо, Фима тогда нашелся. Ох, как любил он и Любу, и Аленку. Я потому его и привечала, что чужую дочь принял как свою. Даже лучше. Дай бог каждой такого отца. А своих детей бог не дал... Через тебя он и усох, сгинул. Твой грех его сгубил. Точил, точил его душу, и сгубил. Не мог он спокойно жить... А я... Выгнала тогда я Любашу. И назад она уже не вернулась. Тяжело хоть было, а не вернулась. Гордая оказалась. Видишь, как ты души человеческие искалечил. Судьбы человеческие поломал... Хорошо хоть явился. Совесть, видно, есть.

– Я случайно узнал, – честно признался Юрий.

– Но не отказался же. А любит Любаша только тебя. Нешто я старая, век прожила, да не чую. По-прежнему тебя.

– Я знаю, бабушка, – тихо сказал Юрий.

– И Серафим, царство ему небесное, знал это, чувствовал. А сделать ничего не мог. Потому и усох. Я знала, что объявишься. Бог-то, он есть. Ведь и ты ее любишь, дурак и есть дурак. Ее и больше никого. Я это тогда уже знала. Хорошо было вам вместе... Сам-то как жизнь жил? Фима говорил, в другом городе живешь, далече... Женат?

– Да.

– Детишки есть?

– Двое. Мальчик и девочка.

– Здоровы?

– Тьфу-тьфу.

– Ну, и слава Богу. Аленку, дочку свою, зачем найти хочешь?

– Как зачем? Встретиться, объяснить ей все. У нее что-то случилось. Очень серьезное. Иначе бы она не ушла. Ей помощь нужна.

– Думаешь, простит? Примет?

– Не знаю. Честно, не знаю.

– Никто не знает. И она сама не знает. От тебя теперь все зависит. Найди ее. И я спокойно умру. Грехними с меня.

– Как ее найти? Где? Зачем она сюда приезжала?

– К отцу Михаилу она приезжала.

– К отцу Михаилу? Кто это?

– Батюшка наш. Священник.

– Она приезжала к священнику?

– Да.

– Но зачем?!

– Что-то важное хотела ему рассказать.

– Они встретились? Рассказала она ему это важное?

– Да. Плакала она потом. Собралась и сразу уехала. Ничего мне говорить не стала... Отец Михаил потом приходил сам, искал ее. Но Алены уже не было...

– Где найти вашего отца Михаила?

– Как где? В храме. Если там нет, дом его покажут тебе. Там недалече. Все, иди. Покормить бы тебя надо, да некогда тебе... Поторопливайся.

Она повернулась к иконе в углу комнаты, перекрестилась:

– Ну, теперь я и умереть могу спокойно...

Да, ему надо было торопиться – загадка Аленкиного исчезновения должна была вот-вот раскрыться. Но Юрий не удержался и завернул на Тополиную поляну.

Он не стал заезжать на саму поляну, остановил машину на повороте, а дальше пошел пешком. Погода окончательно испортилась, ветер стал сырым и холодным. Небо потемнело, вот-вот должен был начаться дождь. Он был здесь всего один раз. Тогда, накануне выпускного вечера, его сюда привезла Люба. Был июнь, самый разгар лета. Они всю ночь провели здесь, на этой травке-муравке. Люба иногда бегала домой, приносила то молоко, то горячих булочек. Ночь была жаркой, и они купались в темной и очень теплой, прогретой за день протопе.

Он и сейчас не замечал ни ветра, ни сырости. Бродил по той самой травке-муравке и только сейчас начинал понимать, что именно тогда и только тогда он был по-настоящему счастлив. И больше такого с ним никогда в жизни не повторялось...

В храме отца Михаила не было. Только две пожилые женщины мыли полы.

– Вы свечку хотите поставить? Проходите...

– Нет-нет, мне отец Михаил нужен. Хотя... Да. Продайте мне свечку.

– Батюшка уехал. А староста, брат Евгений, сейчас подойдет. Подождите.

Юрий не знал ни одной молитвы. Но сейчас, после разговора с бабой Гутей, понял, что должен поговорить с Богом. Только не знал, как. Ну, раз принято ставить свечку, значит, надо поставить свечку.

Он зажег свечку, поставил ее рядом с другими, постоял молча. Перекрестился вроде правильно, справа налево. Что надо делать дальше, он не знал и решил подождать старосту на выходе.

А возле выхода из храма, в небольшом «предбаннике» – Юрий не знал, как называется это помещение в храме, не «сени» же – он увидел фотографии. С одной стороны висел стенд с расписанием служб, расценками на требы и другой информацией для прихожан. В том числе с текстами молитв.

«Сразу надо было сюда подойти».

А с другой стороны – стенд с фотографиями. Своего рода «стенгазета», посвященная главным этапам строительства храма.

У первой же фотографии Юрий остановился, как вкопанный. На него смотрел тот самый человек с аккуратной бородкой, который помог ему всего несколько часов назад в придорожном кафе. Так это и был отец Михаил. Тесен мир...

И что же получается? Голова работала совершенно ясно и четко. Он сам себе удивлялся. Как будто не было бессонных ночей, больного сердца... Значит, она встретила с отцом Михаилом, как сама и хотела. Что-то ему рассказала. Но встреча прошла не так, как она думала. Она очень расстроилась, плакала. Сразу же уехала. Куда?

А отец Михаил, видимо, подумав, спохватился и сам решил ее найти. Причем для него это настолько важно, что, упустив ее здесь, он отправился искать в город. И эта его фраза у кафе:

«Вот и мне надо человека найти. И тоже очень надо» – она была про Алену. Значит, надо найти отца Михаила и все у него узнать. Зачем он ищет Алену и что она ему рассказала. А найти отца Михаила проще, чем Алену – он-то не прячется.

К тому же Юрий обнаружил на одной из фотографий подсказку. Там стояла группа людей в церковных одеяниях – рясах, кажется, так они называются. А рядом – та самая белая «Тойота», в которую сел отец Михаил у кафе. И, самое главное, отчетливо был виден номер. Юрий даже записал его на бумажке на всякий случай.

Он подошел попрощаться к женщинам:

– Спасибо, матушки.

«Так ведь принято обращаться к женщинам в православном храме?»

– Не буду я дожидаться старосту. Поеду. А батюшка далеко уехал? Не скажете? Надолго?

– В город уехал, – ответила одна из них. – Машину, сказал, ремонтировать. Есть у него там мастер хороший, вот к нему и поехал.

– А как мастера этого найти, не знаете?

– Нет, конечно. Бурят какой-то. Маш, ты не помнишь, как батюшка мастера своего по машине называл? Бурят который.

– Аркашка. Мы еще шутили – хорошо, что не Алкашка.

– А вам зачем? – вдруг как-то с подозрением спросила первая.

– Да у меня машина такая же. Мастера хорошего ищу, – сам не зная почему, на всякий случай соврал Юрий. И подумал: «Грешно, наверное, врать прямо в храме».

Он отъехал немного от церкви, остановился и набрал номер Дмитрия Рокотова.

– Ну что, нашел Алену? Там она? – сразу спросил Димка.

– Нет.

– Что, зря съездил?

– Ну, не совсем зря. Была она здесь. Я выезжаю обратно, утром буду. А для тебя работенка есть. По твоей специальности. Записывай. Михаил Иванович Артемов, около сорока лет, работает священником... Или служит? Одним словом, он священник в местном храме, автомобиль «Тойота», белого цвета, номер... Погоди, сейчас продиктую...

– «Тойота» какая?

– Белая, я же сказал.

– Да модель какая?

– Да кто ж его знает... Не разбираюсь я в этом. Да и зачем? Номер ведь есть. Он должен был ее сегодня вечером загнать в сервис к какому-то Аркаше-буряту. Скорее всего, завтра будет забирать. Там и надо будет с ним встретиться.

– Ё...к-л-м-н! Погоди. Священник-то тут при чем?

– Еще как при чем. Приеду – все объясню. Вычисли этого бурята...

Отца Михаила ему надо было найти не только из-за Алены. Ему самому надо было срочно поговорить со священником – уже о своих делах и проблемах. Он чувствовал, что окончательно запутывается.

А теперь обратно. Темнеет? Ну и что с того?

Он стал снова тем семнадцатилетним Юркой, для которого не существовало проблем и преград. Уверенным в себе и легким на подъем. Весь мир снова был у его ног. «Лишь бы сердечко не подкачало, – усмехнулся он сам себе. – А то разухарился, мачо. Вон как в кафе прихватило».

Если выехать прямо сейчас, и постараться, то не к утру, а к полуночи он сможет оказаться в городе. А там – к Любе. К его Любе...

Дождь начался? Тоже не помеха...

Воскресенье, 21.30

Когда они вышли из кафе, на улице уже вовсю поливал дождь.

– И куда мы теперь? На вокзале ночевать будем? – спросила Алена. Она как-то незаметно для себя перешла на обобщенное «мы». – Больше не хочу.

– А ты что, на вокзале ночевала?

– Последнюю ночь – да.

– Ну, ты даешь! Есть одно местечко... – задумчиво сказал Денис. – Особого комфорта не обещаю, но до утра перекантуемся. Как-то так. Здесь недалеко. До вокзала спустимся, а там рядом.

– Так все-таки на вокзал?

– Нет-нет, там дом есть, знакомый мой один живет. Разруха, конечно, у него, но приютит... А утром решим. У моего друга квартира свободная есть...

...Ему надо как-то начинать новую жизнь. Он же теперь не один. У него есть она – Алена.

Понятно, в диспансер он уже не вернется. Ни завтра, ни потом.

«Заехать за вещами? Да ладно, там особо ничего и нет – костюм спортивный, тапочки да кружка-ложка. Хотя к Олегу все равно заехать надо, флешку завезти с программами и музыкой. Обещал ведь, да и мужик он хороший, помочь надо. Тогда и заберу. И в общагу возвращаться смысла нет. А вот ноутбук срочно нужен. Но это – позже, когда все образуется. Завтра утром можно снять номер в гостинице. Хотя нет, нельзя. Придется паспорт предъявлять, заселюсь... По Аленкиному? Но ее тоже ищут. В какой-нибудь частной гостинице договориться без паспортов? Можно попробовать. Гарик, конечно, не откажет. Если у него свободно. Но все

это временно – на день, на два. Надо квартиру снимать. Значит, нужны деньги. Значит, надо играть. За ноутбуком завтра ехать надо...»

...Они сидели на лавочке под навесом в скверике у вокзала.

– Ты не замерзла? – он заметил, что она как будто съежилась.

– Нет. Ты почему молчишь?

Он снял куртку, набросил ей на плечи и обнял, прижав к себе.

– Думаю, как жить дальше.

– И как?

Он не ответил на ее вопрос, а, помолчав, задал свой:

– А все-таки, Алена, что у тебя произошло?

Она долго молчала в темноте, потом спокойно сказала:

– Я беременна.

И тут же почувствовала, как он напрягся. Чуть погодя спросил:

– И где же отец?

– А нет отца.

– Ты не знаешь, кто он? Или сбежал?

– Нет-нет, не так все.

– А как? Есть несколько возможных... кандидатов?

– Вообще нет отца.

– Как это?

– Не было у меня до сих пор мужчины. Ни с кем не было. Я... Как тебе сказать... Я девственница.

Он нервно хохотнул:

– Что за чушь? Беременная девственница? Непорочное зачатие, что ли?

– Я же говорила, ты не поверишь.

Он осекся:

– Нет... Я... Почему-то я верю тебе. Просто все это как-то... Невероятно... Непонятно...

– Мне даже батюшка не поверил. Отец Михаил. Дядя Миша, – она помолчала. – И никто не поверит...

Воскресенье, 22.30

– Но ведь никто не поверит! Ну, и где же она теперь? – Алексей отодвинул свою чашку с чаем.

– Пропала она, – ответил Михаил.

Они пили чай на кухне у Алексея. Михаил добрался к нему только вечером, уже затемно. Сначала решил загнать машину в сервис, но там пришлось дожидаться Аркашу-бурята, потом ждать, пока он диагностику проведет. Потом еще кое-какие срочные дела сделать.

Жена Алексея, тоже Наталья, накрыла им наскоро стол на кухне и пошла укладывать младших детей. Их старшая дочь была почти ровесницей девчонок Михаила, а младшие братья-близняшки еще и в школу не ходили.

– Как пропала?

– Понимаешь, неправильно я себя с ней повел. Каюсь... Но дочки как с катушек слетели в последнее время. Причем обе. Одна любовь на уме. Парни, свидания, наряды. Выпускной класс, экзамены на носу, а они... Я понимаю, возраст такой. Но переживаю очень. И Наталья. Не знаем прямо, что и делать. А тут Аленка... Пять лет не появлялась, ни слуху – ни духу. А тут – нате вам. Вывалила – беременная, мол, я. А отца нет. Я сразу-то и не понял, о чем она говорит. А дальше вообще несусветный лепет про непорочное зачатие, девственность и так далее. Я и отчитал ее. Как дочь, по-отцовски. Плохой из меня священник. И отец плохой.

– Да погоди. Не казни себя, все мы грешны. Понимаю тебя – моя вон Светка тоже с одно-классником дружит. И чем закончится?... Думаешь, я не переживаю? Как фамилия-то у твоей Алены, знаешь?

– Конечно. Помогаева.

– Значит, Алена Помогаева. А отчество?

– Серафимовна. Отец ее, Серафим, царство ему небесное, несколько лет назад умер. Божий был человек.

– Понятно, – Алексей записывал на бумажке. – Может, и адрес знаешь? Где живет здесь?

– Нет, адреса не знаю. Живет с матерью, с Любой. Любовь Егоровна Помогаева. Ее, Любу, мать после восьмого класса в город отправила учиться, хотела, чтоб в институт поступила, в люди выбилась. У тетки жила здесь. А где сейчас – не знаю.

– Ладно, найдем мы твою пропажу. Мир не без добрых людей. Есть у меня специалисты...

Он позвонил кому-то по телефону. Михаил никак не мог успокоиться.

– Понимаешь, Леш, очень мне надо ее найти. Я же потом подумал... Долго думал. А как сообразил, о чем она мне говорила, сразу к ней пошел. Ну, к бабушке ее, к Августе Федоровне. Они вместе с утра ко мне приходили. Поздно пришел, опоздал. Не было уже Аленки. Баба Гутя ругать меня начала, мол, не помог девчонке, а только расстроил. Алена, оказывается, как пришла от меня, плакала, а потом собралась быстро, попрощалась и ушла. Я на остановку, а там ее тоже нет... На попутке, видимо, уехала. Она же для меня как родная! И потом... Я думаю, что все, что она рассказала – правда.

– Получается, она не врет?

– Не врет она! – воскликнул Михаил. – Я ее вот с такого возраста знаю! Как третья дочка мне была.

– Но ты же сам говоришь, что пять лет ее не видел. Мало ли что в жизни могло произойти. Да и врачебная ошибка возможна. Ошибка... Все может быть. Знаешь, Гете сказал: «Говорите только о том, в чем вы уверены. А сомнений у меня самого хватает».

Михаил невольно улыбнулся. Алексей учился заочно на психологическом факультете университета. В принципе – правильное решение, любой священник должен быть и психологом. Вопросов и проблем у прихожан много, и профессиональное психологическое образование во благо. Улыбку вызвало не это – Алексей, и так начитанный и эрудированный, теперь постоянно вставлял в разговор изречения и афоризмы «великих», так и сыпал ими. Предмет у них там такой был, что ли?

– Значит, говоришь, что уверен? – продолжал Алексей.

– Уверен, – подтвердил Михаил.

– Но знаешь, что мне покоя не дает?

– Да я тоже места себе не нахожу...

– Нет, я не об этом. Ведь это должно было случиться... Именно в это время и именно здесь...

– Ты о чем? А-а! – чуть не ахнул Михаил. – Последнее предсказание монаха Авеля?

– Ну да!

– Всю дорогу мне покоя не было... И ведь не дошло сразу...

– А еще икона...

– «Воскрешающая Русь», – закончил его мысль Михаил. – Точно! Нет, не зря я к тебе заехал. Бог вразумил... Мало того, я тебе сейчас кое-что покажу. Ты поразишься. Как же я сам-то сразу не сообразил?

Он достал Аленин планшет.

– Вот, планшет свой она мне оставила.

– Зачем?

– Я сам не понял. Уже когда уходила, сунула и сказала, что вроде как в подарок девчонкам моим. Я потом-то спохватился, что слишком дорогой подарок. И заполненный. Там куча ее файлов – книги, фильмы, музыка, ссылки разные. Она ничего не удалила. Но дело даже не в этом. В ней самой. Вот, смотри...

Михаил включил планшет, открыл папку с фотографиями. На Алексея смотрела улыбающаяся симпатичная рыжеволосая девушка. Он прошептал:

– Это она? Все сходится...

Они молча смотрели друг на друга, потрясенные открывшейся им невероятной связью событий.

Потом Алексей тихо заключил:

– Ладно, Миш, не переживай так. На все воля Божья. Иди спать, Наталья уже постелила. А с утра поедем к Владыке. Я утром позвоню, договорюсь. Расскажешь ему все. Посоветуемся.

– Я потому к тебе и приехал. Посоветоваться, рассказать. И к Владыке заехать. Я сам об этом думал – ему надо рассказать. Только не догадался, что все это так...

– Так серьезно?

– Да. Тебе проще с ним общаться, ты его лучше знаешь. Одному мне несподручно к нему обращаться.

– Ну, не настолько и лучше, – рассмеялся Алексей. – Ладно, утро вечера мудренее. Решено – утром к Владыке, а потом – к ней домой.

– Может, лучше наоборот? Возьмем с собой Алену, она сама все и расскажет?

– Да я уверен – нет ее дома. Уже несколько дней нет. И мать явно не знает, где она. А вот где ее искать – вопрос...

Часть вторая – Апсвинг

ПРЕФЛОП

Тишину за столом нарушал непрерывный однообразный шум – все дружно тасовали и перебирали свои фишки. «Волнуются, что ли?»

Она же сама была на удивление спокойна – еще не успела попереживать и поволноваться. Это была только вторая раздача в игре. В первой она просто пасанула – карта была никудышная. Хотя она бы, наверное, сбросила и более-менее стоящие карты, чтобы привыкнуть, осмотреться, понаблюдать за соперниками. Но времени для этого не оказалось. У нее были два короля. Ну, тут никаких сомнений не оставалось – надо играть, причем активно и агрессивно. Никакого слоуплея, то есть скрытого, замедленного розыгрыша, чтобы потом выскочить, как из засады.

«Не слоуплей топ-пары! Карманная топ-пара сильна только на префлопе. Потом начинают собираться всякие флеши, стриты, сеты, и топ-пара очень быстро обесценивается».

Она, не раздумывая, объявила рейз и занялась отсчетом нужного количества фишек. Все удивленно смотрели на нее. И было понятно, чему они удивляются. Она сидела на самой первой позиции, сразу после блайндов. Это самая невыгодная позиция. «Расстрельная». Все остальные вступали в игру уже после нее. Недаром эту позицию называют «УТГ» – от английской аббревиатуры «UTG – under the gun», что в переводе означает «под дулом». Если кто-то рискует рейзить в этой позиции, это значит, что ему пришла действительно хорошая карта. А что ей оставалось делать? Она разве виновата, что именно сейчас ей пришли эти короли? «Под дулом» так «под дулом».

Ей тут же стало смешно – ее рейз заколлировали абсолютно все, кто сидел за столом. Никто не стал повышать, но никто и не пасанул. Видимо, всем хотелось поучаствовать в этом «празднике жизни»...

Понедельник, 8.00

Сотовый зазвонил рано утром. Юрий с трудом открыл глаза, дотянулся до телефона. Хотел выключить, но проснувшаяся Люба спросила:

– Кто там?

Он посмотрел и рассмеялся:

– А ты как думаешь? Митька, конечно! Будильником работает...

Тут же раздался звонок в дверь.

– Пораньше не мог предупредить, что едешь? – возмутился Юрий.

– Скажи спасибо, что вообще позвонил.

Димка, как всегда, шумный и веселый, быстро разулся в прихожей:

– Все, голубки, хватит ворковать...

И, пытаясь и отдуваясь, без приглашения ввалился в комнату. Увидев еще не застеленную кровать и заспанную Любу в наспех брошенном халатике, он рассмеялся:

– Да у вас тут медовый месяц в разгаре!

Юрия даже покорило – Димка, конечно, был рубаха-парень, душа компании, общительный и добродушный, но иногда его бесцеремонность зашкаливала. Хотя, с другой стороны, у него всегда все получалось так весело и естественно, что обижаться и сердиться никому и в голову не приходило. Если бы, например, сам Юрий где-нибудь кому-нибудь ляпнул что-

нибудь подобное, это бы закончилось совсем не улыбками. Сейчас же все трое просто рассмеялись.

– Что-то вроде того, – смущенно махнула рукой Люба. – Ты на кухне подожди, я сейчас...

– Ну, вы тут... Одним словом, да, я на кухне подожду...

Юра брился-умывался в ванной, сквозь тонкую дверь слушая голоса, доносящиеся из кухни. Там Люба поила Диму чаем. Вернее, один голос:

– Лорка моя вчера поздно с дачи вернулась. Хорошо хоть машину отдала. Ох, и ругалась, что я ее там одну бросил. Я ей говорю, мол, друг из Питера, двадцать лет не был. А ей по барабану! Все вы, баба, одинаковы. Да, Любана? А ты-то как посвежела, похорошела! Словно подменили...

– Ой, отстань, Дима! – услышал Юра игривый возглас Любы. Димка, видимо, обниматься полез.

– Все-все, не балуюсь. А то Юрка, не ровен час, еще и в морду заедет. По молодости-то горячий был, боевой. А сейчас как? Есть порох в пороховницах? Признавайся, проказница! – продолжал доставать ее Димка.

«Как он может шутить и балагурить в такой ситуации? Конечно, ведь не его дочь пропала, – раздраженно подумал Юрий, но потом взял себя в руки. – Он же всегда такой. Его на костре сжигать будут, а он анекдоты травить начнет».

– Вот, чуть не забыл, Люба. Моя просила гостинец передать, – на кухне зашуршали пакеты.

– Что это? – удивленный голос Любы.

– Огурчики-помидорчики с дачи. Свежие, вечером только сорванные с грядки. Свои, замороженные! Лорка от чистого сердца. Она у меня такая – поорет-поорет, а потом гостинец сообразит. Бери, сама попробуешь и гостя дорогого угостишь. У тебя же нет дачи? Да и он, бедолага, в столицах своих, поди, давненько ничего такого не пробовал.

Димка что-то продолжал тараторить, Люба тихонько смеялась. И Юрий вдруг снова почувствовал, что будто и не было этих восемнадцати лет, и никуда он не уезжал. «Как домой вернулся»...

– Слушай, – вдруг серьезно спросил Димка, – получается, что Юрка остается?

Юрий так и замер, держа бритву в руке. Какое-то время на кухне царил молчание, потом раздался спокойный голос Любы:

– Не спрашивай меня ни о чем, Дима. Пока. Я сама ничего не знаю, что будет дальше.

– А я знаю. Я бы лично никуда не уехал от такой красотки, как ты, – обратил все в шутку Дима.

– Все, хватит прикалываться.

– Вообще-то я серьезно. Ты в зеркало посмотришь. Помолодела, совсем девчонкой стала, – озвучил Юркины мысли Дима.

– И я серьезно. Я не-зна-ю...

«А ты знаешь? – спросил Юрий у своего отражения в зеркале. – А должен бы знать. Вернешься в свой Питер. А они все останутся здесь».

Он даже зажмурился, лишь бы не видеть эту противную самодовольную физиономию в зеркале.

Здесь как-то все по-другому происходит. Как в другом мире. Вот Димка все бросил, примчался сюда с самого утра. Кстати, а почему он не работает? Володька, ни секунды не задумываясь, машину вчера ему отдал. И Люба... Любаша... Все простила, по-прежнему его любит. И, черт возьми, оказалось, что и он ее – тоже! И Алена... А он ее еще не видел. Все, хватит! Ну и свинья же ты!

Он быстро добрился, наскоро ополоснулся, и снова остановился, теперь уже с полотенцем в руке: «А Руслан, Диана? Работа? Вика, наконец? Стоп! Все это потом. Сейчас главное – Алена». И он, набрав в легкие побольше воздуха, как перед прыжком в холодную воду, вышел из ванной.

Люба и Димка тихонько смеялись какой-то очередной его шутке.

– Наконец-то! – обрадовалась его появлению Люба. – Сколько можно?

– Время не ждет! – подхватил Димка. – Труба зовет!

– А ты почему не на работе? – спросил Юра.

– Какая работа, когда друг прилетел! Я отгулы взял. Вчера еще шефу позвонил, он у меня мировой мужик.

– Дима, зачем... Мы бы сами, – Люба взглянула на Юрия.

– Сами с усами. Что – сами? Во-первых, у меня этих отгулов скопилось столько, что месяц могу отдыхать. Все равно надо использовать когда-то. Лорка все ждет, что я их на даче проведу. Так уж лучше с вами... Во-вторых, в этом деле без связей, нужных людей и опыта не обойтись. Вот, например, сейчас едем к этому Аркашке-буряту в сервис.

– Нашел его?

– Конечно, мы же работаем! Ну, а ты что в деревне узнал?

Пока Юрий рассказывал, Люба накрыла стол, порезав в том числе Димкины дачные шедевры. Тот молча, чтобы не перебивать Юрку, показал ей большой палец и заулыбался – молодец, хозяйка!

– Итак, она была в деревне и вернулась в город, – резюмировал Димка, когда Юра рассказал все.

– Ты уверен, что в город? – спросила Люба.

– Уверен. Куда еще? Я так вижу ситуацию. У нее что-то случилось. Какие-то проблемы. Она хочет их решить. Почему не рассказала тебе, Люба, это другой вопрос. Поехала в деревню, причем не к бабушке, а к батюшке. Но ничего не решила. Зачем ездила, Михаил нам расскажет. А сама вернулась. Проблема у нее здесь, и решение проблемы тоже здесь. Где она может быть? У подружки какой-нибудь?

– Нет у нее подружек. Настоящих. Есть две более-менее... Но я им сразу позвонила. Не было ее.

– Врут? Прикрывают?

– Нет. Точно. Не настолько они близкие подруги.

– Ну и где она? На вокзале? – Димка чуть призадумался и повернулся к молчавшему Юре. – Знаешь что, давай-ка съездим сейчас, найдем одного человечка. Если она на самом деле где-то в городе... Ну, так сказать, бомжует... То узнаем. Все, поехали.

– А сервис?

– Потом. Если Михаил только вчера вечером сдал машину, вряд ли ее рано утром сделают.

– А я? – как-то жалобно спросила Люба.

– А ты остаешься, – улыбнулся Дима. – Твоя задача – Алену ждать. Я не удивлюсь, если она вот-вот домой зайвится. Если что, сразу звони.

Понедельник, 9.00

– Сейчас, подожди, Алена, я позвоню.

«Паджеро» стоял на своем обычном месте. Денис что было сил пнул по резине. Тут же завизжала сигнализация.

– Ты что делаешь? – ахнула Алена.

– Это я звоню. Сейчас человек выйдет.

Клозе появился буквально через минуту:

– Каспер, не наглей. Не злоупотребляй. А то ведь и полицию вызвать могут. Я едва охранника успокоил.

– Извини, дело очень срочное. Привет, Сергей Анатольевич.

– Ну, привет... Денис, – Клозе решил, что если Денис обращается к нему по имени-отчеству, то и он сам сейчас не Каспер, а Денис. – Все, закончилось твоё лечение?

– Как-то так...

– Ясно, трех дней хватило. Ну, дело хозяйское. Чем мог – помог. Как тебе мужики – Барракуда с Олегом?

– Ты их знаешь? – удивился Денис.

– А ты думаешь, почему тебя именно в их палату поселили? А не к наркоманам, например, – рассмеялся Клозе и посмотрел на Алену. – А-а...

– Познакомьтесь, – спохватился Денис. – Это Алена, а это Кло... Сергей Анатольевич.

Клозе демонстративно расшаркался перед Аленой, да так смешно, что она расхохоталась.

– Можете называть меня Клозе. Так привычнее.

– Как? – удивилась Алена.

– Денис потом объяснит, сейчас времени нет. Я же на работе. Она, я так понимаю, в курсе? – он взглянул на Дениса.

– Полностью.

– Ясно. Что дальше?

– Симку дай.

– О-па. А стоит?

– Да не звонить. Номер один посмотреть надо. Телефоны все на ней остались.

Клозе достал бумажник, вытащил оттуда симку:

– Вообще-то знай, что достаточно просто включить телефон, чтобы нашли... Ну да ладно. Будем надеяться, не настолько круто за тебя взялись... А это откуда? – он кивнул на разбитую губу Дениса и ссадину на скуле. – За нее бился?

– Как-то так.

– Поня-ятно. Дело молодое...

– Только еще одна просьба, Сергей Анатольевич, – Денис вставил симку, набрал пинкод. – Позвонить с твоего телефона. Набери, пожалуйста, вот этот номер. Это очень важно. Понимаешь, нам приткнуться где-то надо на пару дней, а у человека квартира свободная есть.

– Ну, Денис... Только ради твоей дамы.

Пока Денис разговаривал с Гариком, Клозе наклонился к Алене и, приобняв за плечи, что-то нашептывал ей на ухо. Она сначала улыбалась, а потом вообще рассмеялась и засмущалась.

«Вот ловелас», – промелькнула мысль, и Денис сам себе удивился. Это что – уже ревность?

– Ну что, решил? – Клозе оставил в покое раскрасневшуюся Алену.

– Да, спасибо. Через час Гарик будет дома, тут совсем рядом, я забегу, заберу ключи – и все о-кей. Квартира тоже недалеко, у автовокзала, пешком дойти можно. Так что живем, Алена. Пойдем, пока кофе попьем, – и он сам обнял ее, как будто показывая: «Мое, не трогай!»

Клозе чуть не подавился улыбкой, но очень серьезно сказал:

– Но, честно сказать, тебя серьезно ищут. Ко мне приезжали.

– Кто?!

– Молодые парни, культурные, спокойные. Костюмы, галстуки.

– А ты-то при чем? Откуда про тебя узнали?

– Ты же звонил мне. Вычислили. Я же говорю – серьезно работают.

– И что спрашивали?

– Я им сказал, что ты ко мне за деньгами приезжал. Занять хотел. Мол, должен кому-то. Угадал?

– В точку. Как-то так. Поверили?

– Конечно. Но у меня сейчас денег нет, поэтому занять не смог. Где искать тебя, не знаю. Что, проигрался?

– Было дело.

– На чужие играл? Смотри, если должен кому-то из наших, я могу поговорить. Я в этом круге давно вращаюсь, всех знаю.

– Хорошо. Если будет совсем тяжело, зайду.

– Тогда пока. Алена, тоже пока. Надеюсь, до встречи, – он улыбнулся и так же театрально раскланялся.

– До свидания, – в ответ улыбнулась она.

– Погоди-ка, – вдруг остановился Клозе. – Я так подозреваю, Каспер, ты на Большую игру собираешься?

– Да, – чуть помедлив, ответил Денис.

– Уверен?

– Да.

– Ну... Думаю, отбор ты пройдешь. Насколько я тебя знаю... Дело в том, что я в числе приглашенных.

– Ты?!

– Там и встретимся. Все, я пошел. Еще раз извините, мадам. Работа-с. Денис, на минутку.

Клозе увлек его чуть в сторонку и заговорщицки прошептал на ухо:

– А она очень даже ничего.

– Ну-у, – засмутился Денис, не зная, что и ответить.

– Давай-давай, мужик, – рассмеялся Клозе и подмигнул Денису. – Теперь понятно, почему ты из больницы сбежал. Но по морде больше не получай...

После вчерашнего неожиданно начавшегося дождя остались только мокрый асфальт и опавшие листья. Даже лужи не успели образоваться. Но было прохладно и сыро.

– Замерзла? Пойдем, кофе попьем и согреемся. Время еще есть, – предложил Денис.

– Куда мы пойдем?

– Здесь близко, рядом совсем...

Понедельник, 9.00

– Куда мы едем? – уже в машине спросил Юрий.

– Здесь близко. Рядом совсем. На рынок. Центральный. Надо Полковника найти. Он явно там где-нибудь сидит, в пивнушке. Понедельник, утро. Где ему еще быть?

– Это что, кличка такая – Полковник?

– Нет-нет, он действительно был полковником. Лет тридцать назад в отставку ушел, давно на пенсии. Разговоры ходят, что не сам ушел. «Ушли» его. С кем-то характерами не ужился. Или еще что-то. Давно это было... Он в последние годы службы на генеральской должности был, транспортной милицией командовал.

– А, так он тоже из ваших!

– Ну да, а ты что думал?

– Да почему-то показалось, что военный, из армии...

– Нет, наш. Я поэтому его и знаю.

– А пивнушка здесь при чем? Пьет, что ли?

– Пьет. Здорово пьет. Лет двадцать уже, если не все тридцать. Я еще стажером был, про него узнал. А сейчас вообще крышу снесло. Ушел в глубокий непрерывный запой под старость лет. Так и не выходит.

– И что, бичует? Ну, бомж? Опустился совсем?

– Нет! Живет дома, всегда чистенький, аккуратный. Сейчас сам увидишь. Говорит, один пить не могу, а старых друзей не осталось. Вот он и тащится сюда, на рынок, в пивнушки, к народу. Всех там знает. Начинает с пива, потом чекушка-другая. К вечеру уже никакой. Но сейчас еще утро, так что не переживай, он пока только пивком отпаивается, надраться не успел. Еще более-менее адекватным должен быть.

– А семья что ж?

– Один он живет. Дети выросли.

– Вдовец?

– Нет, жена у него по заграницам все – Франция, Швейцария, Люксембург. Чаше всего в Германии...

– Как это? – удивился Юрий.

– Она в гувернантках у Гильбертов. А, ты не знаешь, наверное. Это наши местные олигархи.

– Знаю, конечно.

– Ну вот видишь, и в столицах о нашей сибирской глухомани знают...

– «Лесные» короли? Хозяева тайги?

– Ну, не только. Они и лесом занимаются, и много чем еще. Владельцы, так сказать, «заводов, газет, пароходов». Живут в Европе, здесь редко бывают. Но хотят, чтобы дети-внуки русскими остались. Соболевская у них домашней учительницей. Всю жизнь в школе проработала, заслуженным работником образования стала. А теперь вот буржуев обслуживает. Они и возят ее по всему миру. Там работает, а сюда в отпуск приезжает, но редко. Так что, как говорится, «полковнику никто не пишет, полковника никто не ждет». Вот и пьет...

Юрий помолчал, обдумывая «пути господни», потом вернулся «на грешную землю»:

– А почему ты думаешь, что он должен что-то знать про Алену?

– Есть у полковника Соболевского слабость одна. Очень он девочек молоденьких любит.

– Как?! – от неожиданности даже вскрикнул Юрий. – В смысле? Маньяк, что ли?

– Нет, – рассмеялся Дмитрий. – Мы тоже сначала так думали. Перепугались, когда первые сигналы поступать стали. Нет, тут другое. Он не для этого их обихаживает. Девчонок молодых много на вокзалах и на рынках крутится. Как с периферии в Москву рвутся, так и к нам из деревень. Но, как и там, мало кому устроиться удастся. Вот и пополняются ряды привокзальных и рыночных воровок и проституток. А Соболевский для них вроде как добрый дедушка. Куратор, что ли. Особенно для новеньких. Защищает их, если надо, помогает, иногда и деньгами. Моральная поддержка...

– А он точно не маньяк-педофил?

– Нет. Мы много раз проверяли. Другие у него цели-мотивы.

– Другие? Какие?

– Альтруистические, – веско сказал Дмитрий. – Я так думаю, дело в том, что у него самого все пацаны были. И сыновья, и внуки, и правнук теперь тоже мальчишка. А ему, видимо, девочку хотелось. Это сейчас и сказывается. А, с другой стороны, говорят, верующим он стал. Окрестился несколько лет назад. Вот и замаливает какие-то грехи молодости. Еще говорят, что вроде как болен он неизлечимо. Рак или еще что-то. Но не буду врать, не знаю...

На торговой площади перед рынком было, как всегда, шумно и многолюдно. Юрий с тоской смотрел на громадину нового рынка, построенного несколько лет назад на месте старого, хорошо ему знакомого по временам молодости. Смотрел даже не как уроженец этого города,

много лет не бывавший в родных местах. А больше как профессионал-архитектор, поражавшийся бездарности и кощунству местных чиновников от градостроительства, уродующих весь город такой вот «точечной застройкой». Когда среди исторического квартала, уютного и «человечного», вдруг появляется очередная «античеловечная» громада торгового комплекса или развлекательного центра. Понятно, земля в центре дорогая, без взяток дело не обходится. Но хоть бы архитекторов стоящих привлекали, так нет же, «свои» работают, те, что «в доле». Он сам, зная всю эту кухню изнутри, покрутившись достаточно в системе тендеров-аукционов, изначально созданной для легализации всех махинаций, особенно в строительстве, давно уже работал только в Финляндии. Выполнял заказы своих финских друзей-заказчиков, работы было много, финны были довольны. Да и они с Викой – тоже. Вот бы Вика сейчас посмотрела на этот ужас, вот бы поразились... Зная ее активную натуру, он сразу представил, как она начала бы предлагать варианты альтернативной застройки – как надо было бы сделать так, чтобы все было бы не так...

– Зайдем сначала к нашим, – голос Димки вернул его к действительности. – Узнаем, где Полковник сегодня сидит.

Юрию не очень хотелось заходить внутрь этого «монстра от архитектуры», и он даже обрадовался, когда Дима повел его в обход, во внутренний дворик рынка.

Он давно не бывал на подобных рынках. У себя в Питере они с Викой всегда отоваривались в супермаркетах, торговых центрах и бутиках, и он даже забыл о существовании таких полудиких форм торговли, где можно и поторговаться, и поскандальить.

На площади перед рынком стоял шум и гам – визгливые продавщицы противными головами ругались с грузчиками, покупатели возмущались очередным недовесом, охранники в черной униформе пытались выгнать бабушек-садоводов. И все это сопровождалось непрерывными криками и руганью.

Юрий в свое время бывал на восточных базарах и в Ташкенте, и в Баку, но то, что происходило здесь, никак, даже отдаленно, не напоминало те рынки. Это было именно то, что и называлось русским конкретным словом «базар». Если там создавалось ощущение непрерывного праздника и даже карнавала, то здесь – только непрерывного скандала. Хотя нет, о существовании тех регионов напоминало огромное количество лиц восточной внешности – с Кавказа, из Средней Азии. Они и за прилавками стояли, и грузчиками работали. Всюду мелькали характерные профили и звучали громкие крики на их восточных наречиях. Причем вели они себя нагло и даже вызывающе, как истинные хозяева на этом рынке.

– Ребята сейчас здесь работают, операция идет. Уже давно. От перекупщиков пытаются избавиться. Чтобы наши бабушки огурчики-помидорчики с огорода сами могли продавать. Самый урожай сейчас, а тут эти все оккупировали, – Димка хотел, видимо, как-то чисто по-русски охарактеризовать «этих», но не стал ругаться, сменил тему:

– Ты машину-то Володьке вернул?

– Да, вчера уже почти ночью заехал.

– Молодец, все успеваешь.

Они зашли в опорный пункт полиции.

– А, Димыч! Здорово! – встал им навстречу дежурный капитан. – Ты какими судьбами?

«Судя по всему, Димку здесь тоже все знают и любят. Как раньше и в школе было», – с легкой завистью подумал Юрий.

– Привет, – сухо поздоровался Дмитрий, сразу давая понять, мол, не до болтовни. – Вот, у друга дочка пропала.

Капитан сразу стал серьезным:

– В сводке не проходила. Заявление подавали?

– Нет, сами разбираемся.

– Ясно. Если что надо, говори. Поможем.

– Полковник здесь, на рынке?

– Соболевский-то? Где же ему еще быть? – хохотнул капитан. – Сейчас узнаем, где сидит. Ты думаешь, девчонка где-то здесь?

Юрия покорило это, как ему показалось, грубое и пренебрежительное «девчонка» по отношению к его Алене. Но потом сообразил – это же их работа, жесткая, порой неблагодарная. И «девчонки», с которыми они здесь обычно сталкиваются, чаще всего оказываются далеко не паиньки.

– Все надо проверить, – ответил Дмитрий.

– Правильно, – согласно кивнул капитан и позвал одного из сержантов: – Рома, ты сегодня Соболевского видел?

– С утра у Катерины сидит. В аптеке.

– Знаю, знаю, – понял Дима. – На первом этаже? Возле корейских салатов? Ладно, спасибо. Мы пошли.

– Ты заходи, если что, – прохрипел в ответ капитан голосом волка из старого доброго мультика и скорчил смешную рожу. Это был, видимо, их какой-то местный «прикол». Дмитрий, наверное, должен был что-то ответить соответствующее, но он даже не улыбнулся:

– Зайду.

Юрий обернулся на него и поразился – он не привык видеть Димку таким сосредоточенным и очень серьезным.

Понедельник, 9.30

– Денис, ну что ты такой серьезный? Расскажи лучше, что такое Большая игра? – спросила Алена.

Он взглянул на нее и невольно заулыбался. Она, рыжеволосая и растрепанная, сидела прямо под такой же рыжеволосой и растрепанной Пеппи-Длинный-Чулок. Они пили кофе в той самой «Снежинке» рядом с Клозевским офисом. Гарик жил недалеко, буквально в пяти минутах. Так что торопиться было некуда.

Алена удивленно посмотрела на Дениса – что смешного было в ее вопросе? Денис взглядом показал на Пеппи, она обернулась. Не сразу, но поняла его юмор, сама расхохоталась и задорно потрясла головой, еще больше разломатив волосы. Потом показала на стену над его головой. Он посмотрел туда – на сей раз он сидел под... Бармалеем. Носатый Бармалей был страшным и злым, но им обоим он показался очень смешным, и они вместе продолжали смеяться.

Денис вдруг ясно представил картину – они с Аленой, уже взрослые, сидят в этом же кафе, только не одни, а с детьми, мальчиком и девочкой. Мальчик постарше, а девочка еще совсем маленькая. Они так же пьют кофе, дети едят разноцветное мороженое. Дети начинают баловаться, собираются пуляться друг в друга мороженым из ложечек. Надо их остановить... Интересно, как это делается у них, у взрослых. У родителей... Но... Картина вдруг пропала. Ведь все это может воплотиться в реальность гораздо раньше, чем он думает. Алена ведь беременна. Вчера вечером она рассказала ему об этом, но за все это время у них даже не было времени спокойно поговорить. Сначала эта драка в доме у Алдана, потом их ночные скитания...

– Что случилось, Денис? – она заметила, как резко изменилось его настроение.

– Я вспомнил, что ты... – начал было Денис, но тут же резко сменил тему. – Ты обещала мне рассказать, как у тебя получилось так классно вырубить того мужика. Там, у Алдана.

– А, ты про это? – она показала на его побитую физиономию.

– Ну да. Ты же одним ударом здорового бугая свалила.

Сейчас она почти со смехом вспоминала тот, как бы точнее выразиться, инцидент. Но тогда, в логове Алдана, было совсем не до смеха. А это было именно логово. Частный дом

недалеко от привокзальной площади, бывший когда-то, видимо, добротной усадьбой, пришел в полное запустение и превратился в притон, место сборища местных бродяг и алкашей.

Его хозяин, Алдан, бывший старатель, был каким-то старым знакомым отца Дениса – то ли в школе вместе учились, то ли в армии служили. Денис даже и не знал точно. Никого другого из знакомых у отца в городе не было, вот он и дал Денису адрес Алдана. Забегги, мол, попроведай, привет передай. Денис заходил несколько раз. Алдан каждый раз был рад, даже покормить пытался.

Но в этот раз им не повезло. В доме шла грандиозная гулянка. Дым столбом, куча народа, на столе батарея бутылок. Сам Алдан был уже в отключке и спал в углу. Алена сразу потянула Дениса назад:

– Пойдем отсюда.

Но было поздно. Их заметили.

– Ух ты, какая краля.

Из-за стола поднялся здоровенный мужик – видимо, главарь, авторитет местный. Несмотря на тревожность ситуации, Алена поневоле улыбнулась про себя – уж очень колоритным был этот тип. Как с картинки. Или из фильма. Майка-тельняшка, татуировки, бритая голова...

Разбудили Алдана, тот уставился на вошедших мутным взглядом, потом, узнав Дениса, проямлил что-то вроде: «Это свои. Проходи, Денис». И снова отключился. Здоровяк обрадовался:

– Свои? Ну, проходи. Денис, говоришь? А ты кто? Ладно, сейчас познакомимся.

Он налил рюмку водки и протянул Денису:

– Держи. За знакомство.

– Нет-нет, я не буду, – попытался отказаться Денис и оттолкнул протянутую рюмку. Водка выплеснулась прямо на мордоворот. Тот ахнул от возмущения и молча даже не ударил, а просто ткнул Денису в лицо своим кулаком-кувалдой. Но и этого тычка оказалось достаточно, чтобы Денис отлетел в сторону.

А дальше произошло то, чего никто не ожидал. Ответ Алены был молниеносным. Мавашки-гери получился на славу. Как на тренировке – с четким разворотом опорной ноги на девяносто градусов, с прекрасным выносом ударной ноги.

«Кумите».

Ее кроссовок своей шнуровкой смачно врезался точно в левую скулу мужика. Тот молча, не издав ни звука, рухнул на пол. Только слышно было, как зубы лязгнули.

Алена сама испугалась – жив ли? И в наступившей тишине бросилась к обездвиженному телу. Жив, дышит. Просто в глубоком нокауте.

«Кирьяков был бы доволен».

«Надо же, какая крепкая память мышц – ничего не забыли».

«Каратист не нападает первым, но бьет первым. Но на меня не нападали. Зато напали на моего друга, что одно и то же».

– Все, пошли отсюда, – помогла она подняться Денису.

Они ушли, оставив в полной прострации моментально протрезвевшую компанию...

И теперь Алена просто улыбнулась Денису:

– А что ты хотел – у меня черный пояс по карате.

– Что-о?!

Алена расхохоталась.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи подробнее.

– Потом. Я же первая задала вопрос.

– Какой вопрос?

- Что такое Большая игра?
- А почему ты об этом спрашиваешь?
- Мне показалось, что это... Как сказать... Что-то страшное, что ли.
- Страшное? Почему? – удивился Денис.
- Ну, по реакции этого твоего... Клозе.
- Да нет, страшного там ничего нет. Это такое телевизионное шоу. Его уже несколько лет проводят старзы.
- Кто проводит?
- Старзы. Покер-старз. Это самый раскрученный, самый крупный покер-рум.
- Стоп. Денис, давай договоримся. Мне очень интересно, чем ты занимаешься. Мне интересен твой покер, хотя я ни разу в него не играла и даже никогда не видела. Мало того, я тоже хочу научиться играть...
- Ты?!
- Да, хочу. И ты меня научишь. Но только прошу – рассказывай человеческим языком.
- Ладно-ладно. Я понял. Извини. Само вырывается. Привык уже. Покер-рум – это просто покерный сайт. Так сказать, площадка для игры.
- «Покерная комната»?
- Как-то так. Если дословно. Регистрируешься там, вносишь деньги – и играешь. Их много – Пати-Покер, Юнибет, других куча, а старзы, то есть Покер-Старз – самый крупный.
- Это я уже поняла. Звезды покера, да?
- Как-то так.
- Давай про Большую игру.
- Смысл такой – за столом шесть человек. Пять из них – профессионалы высочайшего уровня, суперзвезды. Чемпионы мира, обладатели браслетов. Фил Хельмут, Даниэль Негреану, Фил Айви...
- Стоп.
- Ага. А один – любитель. Ему организаторы дают стартовый стек. Там, в телевизионной игре, это сто тысяч долларов. Все, что выиграешь сверх этой сотни – твое. А проиграешь – ничего не теряешь. Просто кто-то из профессионалов чуть побогаче станет. А игра называется Большой, потому что по очень высоким ставкам играют. Там блайнды двести и четыреста долларов, да еще анте сто долларов. И профи могут ребаи делать.
- Стоп. Стоп-стоп! И что, любой человек может попасть туда?
- Ну да. Проходишь отбор. То есть турнир специальный выиграть надо. В интернете. Там и домохозяйки играли, и полицейские, и шофера...
- И кто-нибудь выигрывал?
- Конечно, и не раз.
- А ты тут при чем?
- Да наши покеристы собрались как-то и сами организовали нечто подобное. Уже несколько игр прошло.
- А вам кто дает этот... Стек? Ну, стартовый капитал.
- «Берлога». Мы там играем обычно. Пятьсот тысяч, только рублей. И блайнды соответственно в рублях.
- Ладно, ничего не поняла. Потом подробно расскажешь. А отбор?
- Проходит специальный турнир, победитель попадает на Большую игру.
- Та-ак, – протянула Алена. – То есть ты хочешь выиграть этот отборочный турнир, получить на халяву полмиллиона, а потом выиграть и на этой вашей Большой игре?
- Как-то так, – согласно кивнул Денис.
- И рассчитаться с долгом, – она подвела итог.
- Не только. Надеюсь, кое-что еще останется.

- А ты не слишком губу раскатал?
- Не слишком. Понимаешь... Я не знаю, как тебе объяснить. Еще несколько дней назад я сомневался. Очень сомневался. А теперь – нет. Теперь я точно знаю, что все получится. Что выиграю. Потому что сейчас у меня есть ты.
- Ну, знаешь ли. Мою роль в этом деле ты явно преувеличиваешь.
- Нет-нет. У меня как будто крылья выросли. Я сейчас все смогу...
- От нахлынувших чувств он даже привстал.
- Стоп, – остановила она Дениса. – А почему раньше сомневался?
- Просто у меня мало опыта игры в реале, вживую. То есть за реальным столом, с живыми людьми. Покер ведь запрещен. Я все время в интернете играл.
- А есть разница?
- Конечно! Еще какая! Во-первых, там у меня есть статы, ридсы, нотсы...
- Стоп! Снова стоп.
- Хм, понял. Значит, так, – у него в голосе вновь прорезались нотки Игорьнета. – Есть специальные программы. Холдем менеджер, Покер трекер. Они статистику выдают по каждому игроку за столом – как кто играет. Помощник такой. Если коротко. Как-то так.
- Слушай, прекрати наконец «как-то так»! Я тебя буду звать не Денисом, а Кактотаком.
- Да? А ты перестань меня перевоспитывать и переделывать.
- Вот как? Мы уже ругаемся?

Денис остановился, помолчал и очень серьезно сказал:

- Алена, я понимаю, что двум людям, которые совсем недавно встретились, сразу сложно привыкнуть друг к другу. Но знай, я сделаю все, чтобы мы остались вместе.
 - Хорошо, Денис, – так же серьезно ответила она. – Я... Я не против. Ты не обижайся.
 - Да разве можно обижаться на такую красивую и умную девушку?
 - Ты можешь тоже мне замечания делать. Говори, что тебе не нравится.
 - Мне? Мне все нравится. Ты – идеал. У тебя нет недостатков.
 - Все, прекрати.
 - Нет-нет, это правда, – продолжал подзуживать ее Денис.
- Ему нравилось, как она на полном серьезе воспринимала его полушутливые комплименты, начинала возмущаться и отнекиваться, но это у нее получалось скорее игриво и кокетливо, чем серьезно.

- Так что там про покер? Ты про живую игру рассказывал, – остановила его Алена.
- Да? Короче, в игре офф-лайн гораздо больше психологии, чем в он-лайне. Надо уметь «читать» соперника за столом – по жестам, мимике, поведению. И так далее. А у меня это пока не получается. Как-то так.
- Денис!
- Ой. Извини. – Денис взял из подставки на столе розовую салфетку и стал ее очень сосредоточенно крутить и складывать. – Ну, и оф-лайн... как сказать, скучнее, что ли. С одной стороны, интереснее. Да, реальный стол, живые люди, карты в руках, фишки... Но играешь редко, больше сидишь и ждешь.
- Чего ждешь?
- Новой раздачи. Пока кто-то другой играет, думает. Чаше-то приходится пасовать, карта ведь не всегда приходит...
- А в интернете?
- Там сразу несколько столов играешь.
- Как это?
- Ну как – открываешь четыре стола, например, или шесть. Где-нибудь да будет карта.
- И успеваешь?

– Мастера есть – и по двадцать четыре стола играют. Но это на нескольких мониторах...

Денис наконец докрутил салфетку, встал и очень торжественно вручил Алене... розочку. Маленькую, но очень элегантную и аккуратную – небольшой бутончик, один лепесток чуть отогнулся в сторону, даже листочек был на стебельке. Она опешила от такой неожиданности.

– Ты... Как это? Прелесть какая, – она с умилением разглядывала подарок. Потом чмокнула Дениса в щеку.

Он засмутился и плюхнулся обратно на свой стул. Но вовсе не от такой искренней благодарности. Ему стало очень неудобно перед самим собой. Этот прикол с розочкой был его обычным беспроектным козырем на первом свидании с девушками. Даже букет живых цветов не производил такого впечатления, как эта маленькая салфеточная розочка, неожиданно появляющаяся у него в руках. Но... Сейчас был другой случай. Не стоило выпендриваться перед Аленой этим своим избитым и многократно испробованным приемом.

– Спасибо, – Алена воткнула розочку за ухо, сразу став похожей на Кармен. Только рыжеволосую. Хоть сейчас на танец приглашай. Она-то подумала, что он так смутился именно от ее реакции, и попыталась быстренько вернуться к разговору. – Ладно, а Клозе тут при чем?

– Клозе? Он, оказывается, один из этих самых пяти профи.

– То есть ты будешь играть против него?

– Скорее он против меня. Как он тебе, кстати?

– Классный тип. Прикольный. Да, он же сказал, что ты расскажешь мне, почему его так зовут.

– Ну да! – Денис рассмеялся. – Знаешь Мирослава Клозе?

– Нет. А кто это?

– Что, футболом совсем не интересуешься? – Денис посмотрел на часы и спохватился. – Нам пора, Гарик уже дома должен быть. Пойдем, по дороге расскажу.

Они пошли к выходу. Черненькая барменша Жанна за стойкой помахала ему рукой, как старому знакомому, и, провожая взглядом Алenu, показала большой палец – мол, клевая девчонка. И, шутливо надув губки, всем своим видом продемонстрировала – ясно теперь, из-за кого в прошлый раз меня с собой брать отказался. А сам чего-то оправдывался, отнекивался. Пока он снова, как и тогда, на всякий случай покупал у нее минералку, она заговорщицки прошептала ему:

– Классная девчонка. И вы классно подходите друг к другу. Как только зашли вместе, я с первого же взгляда поняла...

Понедельник, 10.00

При первом же взгляде на Соболевского Юрий невольно вспомнил слова из некогда популярной песни – «настоящий полковник». Хоть сейчас в строй, на парад. Сухощавый, подтянутый, аккуратно подстриженный. Седины почти нет. Он очень хорошо выглядел для своих семидесяти пяти. Или сколько ему? Если вышел на пенсию в сорок пять, а было это лет тридцать назад, как Димка рассказывал... Ну да, должно быть далеко за семьдесят. Но своей молодостью и подтянутостью он дал бы фору и пятидесятилетним. Молодым девчонкам совсем не зазорно было общаться с таким «кавалером».

Модная яркая куртка, белая рубашка, галстук... Стильные очки в тонкой изящной оправе, слегка затемненные стекла... Импозантный полковник смотрелся совершенно инородным телом в этом месиве из полупьяных красных лиц, полувывитых стаканов с пивом, полусъеденных кусков копченой рыбы. Но, тем не менее, сразу было видно, что здесь он «свой в доску».

Кафешка отделялась от рынка прозрачной стеклянной перегородкой. За столиками сидели усталые, измотанные дорогой приезжие из близлежащих деревень. Проглатывали второпях разогретые в микроволновке беляши и чебуреки, готовясь заняться бессмысленной беготней по магазинам. «Как в аквариуме», – подумал Юра, разглядывая бывших земляков. Кажется, они совсем не изменились. Такая же унылая серая однообразная масса – одежда блеклых цветов, недовольные физиономии, раздраженные жесты. Нет ни улыбок, ни смеха... И лица у всех были какие-то серые и землистые. Даже у красномордых пьянчуг они казались бесцветными.

В свое время Юрий именно из-за этой тусклой беспросветности и уехал. Хотя, если разобраться, в такую же серую обыденность и попал, только немного приукрашенную и замаскированную разноцветными фантиками и мишурой столичного города.

Ярких цветных пятен почти не было. Даже подростки, которым, казалось бы, по возрасту положено стремление к индивидуальности и самовыражению, как под копирку, носили типовые серо-синие балахоны с накинутыми капюшонами. Так, что даже лиц не видно. Прячутся, что ли? От чего? Или кого? От видеокамер? Привычка уже такая?

Компания Полковника сидела в дальнем углу, тесно сдвинув стулья. Здесь никто никуда не торопился – опохмелиться уже опохмелились, до вечера был целый день. Сиди себе да сиди...

– Аптека работает, – усмехнулся Димка.

– Аптека? – не понял Юрий.

– Ну да. Мужики эту кафешку «аптекой» называют. С утра встречаются: «Пойдем в аптеку за лекарством». У них и в телефонах номер Катерины записан как «Катя-аптека».

Соболевский узнал Диму, кивнул ему и собрался уже было вернуться к какой-то застольной беседе, но Дима помаячил ему рукой, показывая – мол, подожди, разговор есть.

– Ты ко мне? – вышел из «аквариума» Полковник. – Тебя же, кажется, Дмитрием зовут? В отделе у Осипова служишь?

И, не обращая внимания на Димкины согласные кивки, удовлетворенно хмыкнул сам себе что-то одобрительное, словно радуясь, что память еще работает.

– Да-да, все правильно, Геннадий Григорьевич. Тут вот какое дело. Друг дочку ищет.

Полковник повернулся к Юрию, протянул ему руку. Крепкое рукопожатие, свежая рубашка, чисто выбрит... Только по красным глазам, вблизи хорошо видным сквозь затемненные очки, да по устойчивому многодневному перегару можно было понять, что Полковник находится в состоянии глубокого «перманентного» похмелья.

– Из дома ушла? – сразу вник в суть дела Соболевский.

– Да.

– Давно?

– Четвертый день.

– Ты фотографию покажи, – подсказал Юрию Димка. – Геннадий Григорьевич, посмотри. Нигде не появлялась? Ты же всех девчонок знаешь.

– Всех знаю, – усмехнулся Полковник, внимательно посмотрев в глаза Дмитрию, словно проверяя, серьезно тот говорит или с какой-то подоплекой.

Юра нашел в смартфоне фотографию Алены. Хорошо, что Димка подсказал с ноутбука сбросить...

– Ух ты, какая рыжая! – не удержался Полковник. – И симпатичная. Нет, не видел. Точно. Такую я бы запомнил. Так что извините, ребята. Ждут меня.

Он кивнул в сторону собутельников.

– Привет передавай Осипову.

– Хорошо, – растерянно и разочарованно протянул Дима.

Но тут Полковник остановился:

– Погоди... Рыжая, говоришь? Была рыжая. Сегодня утром Прокоп что-то рассказывал, чертяка... Ждите здесь, сейчас выясню...

Они примостились за ближайшим столиком, взяли по стаканчику кофе.

Мужики из-за дальнего стола недовольно поглядывали на них, всем своим видом показывая возмущение – явились тут какие-то, всю пьянку испортили. Один даже что-то жестами показал Димке. Тот в ответ только улыбнулся.

– Ты их тоже знаешь?

– Не всех. Вот этот, волосатый, что руками машет, кандидат наук. В институте преподавал, доцентом был, потом институт признали неэффективным, реорганизовали. Вот он здесь и оказался. А тот, высокий, в углу, известный в городе телекомментатор. Был. Матчи хоккейные комментировал. Так что все они здесь в полной мере оправдывают гордое звание «бич», бывшие интеллигентные люди, – резюмировал Дмитрий.

К ним подсели две девицы неопределенного возраста с остатками симпатичности.

– А что это вы, мальчики, с утра только кофе пьете?

Юрий посмотрел на часы: «Да-а, утро, десять часов. Что, понедельник день тяжелый? Или здесь всегда так?»

Девицы по-хозяйски уже начали располагаться за столиком, сложив на него свои сумочки и закинув ноги на ноги. Юрий вопросительно посмотрел на Диму: «И что с ними делать?»

Тот так же вопросительно пожал плечами.

Полковник вернулся, увидел девиц и молча показал им жестом: «Брысь!», девочки так же молча встали и исчезли. Соболевский, как будто извиняясь, развел руками: «Что вы хотите – это рынок».

Рядом с Полковником сутился какой-то небритый мужичок, он усадил его к ним за столик на освободившееся место:

– Это Прокоп. Ну, мужики, я пошел. Сделал, что мог. Расскажи им все, что знаешь, Прокоп. А меня вон, черти мои заждались уже.

Небритый молча смотрел то на Дмитрия, то на Юрия, переводя мутный взгляд с одного на другого.

– Ну? – поторопил его Димка.

Потом сообразил:

– Катя, налей-ка пива...

Глаза небритого посветлели, он оживился:

– Тебе про Бига рассказать?

– Про кого?

– Ну, Полковник сказал, расскажи им все, что случилось с Бигом.

– А что с ним случилось?

Катерина поставила на столик полулитровый пластиковый стакан с какой-то жидкостью, отдаленно напоминающей пиво. Пены не было совершенно, только поднимались редкие пузырьки. «Это они называют пивом? Как они его пьют?» – удивился Юрий. Да и запахом напиток никак не был похож на пиво. Но Прокоп, тем не менее, жадно набросился на «живительный» напиток, держа мягкий стакан двумя руками, видимо, чтобы не расплескать или не смять его. И, пока Дима расплачивался с Катериной, успел выглотать половину стакана.

– Так что случилось с этим твоим Бигом? И кто он вообще такой? – отобрал у него недопитый стакан Дмитрий и отодвинул в сторону. Тот дернулся было за ним, но понял – «утром стулья, вечером деньги».

– Кто такой Биг? Ты что, Бига не знаешь? – небритый обращался исключительно к Димке, полностью игнорируя Юрия. Так прирученный зверек беспрекословно подчиняется тому, кто наливает ему молочко. А этот – тому, кто заказал пиво...

– Не знаем, представь себе.

– Ну ты даешь. Его же все знают! – искренне удивился Прокоп. – Здоровый, как...

Он замялся, видимо, пытаясь откопать в извилинах хоть какое-то сравнение, насколько же тот здоровый. Но, поняв безуспешность попыток, неожиданно спросил:

– Ты английский знаешь?

– Ну... Немного.

– Так вот. «Биг» по-английски значит «большой», – гордо заявил Прокоп.

– Да ты что? Правда, что ли?

– Да-да! – осмелевший мужик, удивляясь тупости собеседников, пододвинул стакан с пивом поближе к себе. – Так вот, его недаром Бигом зовут. Такой он большой. Ну, и здоровый, само собой.

– И что? – поторопил его Дима, увидев, что Прокоп уже приподнял стакан.

– А то, что ночью сегодня его девка вырубил. Одним ударом.

– Какая... девка? – спросил Юрий, с трудом произнеся слово «девка».

– Рыжая, – мужик по-прежнему отвечал не Юрию, а Диме.

– Где? – тут же напряглись оба.

– У Алдана дома, – и Прокоп торжественно допил остатки пива.

– Алдан, это кто? – снова спросил Юрий.

– Я знаю, – остановил его Дима. – Что она там делала?

Прокоп, допив пиво и отдышавшись, стал говорить уже спокойно:

– А я знаю? Меня там не было. Утром Ваньша рассказывал в «Привокзальном». Он там был. У Чубатого днюха была, вот он поляну и накрыл. Он же накануне с Марго поругался, ну, с бабой своей, и вроде как замирился хотел. А она не одна пришла...

– Ты к делу ближе давай, – жестко, как на допросе, прервал его Дмитрий.

Осоловевший Прокоп сразу по тону понял – и пива больше не нальют, и поболтать не получится.

– Слушай сюда. Они у Алдана продолжили. Там бухали. Рядом же. Биг тоже там был. И тут среди ночи заваливает эта девка с парнем...

– С парнем? – удивился Юрий.

– Ну да, двое их было.

– Странно. Люба говорила, не было у нее парня, – растерянно повернулся Юрий к Димке.

– Погоди, потом разберемся. Дальше что?

– Парню этому Алдан был нужен. То ли родня он его, то ли еще что. А тот уже в отключке был. Биг просто налить им хотел, угостить за знакомство. А парень ни в какую, не буду с вами пить. Не уважает, видите ли. Ну, Биг ему и врезал. А девка в ответку дала Бигу. В челюсть. Ногой! Нет, ты прикинь, а? Ногой. Биг и вырубился. С одного удара! От девки! Так что он не Биг теперь никакой. А... этот... как его...

– Литтл, – подсказал Дима.

– Вот-вот!

– Все, пойдем.

– Мужики, возьмите еще пивка, – взмолился Прокоп.

– Перебьешься, – сурово ответил Дима, но Юрий подошел к стойке, заказал еще стакан этой странной жидкости под местным названием «пиво».

– Зря, – коротко бросил Дима, издали помаячил рукой Полковнику «спасибо» и потащил Юрия к машине. Он был похож на ищейку, взявшую след.

– Это точно она была! – возбужденно объяснял ему на бегу Юрий. – Люба говорила, она карате занималась много лет. Черный пояс у нее.

Дима даже остановился:

– Ого! Ну да? Ой, не повезло бедному Бигу!

– И что это был за парень с Аленкой? – спросил Юрий, понимая, что Дима точно так же не знает.

– Сейчас узнаем. Все выясним. Едем к Алдану. Если этот парень на самом деле его родственник, узнаем, кто он. Где живет и так далее. Дело техники. Найдем его, найдем и Алену. Главное, что она здесь, в городе. А тут уж...

Он сделал пару звонков, потом объявил:

– Нет, не так. Ты бери мою машину и дуй в сервис. А я к Алдану. Вот адрес сервиса, – он протянул Юре листочек.

– Где это? – тот прочитал название незнакомой улицы.

– Навигатором умеешь пользоваться? Пойдем, покажу, где...

– Может, вместе поедem к Алдану?

– Нет-нет. Это уже моя работа начинается. Сейчас подъедет пара моих ребят, тряханем мы этот притон как следует. А твоя задача Михаила не упустить. Алдан – мой, а Михаил – твой. Тем более, что вы уже встречались. У нас две ниточки. Одну я буду раскручивать, а другую – ты.

ФЛОП

«И что же они все хотят?» – даже не успела она обдумать получившуюся ситуацию «мульти-пота», то есть банка с максимально возможным количеством участников. Девушка-дилер выложила карты флопа. За столом сразу возникло напряжение. Там оказались туз, король и дама. Она получила сет королей.

Оба блайнда сразу пасанули. «Ясно, не попали. Крупных карт у них нет. Вообще ничего нет. Ставили на префлопе только по „шансам банка“. То есть банк был уже настолько большой, а ставка по сравнению с ним оказывалась так мала, что с точки зрения математики ставить было выгодно. Ладно, это понятно. Что дальше?»

Теперь было ее слово. Все буквально уставились на нее. Она же начала этот нестандартный веселый розыгрыш, она и должна продолжить.

«Будем считать, что двух тузов ни у кого нет. Иначе их владелец на префлопе не коллировал бы мой рейз, а повышал. Двух королей – тоже не может быть. Два у меня, один на столе, остается только один. Две дамы, получив сет, все равно проигрывают моему сету королей. Что еще? Туз-король или туз-дама – получается только две пары. Остается валет-десять. У кого-то может быть готовый стрит. И вот это реально и опасно. Ну что ж, будем проверять. Не сбрасывать же сет королей».

Что успокаивало – флоп вышел «радугой», то есть все три карты разной масти. Значит, флеша можно было не бояться...

Она объявила ставку: «Бет». Ей показалось, что все за столом даже вздохнули с облегчением. Значит, ее рейз-префлоп был «по делу», и у нее на самом деле есть что-то серьезное.

В игре остались еще три оппонента. И опять никто ее не переставил, все трое просто заколлировали.

Понедельник, 10.00

– Ух ты! – Алена застыла на пороге, не решаясь пройти дальше.

Квартира была однокомнатная, но с таким шикарным евроремонтом и с такой шикарной мебелью, что у любого, входящего сюда в первый раз, перехватывало дыхание. Чувствовалось, что здесь поработал дизайнер-профессионал.

– Проходи-проходи, – подтолкнул ее Денис. – На ближайшие дни это наш дом. Так что становись хозяйкой. Здесь кухня, вот ванная, туалет.

– Погоди, ты что, уже здесь бывал?

– Ну да.

– С кем? – повернулась к нему Алена.

– Как с кем?

– Ты же сам говорил, что он ключи дает друзьям, когда кому-то с девочкой надо ночь провести. И ты тоже? Был? Если это так, я здесь не останусь.

– Нет-нет, – Денис взял ее за плечи и посмотрел прямо в глаза. – Честное слово, нет.

«Она что, тоже ревнует?»

– Мы здесь несколько раз компанией собирались. В покер играли. Так, свой маленький круг.

– Точно? Ну, тогда ладно. Боже, неужели я наконец залезу в ванну? Да и тебе побриться не мешало бы.

Она не обливалась уже несколько дней, если не считать купание в речке у Тополиной поляны, и чувствовала себя с каждой минутой все хуже и хуже. Сняла куртку и в растерянности огляделась – повесить некуда. Нет ни вешалки, ни полки-подставки для обуви. Денис, видя ее замешательство, галантно открыл дверцу встроенного шкафа-гардероба, так замаскированного под обои, что непосвященный и не заметил бы.

– Прошу вас, мадам.

– А чисто так почему? Если тут постоянно кто-то... Ну, так сказать, с девушками...

– Все после себя убирают. Закон здесь такой. Так что готовься – будешь палас чистить, полы мыть, белье стирать.

– Да я не против, не в первый раз.

– Шучу, – рассмеялся Денис. – Домработницы у него. Ну, девчонки из клининговой фирмы. Приходят, когда надо. Нравится? Хорошо работают, не поспоришь.

– Да уж, – она на цыпочках прошла в комнату. – У него что, родители крутые?

– Типа того. То ли завод у них свой, то ли еще что-то. Бизнесмены.

– Так это их квартира?

– Нет, Гарика. А он сам, пока родичей нет, в их квартире обитает. Тоже в центре.

– А они сами где?

– На родину, в Армению уехали. Года два уже. Я так понял, что в ближайшее время возвращаться не собираются. Пока. Гарик говорил, что у них и там бизнес пошел. А он сам регулярно к ним летает.

– Красиво жить не запретишь, – Алена остановилась у большого аквариума, стоявшего на специальной подставке-треноге в проходе между прихожей и комнатой.

– Ути-ути-ути, – поманила она рыбок, постучав по стеклу. Те, как дрессированные, сразу повернулись и дружно уткнулись в прозрачную стенку, лениво приветствуя ее плавниками.

– А-а, голодные, есть хотите? – она бросила им щепотку корма из стоявшей тут же, на треноге, специальной плошки. – А ты есть хочешь? – и освоившаяся Алена потащила Дениса на кухню.

– Нет, бутербродов в кафе хватило.

– Ладно, чай попьем.

Здесь Алена была ошарашена еще больше. Такие кухни она видела только в кино. Огромная, у них с мамой вся комната была меньше.

– Ты не комплексуй, не стесняйся. Будь попроще, – улыбнулся Денис, видя ее реакцию. – Я тоже сначала боялся здесь на пуфик сесть или ложечку на стол положить. Вообще все как у людей, просто выглядит немного лучше.

– Вот именно лучше, – Алена немного осмелела и открыла дверцу шкафчика. – Где-то здесь должен быть чай... Смотри, что я нашла!

– Что это?

– Сейчас я тебе кофе сварю. Хочешь? Настоящий. По-восточному. Ну, или по-турецки. Называй, как хочешь. Нет, лучше я тебя научу самого кофе варить. Иди сюда!

Она вытащила на стол кофемолку, пакет с зернами кофе, несколько турок на длинных ручках.

– А вот это зря он делает, ну, Гарик твой. Или кто тут хозяйничает, – она достала баночку с уже помолотым кофе. – Заранее намолоти, загодя. Нельзя, молотый кофе быстро теряет вкус и аромат даже в закрытой посуде.

Алена уверенными движениями подключила кофемолку. Еще раз повторила:

– Нельзя. Молоть зерна надо только перед употреблением!

Открыла, внимательно посмотрела на содержимое:

– И вообще, совершенно неправильно они тут делают. Помол должен быть как можно мельче. А такой крупный, грубый помол... Видишь? Такой нужен, когда кофе готовят во френч-прессе. Ну, знаешь, такой стаканчик, а в нем поршень с сеточкой-ситом, чтобы гущу отделять. Только сеточка должна быть обязательно металлической, ни в коем случае не пластмассовой.

Она посмотрела на него и махнула рукой:

– А, ничего-то ты не знаешь. А для кофе в турке...

– В чем?

– В турке. Вот эти сосуды так называют. Турка. Или джезва. В них кофе и готовится. Так вот здесь помол должен быть очень мелким, буквально в пыль. Так что мы свой сделаем...

Она засыпала зерна в кофемолку.

– Ты пока плиту зажигай. Две конфорки. Хорошо, что здесь газ. Кофе любит открытое пламя.

Кофемолка зажужжала.

– Открытое пламя готово, – доложил Денис. – А я видел, как кофе варят на песке. Ванночка такая стоит с песком, на ней эти турки или как там их нагревают.

– Джезвы. Дже-звы. А турками их называют, потому что в Европу кофе из Османской империи попало, от турков. Они, османы, арабы и прочие на востоке готовили кофе у костра, а температуру регулировали, пододвигая или наоборот, отодвигая джезву по горячему песку, – samozабвенно рассказывала она, не обращая внимания на шум кофемолки. – Так что эти ящики с песком только традиция. Ну, и экзотика для любителей. А на газовой плите кофе несколько не хуже получится. Смотри, какие турки хорошие, – она показала Денису, – горлышки узкие. Вот тебе турка, сам будешь делать.

Денис послушно взял ручку.

– Ты кофе с сахаром будешь?

– Да я потом положу...

– Ни в коем случае! Кофе ведь получится с гущей. Поэтому перемешивать его считается дурным тоном, сахар сразу кладем. Причем первым, на самое дно. И слегка плавим на медленном-медленном огне, чтобы не пригорел, а только покориичневел. Это по-научному называется карамелизацией. Долго не держи... Ну-ка, покажи, что у тебя. Все, хватит, отличный золотистый цвет!

Денис тоже заглянул в свою турку – чему она там так радуется?

– Вот теперь засыпаем кофе и все заливаем водой. Я сейчас на глаз насыпаю, а вообще есть четкая пропорция. Воды наливай по узкое горлышко турки.

– Вот так?

– Да-да. Если меньше нальешь, то увеличится площадь соприкосновения напитка с воздухом, соответственно больше твердых частиц испарится. Кофе будет менее насыщенным. А если больше нальешь, то не сможешь довести кофе до точки кипения – пене будет некуда подниматься. Потому что в этом деле главное – довести до точки кипения, но не кипятить!

И чем медленней огонь, тем насыщенной напиток. Перемешивать не нужно. А вот такими легкими движениями, смотри, просто вращай турку, чтобы кофе не пригорал на дне. Но опять же – часто так не надо делать. Всего несколько раз и очень плавно...

– Послушай, Алена, откуда ты все это знаешь?

Она рассмеялась:

– А я бариста.

– Кто-кто?

– Бариста. Специалист по кофе. Бариста я работаю.

– О-па, – Денис сел на стул. – И давно работаешь?

– Уже второй год.

– Бариста, говоришь?

– Что, никогда не слышал? Сейчас это популярно, модно. Ну, знаешь, как сомелье – специалисты по винам, так мы, бариста, – по кофе. Ну ладно, ближе к делу. Не отвлекайся. У нас процесс идет! Вот видишь, пена поднимается. И чем мельче помол зерен, тем она плотнее. Она, как пробка, не дает испаряться маслам, которые и дают вкус и аромат кофе. Понятно?

– Ага, – послушно кивал ошалелый ученик.

– Пена хорошая, густая, плотная. А теперь... Внимание! Лови момент. Как только кофе будет готов закипеть, пена резко пойдет вверх. Сразу снимай! Вот, вот... Давай!

– Уф-ф, – Денис аж вспотел.

– Отлично! Молодец. Это и называется «ходом пены». Она должна лишь подняться, но не разорваться. А кофе не должен закипеть. Что, сложно? Теперь ждешь чуть-чуть, минутку, пусть пена немного осядет. И повторяем ход пены.

– Что, снова?!

– И так не менее трех раз, – рассмеялась Алена. – Давай-давай, все же очень просто. У тебя хорошо получается. А я пока чашки приготовлю, стол накрою.

– В комнате накрывай. Я понял, кофе пить на кухне не пристало...

– Ладно, – рассмеялась она. – Пить кофе надо только из фарфоровых чашечек. Можно из керамических, толстых, но из тонких фарфоровых приятней. Мне так, во всяком случае, кажется. Вот, нашла. Отличные чашечки!

– Я рад за тебя, – пробурчал Денис, всецело занятый ловлей пены.

– Ну что, ты закончил? – крикнула она уже из комнаты. – Молодец! Неси сюда.

– Все, кажется, – он с облегчением сдал ей готовое произведение. – Ты дальше сама с этим разбирайся, а я музыку включу. У Гарика тут классная подборка есть. «Вечер вдвоем», музыка для души. Лучшие мелодии. Десять дисков...

В колонках раздались первые звуки – оркестр Поля Мориа начал тему любви из фильма «Крестный отец».

– Вот смотри, – Алена увлеченно продолжала заниматься своей, кофейной «симфонией». – Можно сначала пену снять на отдельное блюдо, разлить кофе, а потом уже разложить пену по чашкам сверху. Но мы сделаем проще.

Она ложечкой зачерпнула пену из турки, положила в обе чашки, потом налила сам напиток.

– Чувствуешь аромат? Надо немного подождать, чтобы гуща осела. А чтобы она быстрее оседала, добавим несколько капель холодной воды. Вообще кофе по-восточному подается вместе со стаканом холодной воды... Ну, все. Пробуй!

Они сидели за столом, наслаждаясь свежеприготовленным крепким черным кофе.

– Нравится?

– М-м, – Денис обжегся, сделав большой глоток, и запивал кофе водой.

– Вообще, этот способ варить кофе – в турке – один из самых древних. И рецептов – уйма. Ну как? Не сравнишь с растворимым? Между прочим, этот растворимый, в пакетиках,

только у нас так популярен. На Западе предпочитают натуральный, из зерен. Там только около десяти процентов приходится на растворимый. Сублимированный, если правильно. А у нас шестьдесят-семьдесят.

– А ты где работаешь этой... бармистой?

– Ба-ри-ста! Не склоняется. Так же как сомелье. Ты же не скажешь – сомельёй. Кем работаешь? Сомельёй, – она так скорчила рожицу, что сама рассмеялась.

– Ну, бариста. Кофеваром, короче.

– В салоне красоты. У меня там мама парикмахером работает. Она меня и устроила. Сначала я там уборщицей работала. А у них в салоне кафе есть, безалкогольное. Им нужен был бариста. Там же клиентки все крутые, навороченные, с претензиями. Им все подавай по высшему разряду. И кофе – тоже. Я курсы окончила, попробовала. Получилось. Вот и работаю после школы. Между прочим, уже конкурс выиграла. По латте-арту.

– По чему?

– По латте-арту. Ну, как тебе объяснить. Рисование на поверхности кофе. Вливаешь сливки в эспрессо так, чтобы рисунок получился. Только я не работаю уже. С первого сентября уволилась.

– А что?

– Мама заставила. К экзаменам готовиться надо. Выпускной класс и все такое... Ну да ладно.

«Крестного отца» сменила «Эммануэль». Алена только сейчас прислушалась к музыке.

– А ты откуда знаешь, что здесь этот «Вечер вдвоем» есть? Ты хочешь сказать, что вы в покер под «Эммануэль» играли? Или все-таки вечер вдвоем был? Гарик этот твой музыку специально для таких мероприятий подбирал?

– Ты опять? Я в покер всегда с музыкой играю. Одеваешь наушники – и ничего уже не отвлекает. А нужная музыка еще и мобилизует, настраивает.

– Да? «Вечер вдвоем» мобилизует? Настраивает? Интересно, на что настраивает?

– Здесь просто больше ничего нет, вот и включали. Конечно, лучше что-то вроде «Кислорода» или «Магнитных полей» Жан-Мишеля. Но у Гарика Жарре нет. Но и «Вечер» неплохо подошел. Так, музыка для фона.

– Ну-ну. Для фона. А под «Пинк Флойд» не пробовал играть?

– Нет... Хотя надо попробовать.

– Дарю идею. Допивай кофе, пока не остыл. Видишь, гуща на дне осталась? Вот по ней и гадают. Хочешь, погадаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.